

Николай Зензин

**МЫ ПОМНИМ ВСЕХ,
ДАЛЕКИХ НАМ И БЛИЗКИХ**

РАССКАЗЫ О ВОЙНЕ И ЗЕМЛЯКАХ-РАЗВЕДЧИКАХ

Тюмень
2016

ББК 84Р1-44

347

Зензин Н. В.

347 Мы помним всех, далеких нам и близких. Рассказы о войне
и земляках-разведчиках / Н. В. Зензин. – Тюмень :
ИПЦ «Экспресс», 2016. – 134 с.

ISBN 978-5-9037825-91-5

**71-летию Победы в Великой Отечественной войне
и 105-летию со дня рождения Героя Советского Союза
разведчика Николая Ивановича Кузнецова посвящается**

ББК 84Р1-44

347

© Зензин Н. В., 2016

ISBN 978-5-9037825-91-5

© Оформление

ООО «ИПЦ «Экспресс», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Не дадим переписать историю войны	5
Герой. Разведчик. Легенда	20
Вильгельм Краузе и Пауль Зиберт	30
Разведчик Тетцов из села Новая Заимка	38
Спасибо всем, кто памятник поставил	54
Две войны мамы Жени	67
Фитины, Ожогино и Тюмень	103
Случайного под небом не бывает	110
Журналисты и разведчики – родственные души	120
Бог любит троицу (штрихи к портрету автора)	125

НЕ ДАДИМ ПЕРЕПИСАТЬ ИСТОРИЮ ВОЙНЫ

Знаменитый русский художник Виктор Васнецов сказал однажды: «Плох тот народ, который не помнит, не любит, не ценит своей истории». Война за память, война против наших памятников идет сегодня на всех информационных полях и на многих землях на Украине, странах Прибалтики и в некоторых странах Европы. Кто-то наивно полагает, что вместе с памятниками можно уничтожить нашу память. Но у нас – «везде, по всей России обелиски, в больших и малых парках и садах, мы помним всех, далеких нам и близких, стоявших на смертельных рубежах». Это строки из моего стихотворения «Память», написанного еще в 1965 году к 20-летию Победы. Никто и ничто не может повлиять на историческую память страны и народа, победившего фашизм.

2015 год вошел в историю России, многих стран Европы, да и, наверное, чуть подальше – Америки, как год 70-летия Победы советского народа и наших тогдашних союзников над фашистской Германией. Для нас в Великой Отечественной, для других – во Второй мировой войне. Юбилей состоялся если и не для всех сегодняшних руководителей тех стран, то для рядовых участников великой и всемирной битвы – для всех точно. Именно этому событию, этой жестокой и беспощадной войне и ее героям – землякам тюменцам была посвящена моя книга «Война и разведка», вышедшая в феврале 2015 года. Опасения, что итоги войны могут быть пересмотрены, а иногда уже пересматриваются, были не только у автора, но и, как показали отзывы, у многих моих читателей.

В 2016 году мы обязательно и широко отметим 71-й год Победы, несмотря на экономические санкции Европы и Америки. Одновременно с этим против нас ни на один день не прекращается пропагандистская кампания, цель которой пересмотреть итоги Второй мировой войны, попытаться исказить факты и унизить Россию исторически. Например, президент польского Института национальной памяти Лукаш Каминьский предлагает снести в Польше более 500 памятников советским воинам-освободителям, так как они,

якобы, символизируют «советскую оккупацию», и Советский Союз – не победитель, а агрессор. Даже английский премьер Уинстон Черчилль, никогда не слывший большим другом нашей страны, сказал после войны: «Без русских армий Польша была бы уничтожена или низведена до рабского положения, а сама польская нация стерта с лица земли. Но доблестные русские армии освобождают Польшу, и ни какие силы в мире не смогли бы это сделать». К чести рядовых поляков – 70% из них высказались за то, чтобы сохранить памятник Советско-Польскому Братству.

У книги «Война и разведка» сложилась счастливая судьба. Отдельные ее главы сразу же были опубликованы в областном литературно-художественном альманахе «Врата Сибири» и в журнале «Семья и Отечество», попали на страницы наших ведущих газет – «Тюменская область сегодня» и «Тюменские известия», в еженедельник Тюменского отделения «Единой России» «Тюменский край». По итогам областного конкурса, посвященного юбилею Победы, автор получил диплом 1-й степени от «Единой России» и Благодарность председателя Тюменской областной думы Корепанова С. Е.

А еще меня порадовали отзывы на книгу журналистов, родственников разведчиков Николая Кузнецова и Павла Фитина, ветеранов войны, моих друзей и знакомых, других читателей. Отзывы простые, откровенные, от чистого сердца, показывающие неравнодушное отношение этих людей к сложным, неимоверно трудным испытаниям, выпавшим на долю участников войны и всех тех, кто ковал Победу в тылу. Эти читатели не только поддерживают автора, но часто сами рассказывают о той страшной войне и о нашей Победе, пишут о наших земляках-разведчиках, и даже стихами. Для меня эти отзывы звучат как естественное продолжение рассказов о войне и разведке. Не привести эти отзывы просто невозможно, надеюсь, что они будутозвучны с мнением других читателей.

Журналист и писатель из Мурманска Шибанов Сергей Александрович, уроженец города Кургана, много лет занимающийся кузнецкой тематикой и не раз выступавший по этому вопросу в Тюмени в Совете ветеранов Управления ФСБ и редакции газеты «Тюменская область сегодня», откликнулся одним из первых. Вот что он написал.

Добрый день, Николай Васильевич!

Рад, что моя оценка Вашего труда «Война и разведка» Вам понравилась – писал искренне, что я делаю всегда и как человек, который уже более 30 лет собирает материалы о партизанском отряде «Победители», а значит, и о Николае Кузнецове.

Свой отзыв о Вашей книге отправил также моему земляку Радионову Юрию Николаевичу, директору курганского музея «Память», а там, видать, тоже заинтересовались и спрашивают, где можно достать книгу. Я написал: только в Тюмени.

Вам в заслугу надо поставить, что, как и с Агафьей Ивановной, родной сестрой разведчика Кузнецова Н.И., Вы вывели из небытия скульптора Алексея Клюкина, кузнецковские памятники которого просто замечательные.

Попутно хочу спросить: Вы добились того, чтобы на его могиле поставили настоящий памятник – из камня? Он ведь был фронтовиком, а значит, памятник должны поставить за государственный счет.

*Успехов. Сергей Шибанов,
журналист, город Мурманск*

Примечание автора:

1. Книгу «Война и разведка», два экземпляра, в город Курган бандеролью отправил лично: один экземпляр – в музей «Память», его руководителю Радионову Ю.Н., второй – в Совет ветеранов Управления ФСБ по Курганской области.

2. Памятник скульптору Клюкину Алексею Ивановичу, умершему в 1977 году, сделать из камня за государственный счет не получилось: долго и надо много бумаг. Установили быстрее при финансовом содействии Совета ветеранов Управления ФСБ по Тюменской области. В начале 2015 года скончалась жена скульптора – Старовойтова Александра Тихоновна, врач, тоже участник Великой Отечественной войны, поклонница Николая Кузнецова и соавтор идеи создания памятника разведчику в городе Тюмени. Похоронена на Червашевском кладбище рядом с мужем.

А вот письмо из города Санкт-Петербурга.

Дорогой Николай Васильевич!

С большим вниманием и интересом прочитал Вашу книгу «Война и разведка». Книга написана простым языком и читается на одном дыхании. После нескольких страниц появилось ощущение, что веду беседу с очень близкими мне людьми. В книге изложено много интересных событий и фактов, о которых я и не знал. Очень ценное в этой книге, на мой взгляд, Ваши личные воспоминания о самом тяжелом периоде истории нашей страны – Великой Отечественной войне.

Я предложил прочитать эту книгу своим взрослым детям и советую почитать всей молодежи.

Спасибо Вам большое за Ваш труд и историческую правду.

*С уважением, Андрей Фитин,
внук разведчика Фитина П.М.,
город Санкт-Петербург*

Приятно удивил меня председатель Тюменского городского Совета ветеранов Герман Борисович Смирнов. В беседе о книге «Война и разведка» он неожиданно перешел на немецкий, пояснил, что выучил этот язык еще в школе, потом иногда имел возможность практиковаться. В молодежном лагере в Венгрии, например, с немецкой делегацией общался без переводчика. С 1949 года учился в поселке Талица в той же школе, где когда-то обучался Николай Кузнецов, и некоторые учителя еще помнили будущего разведчика.

Жили они со старшим братом Юрием на частной квартире по улице Первомайской. На этой же улице стоит дом Прохоровых, у которых с 1924 по 1926 год во время учебы в Талице жил Никанор Кузнецов. Теперь эта улица носит имя разведчика Кузнецова. Во время войны, в 1942 году, перед заброской в тыл врага в район города Ровно, Николай Кузнецов из Москвы отправил Прохоровым фактически прощальное письмо. Он написал, что скоро уезжает на фронт, не знает, увидятся ли когда-нибудь еще, выражает сердечную признательность всей семье Прохоровых, которая сыграла решающую роль в его воспитании в ранней юности. «Я вам искренне благодарен за все это, благодаря вам из того дикого мальчика получился человек,

которому не стыдно за себя перед нашей великой Родиной», – написал Кузнецов.

Ветеран Смирнов подчеркнул, что нашим школьникам и молодежи надо знать правду о войне, знать о вкладе земляков-тюменцев, Героев фронта и тыла, в достижение Победы над фашизмом. Молодым надо помнить историю таких трагических событий, как Великая Отечественная война, если ее забывать, она может повториться.

Герман Борисович отметил, что всю жизнь живет под обаянием Николая Ивановича Кузнецова, читает и собирает все, что о нем написано. Чут Кузнецова и в семье Смирновых, его дочь писала в школе сочинение о разведчике и заработала пятерку. Герман Борисович каждый год ездит в Талицу, там похоронены его родители, непременно заезжает хоть ненадолго в музей Кузнецова. Во время регулярных встреч с ветеранами говорят, разумеется, о войне и о тысячах тюменцев, сражавшихся на фронтах. Но с ветеранами, и особенно с молодежью, он всегда вспоминает нашего земляка – легендарного разведчика Николая Кузнецова и рассказывает о нем. А знает он о разведчике очень много.

Еще одно, очень важное для меня, письмо от Александра Самойлова, мужа внучки разведчика Кузнецова Самойловой Надежды Анатольевны из Тобольска.

Спасибо большое, Николай Васильевич, за проделанную работу, за Вашу книгу «Война и разведка».

Работу большую, выполненную профессионально и искренне.

Я, Александр Самойлов, сын солдата, который вернулся с той страшной войны, Самойлова Геннадия Максимовича, уроженца деревни Камлюга Ярковского района, Тюменской области, 1926 года рождения. Вот его шаги:

– 1941 год, с 15-ти лет – трудовая армия, рыбаком в Обской губе Ямало-Ненецкого автономного округа.

– 1943 год, прямо оттуда, в 17 лет, мобилизован в Красную Армию. «Учебку» проходил в Барабинске Новосибирской области.

– 1944 год – в составе 3-го Украинского фронта из Западной Украины с боями, в основном пешими ночными маршрутами, прошагал почти по всей матушке Европе.

Победу встретил в Чехословакии в городе Брно. Участвовал в боях за Будапешт, за Вену. Награжден боевыми наградами.

Был ранен, контужен.

Демобилизован в 1949 году.

Вот его я и вспоминал, читая Вашу книгу «Война и разведка» про Вашу жизнь, про нашу страну, про нашу Победу.

Прямо через слезы, сладкие и соленые слезы из детства, через запахи и звуки, которых удалось коснуться и вспомнить через эту книгу.

Я – тот, кто сам слышал рассказы своего отца и других участников той жестокой войны. И это очень важно, потому что в последнее время стали много говорить и писать неправду о войне, сомневаться в том, кто одержал в ней победу.

Когда я учился в школе, это 60-е годы прошлого века, их, фронтовиков, еще было много в живых.

Просто соседей, как Лосев, дядя Максим, без ноги, со стеклянным глазом и орденом Красной Звезды на зеленом френче.

Я случайно присутствовал при женском осуждающем разговоре о нем. И голос моей мамы: «Не тебе судить, он воевал и победил, двоих сыновей вырастил – воспитал. Да война отняла».

Или как наши директор школы Лев Георгиевич – с черной, страшной, в вечной кожаной перчатке, протезной рукой. Для нас – немыслимый и строгий авторитет.

Или как тот ветеран Великой Отечественной на встрече в нашей школе. Как его звали, сейчас не вспомню.

Но всю жизнь помню его ответ на наши пацанячий вопрос: «А какие они были, немцы, если приходилось – в рукопашную?».

Он подумал секунду-другую, вздохнул тяжело и сказал:

«А они, как правило, были более упитанные, сытые и тренированные, лучшие снаряженные и вооруженные, но мы их одной злостью в клочья рвали».

И свою маму вспомнил, голодающую в войну, которая в 1941-м поступила в швейную мастерскую и оставила учебу в техникуме. Устроилась на работу. Швеей. Чтобы нас кормить.

И на всю оставшуюся жизнь – одно место работы.

И еще вспомнил – простое счастливое детство в лесу и на реке, когда летом обувь совсем не надевали. Как и Вы в войну. А зачем?

И как играли в войну. Как всегда побеждали – наши!

Книгу прочел сразу, одним вдохом. Низкий Вам поклон.

Александр Самойлов, город Тобольск

А вот коротенькое, но искреннее письмо приятеля Александра Самойлова, тоже из Тобольска.

«Тобой» (так автор письма называет Самойлова А.Г.) вчера дал мне почитать книгу Николая Зензина «Война и разведка».

Я почитал местами ее, дали ненадолго, там еще есть желающие. Как и предыдущую книгу того же автора «Два разведчика с улицы Республики», читал не подряд, а местами. Когда читаю, пробирает до слез. Книга написана от души, в ней видна душа автора и души других людей, о которых он пишет. И автор болеет за Россию. Я даже подумал, не сделать ли нам встречу в школе с нашими детьми, посвященную этой замечательной книге.

«Тобой», если такую книгу можно купить, то мне надо. Еще там написано про разведчика Ярославцева. Есть его фото. Может быть, родственник Саши Ярославцева?

С уважением, Виктор Сторненко, город Тобольск

Следующее письмо Шибанов Сергей написал по просьбе автора – дать объективную и строгую оценку от опытного писателя и журналиста, а также знатока военной темы и биографии разведчика Кузнецова Николая Ивановича, высказать свои замечания и пожелания.

«Откликаюсь на Вашу просьбу выразить свое профессиональное мнение по Вашей книге «Война и разведка». Я ее прочитал полностью уже в следующие пару дней после получения.

Помнится, года 2-2,5 назад в письме к Вам я писал, что надо выйти на следы Агафьи Ивановны, старшей сестры Николая Кузнецова, потому что без нее биография Кузнецова неполная. Ведь никто из авторов, включая москвичей и «медведевцев», о ней ничего не писал и это, конечно, было несправедливо и печально. И вот Вам, Николай Васильевич, без всяких натяжек, можно поставить в заслугу, что Вы стали первым автором, кто вернул Агафью Ивановну из небытия. А она ведь тоже была неординарным человеком, сыгравшим немалую роль в становлении Ники в его детстве. Впрочем, все члены семьи Кузнецовых были неординарными людьми.

Далее, очень здорово, что Вы установили контакты с ее тобольскими родственниками – я имею в виду ее внучку Надю, которая, по-моему, тоже славный человек, и ее мужа Самойлова А. Г.

Некоторые фотографии, размещенные в книге, замечательные и просто уникальные. А фото «Пост сдал. Пост принял», где Вы в военной форме с юным кадетом Сашей Самойловым у памятника разведчику Кузнеццову, это шедевр по композиции и по актуальности. Я был настолько в восторге от него, что уже отсканировал этот снимок и отправил его своим землякам в музей «Память» в город Курган, с которым поддерживаю контакты и которым руководит очень сильный музейщик Радионов Юрий Николаевич. Кстати, он просил выслать ему Вашу книгу «Война и разведка».

Второе «здорово» в Вашей книге – это то, что Вы сумели «разговорить» внука разведчика Фитина П.М. – Фитина Андрея, а то когда еще у них будет путь на Тюмень. А так-кто, как не родственники, могут донести до нас что-то новое об этом неродинарном человеке, бывшем на самом острие Внешней разведки в самые напряженные для нашей страны годы суповой войны.

И третье «здорово» в Вашей книге, Николай Васильевич, заключается в ее актуальности сейчас. Впервые после Великой Отечественной войны мир так сильно напоминает всем думающим людям пороховую бочку. А сколько развелось «любителей» пересмотреть, а то и исправить результаты войны. Ведь в любой непредвиденный момент военные действия могут перенестись с Украины на территорию России. И на Ближнем Востоке воюют вовсю.

А еще, и также уже не в первый раз, я советую Вам выпустить отдельный сборник своих стихов, потому что они в книге очень славные, а некоторые так просто профессиональные!

Так что, Николай Васильевич, разрешите, как единомышленник единомышленника, поздравить Вас с большим творческим успехом, а главное, пожелать, чтобы Вы не останавливались на достигнутом, что чрезвычайно важно сегодня. Кто-то же должен рассказывать правду о героях Великой Отечественной.

Спасибо еще раз за очень хороший подарок, за книгу. Я, конечно, не останусь в долгу, как это и положено в отношениях

межжу исследователями. 27 июля 2015 года, в день рождения Николая Кузнецова, буду в Тюмени, вручу интересные материалы лично Вам, а также Совету ветеранов Управления ФСБ. Вам лично, помимо 2-го издания моей книги о Вале Довгер, которую я только на днях получил, подарю еще и сборник материалов научно-практической конференции, посвященной 90-летию В. К. Довгер, который и внешне хорошо оформлен и по содержанию. А также некоторые очень интересные иллюстрации, как, например, фото группы Д.Н. Медведева в полном составе (12 человек) на аэродроме перед отправкой в тыл врага. Дело в том, что в Интернете встречается только фото части группы Медведева. Я выяснил полностью состав группы – 6 русскоговорящих и 6 испанцев во главе с Хосе Гросом. Хосе Грос ведь тоже был легендарной личностью, о нем упоминают практически все медведевцы – и сам Медведев, и Струтинский, и Цессарский. Он умер в Барселоне в 2009 году в возрасте 96 лет.

Высылаю Вам его послевоенный снимок, где он стоит возле могилы Антонио Бланко, тоже испанца, похороненного в селе Рокитное Ровенской области.

Справа от него стоит известная ровенская подпольщица Ольга Солимчук.

А второе фото – это столица Уругвая Монтевидео, улица 18 Июля, дом 1006, верхняя башенка – это самое первое место проживания в Уругвае нашей легендарной разведчицы, героини Вашей первой книги «Два разведчика с улицы Республики» Африки де Лас Эрос – Патрии.

Передавайте привет своим коллегам в Совете ветеранов ФСБ.

*Шибанов Сергей Александрович,
журналист и писатель, город Мурманск*

Примечание автора:

1. Фотография «Пост сдал. Пост принял» из книги «Война и разведка» была представлена на посвященный 70-летию Победы Тюменский областной конкурс «Победа – счастливые лица». По итогам конкурса фоторабота отмечена «Специальным призом главного редактора газеты «Тюменская область сегодня»

Скорбенко А. Н.». Дипломы получили фотограф Самойлов А. Г. и автор идеи и композиции Зензин Н. В.

2. Просьбу Шибанова С. А. и некоторых других близких мне и компетентных в этих вопросах товарищей о стихах услышал. В конце 2015 года в соавторстве с дочерью, членом Союза журналистов России и автором двух книг Потемкиной Т. Н. и моим внуком Потемкиным Сергеем, получившим литературную подготовку в Тюменском Госуниверситете в школе известного писателя Владислава Крапивина, выпустили сборник наших стихов «На ветрах трех поколений».

Неожиданный и короткий отзыв получил от моего приятеля по месту проживания, он – в соседнем доме, зовут Михаил, фамилию объявлять не буду. Звоню по телефону: «Миша, выходи на скамеечку, подарю тебе свою очередную книгу «Война и разведка». «Два разведчика...» он уже прочитал. «Буду через пять минут. Место встречи изменить нельзя». Он – электрик, сантехник, мастер на все руки и просто хороший человек. Много читает и любит иногда поговорить «красиво». Выхожу. Он уже сидит, докуривает сигарету, зная, что я не терплю курящих, гасит окурок о землю и красивым щелчком отправляет его под куст черемухи. Берет книгу, не спеша листает, рассматривает фотографии и вдруг начинает рассуждать. «Василич, тебе ведь уже 83, мне 84, осталось намного меньше, чем прошагали, можно подумать и о чем-то высоком. Вот ты Там, – многозначительно показывает пальцем в небо, перед Всеышним можешь книжками отчитаться, а я чем?». И, немного помолчав, подводит итог: «Ты уйдешь, после тебя детям и внукам книги останутся, а после меня – окурки».

Еще одно, для меня долгожданное и дорогое, письмо из города Тверь от моей младшей сестры Бугаенко, в девичестве Зензиной, Анны Васильевны. В 1941-м к началу Великой Отечественной ей было четыре года, а к окончанию войны – восемь лет. Многое из военной поры она помнит сама, а еще больше ей рассказывала наша мама Женя. Она – большой любитель и знаток литературы, в равной степени прозы и поэзии, постоянно следит за событиями внутри страны и за рубежом, к ее мнению я всегда прислушиваюсь и ее оценкам доверяю. Вот что она написала.

Здравствуй, дорогой мой Николай Васильевич!

Книгу твою получила, прочитала, она просто замечательная! Столько исторических фактов я и не знала, и имен некоторых тоже. Теперь буду перечитывать, потому что все интересно, да и мне-то уже надо знать военную историю и про разведку, хотя бы потому, что у меня брат такой. Но самое главное – книга взбудоражила всю душу. Мы сейчас все в политике и нам приходится доказывать кому-то, что они неправы, потому что это наши отцы отстояли свободу и жизнь в своей стране и, уж по крайней мере, всей Европе. У меня вчера были внуки, дочери и их мужья и так отчаянно спорили с этой Украиной, вернее, худшей ее частью, с потомками бандеровцев, пытающимися присвоить нашу Победу и с теми, кто убивает мирных жителей в Донецке и Луганске только за то, что они говорят по-русски.

А книжка твоя теплая, живая, она же борется с этой чумой и показывает, какой ценой добыто наше чистое небо, сколько жизней положено, какие погибли умы и таланты.

Вот мы с тобой уже такие старые, мне под 80 и тебе 83, но мы пережили четыре тяжких военных года и теперь называемся дети, дети войны. Я вчера сказала внучкам, что у них есть дед, и он живой, потому что их прадед, наш с тобой папа Василий Павлович Зензин, отдал жизнь, чтобы не горели сегодня у нас эти черные покрышки. И их любимый дядя Коля Зензин из Тюмени делает сегодня все и делал в контразведке всю жизнь, чтобы это не повторилось.

Я понимаю, сколько было положено труда, чтобы собрать эти факты, все крупицы памяти, найти живых свидетелей, и все это для того, чтобы увековечить память участников этой великой битвы, о которых мы знали мало или не знали совсем: о Фитине П.М., Судоплатове А.П., Струтинском Н.В., Николае Приходько и некоторых других. О Кузнецовой Н.И., конечно, слава гремела давно, и книги были, и кинофильм знаменитый. Правда, сейчас говорят как-то меньше. А надо-бы! Тем более – в предстоящий для него юбилейный год.

Еще раз благодарю тебя за книгу, очень горжусь, что у меня такой брат!

С уважением и признательностью, Аня

Следующий отзыв прислала заслуженная сотрудница страхового дела, прекрасный и весьма эрудированный специалист в сфере общения с людьми, увлекающийся литературой и сочиняющий иногда очень теплые и добрые стихи человек.

Книгу Вашу «Война и разведка» прочитала на одном дыхании, ведь сегодня совсем мало пишут о войне. Большие книжек развлекательных, после которых почти ничего не остается в сердце и в голове. А хочется, чтобы зацепило за душу, заставило о жизни задуматься. Вы показываете жизнь и своих замечательных героев в критических жизненных ситуациях, люди там совсем другие, чем в обычное время, у них раскрываются такие черты характера, о которых они сами, наверное, не всегда знали. Особенно хорошо удались детские впечатления о войне, они самые искренние и яркие. Очень тепло и душевно рассказали о своей маме, молодой женщине, на долю которой выпали трудные военные испытания. По моему, неплохо получилось о той страшной войне, многие события которой Вам самому пришлось тогда пережить. В 2015 году семидесятилетие Великой Победы в нашей стране было проведено масштабно и празднично. Но, чем дальше уходит военное время, тем меньше среди нас тех, кто жил в те суровые годы, был участником или свидетелем той Войны.

И, кажется, что все уже написано, все сказано, и ничего нового сказать уже нельзя. А еще, вдруг откуда-то появляется информация, что все было не совсем так, и даже совсем не так, как рассказывали нам Ветераны Войны. И нам преподносятся «факты», принижающие значение народного подвига и самой Победы. В Европе, освобожденной нашей Армией от фашистов, сносятся и оскверняются памятники солдатам Победы, кому-то очень хочется стереть с лица земли не только памятники, но и саму память о Великой Победе.

Изменился мир вокруг нас, но над нами те же небо и солнце, людям также хочется жить и любить, не опасаясь за жизнь своих близких. Поэтому так важно донести до молодого поколения память о людях, которые ковали Победу на фронтах, в тылу, на временно оккупированных территориях. Рассказать о тех неимоверных страданиях, что перенес народ,

о силе его духа, вере в Победу и любви к Родине. Рассказать, чтобы могли гордиться своими дедами и прадедами, чтобы помнили о цене Победы и не дали возможности ее предать.

*С уважением, Лариса Лельхова,
Начальник Регионального Центра ПАО «Росгосстрах»
в Тюменской области*

Изольда Евгеньевна Исакова-Церр окончила Новосибирский госуниверситет, по специальности геолог, удивительно интересный и широко образованный собеседник, любитель и знаток литературы и настоящий патриот своего Отечества. Вот ее отзыв на мои рассказы о войне и чекистах.

«Война и разведка» – так называется небольшая книга Николая Зензина, очень глубокая по содержанию. Он отыскивает время, когда наши народ в минуты смертельной опасности для Отечества выстоял и победил. Рассказы о разведчике Николае Кузнецова захватывают внимание и читаются «на одном дыхании». Сам собой встает вопрос: как смогли наши разведчики справиться с опасностями, испытаниями, лишениями? Как же велики были их стойкость и упорство! Что давало им силу не падать духом? Верность и преданность Родине присущи всем героям этих интересных рассказов о Великой Отечественной войне.

Возрождение страны начинается с возрождения чувства национального достоинства. Наши народ не только выстоял в войне, он еще и возродил разрушенную страну. И это тоже очень хорошо показано в книге. Нам сейчас, как никогда, нужно осознать и понять очень простые и очень важные вещи – что такое любовь к Родине, к своему народу, к своей культуре. Человек вырождается, мельчает, если в его сердце отсутствует любовь к Родине. Замечательно, что автор книги своими стихами напоминает об этом всем нам – своим читателям.

*Нам нелегко далась Победа эта
И ничего дороже в мире нет.
Об этом будет помнить вся планета
И через сто, и через двести лет!*

Изольда Исакова-Церр

Ветеран труда, бывшая заведующая домом культуры из таежного села Кутарбитка Тобольского района Надежда Николаевна Смирных давно пишет стихи, не раз участвовала в литературных конкурсах. Прочитав книгу «Война и разведка», написала и прислала свое стихотворение, посвященное разведчику Николаю Кузнецову.

*Тропа к поселению Боратин
Вела партизанских бойцов.
Шли двое в крестьянском наряде,
В немецком – шагал Кузнецов.*

*Бандеровцы раньше явились,
Хозяину смертью грозя,
На выходе все затаялись,
«Пасли» они явку не зря.*

*Разведчики двинулись в хату
И просятся их накормить.
Хозяйка на кухню, солдаты
Гранату смогли склонить.*

*Отсчитывал «немец» наши марки –
За ужин свой надо платить.
Немецкий он знал без помарки,
Сказал: «Нам пора уходить».*

*Возник на пороге верзила:
«Хватай его, хлотцы, скорей,
Ведь это же сам Пауль Зиберт!
Награда нас ждет от властей».*

*А лампа все тускло мерцала,
И он попросил прикурить.
Склонился, миг – света не стало,
С гранатой в руке он стоит.*

*«Вот так умирают солдаты», –
Сказал он, рванув за кольцо.
Взрыв мощный потряс эту хату,
Геройски погиб Кузнецов.*

*Не дрогнули в схватке последней
Каминский, Белов, Кузнецов.
Их подвиг сквозь все поколенья
Жить будет вовеки веков!*

Были и другие неплохие письма и отзывы. Как автору, все это, конечно, приятно. Большое спасибо всем, кто написал, позвонил или просто пожал руку, спасибо за интересные мысли и предложения. Однозначно согласен с тем, что кому-то не дает покоя наша Победа и они пытаются перевратить известные факты, принизить или вовсе отрицать решающую роль Красной Армии и всего советского народа в Великой Отечественной войне, а иногда и переписать историю. У меня в ответ на это есть такие короткие строки:

*Нам не забыть, как в майском сорок пятом
Европе, миру, нашей всей стране
В Берлине дали русские солдаты
Последний залп проклятой той войне.*

*В боях с врагом Отчизну отстояли,
И никому Победу не отнять.
Историю мы кровью написали,
И не дадим ее переписать!*

Читательница Волошина Е. Н., преподаватель русского языка и литературы, на моей встрече с учениками старших классов – участниками Тюменской областной олимпиады школьников сказала мне, что спорить с такими людьми не стоит, тем более, что кто-то из них это делает умышленно. Поэтому нам надо самим больше писать о Великой Отечественной войне и ее героях, чаще встречаться и откровенно разговаривать с молодежью. Если мы сегодня не дадим молодым такие книги, завтра они могут прочитать другие книги или найдут в Интернете других собеседников. И еще бы неплохо, если бы героями этих книг о войне были наши земляки-tüменцы, свои примеры как-то лучше доходят. А память о ветеранах, героях земли тюменской и Героях Отечества станет прочной связью между прошлыми, настоящими и будущими поколениями России.

ГЕРОЙ. РАЗВЕДЧИК. ЛЕГЕНДА

27 июля 2016 года жители, в первую очередь, Тюменской, Екатеринбургской и Пермской областей, а также других регионов страны отмечают 105-ю годовщину со дня рождения нашего земляка, легендарного разведчика Николая Ивановича Кузнецова.

А «Герой. Разведчик. Легенда» – это название проекта газеты «Тюменская область сегодня», который родился в редакции газеты в 2011 году и был посвящен 100-летию Героя Советского Союза Н.И. Кузнецова.

В него вошли, как записано в проекте, цикл публикаций в газете, рассказывавших о биографии легендарного Героя, о его разведывательных операциях в тылу врага и вкладе в Победу, подготовленных внештатным автором газеты полковником ФСБ в отставке Николаем Зензиным; отзывы и письма читателей; сайт Николай Кузнецов. РФ, созданный в редакции; электронная книга «Герой. Разведчик. Легенда» и материалы велоэкспедиции, посвященной 100-летию Николая Кузнецова, организованной журналистами газеты по маршруту Тюмень – Каменка – Зырянка – Кузнецовский – Талица.

Первая моя статья появилась в газете «Тюменская область сегодня» 16 февраля 2011 года и за ней, в марте, вторая. Когда я доложил о первой статье председателю Совета ветеранов Управления ФСБ Мещерякову В.И., он с присущим ему юмором заявил: «Всякая инициатива должна быть наказуема, вот ты и будешь дальше писать все о разведчике Кузнецова. Тем более, что ты уже в теме». Одновременно он распорядился об активизации всех запланированных Советом юбилейных мероприятий по Н.И. Кузнецову. Вернемся к статьям. В них рассказывалось об учебе нашего героя в школах Зырянки и Талицы, на первом курсе агрономического отделения Тюменского сельскохозяйственного техникума, а затем о работе в леспромхозе Кудымкара Пермского края, на Уралмаше в Свердловске и о чекистской разведывательной деятельности в Москве. Или потому, что в городе Тюмени уже анонсировали подготовку к 100-летнему юбилею Кузнецова, или сказался большой интерес тюменцев к личности знаменитого разведчика, но после публикации этих статей в редакцию активно пошли письма и телефонные звонки от читателей. Оперативно

оценив обстановку, энергичный, дальновидный и с хорошим журналистским чутьем главный редактор Скорбенко Александр Николаевич объявил о создании в газете проекта «Герой. Разведчик. Легенда» и привлек к этой работе своих лучших журналистов. Разумеется, автор в этом проекте тоже активно участвовал. Хочу некоторые письма читателей, хотя бы сокращенно, привести в своем повествовании, потому что в них видна любовь иуважение к нашему легендарному земляку, люди с удовольствием рассказывают, где и как они узнавали о разведчике, как восхищались его подвигами и как пытались брать с него пример. Многое из этого было опубликовано тогда в газете «Тюменская область сегодня», что-то осталось за кадром, но это было пять лет назад, кто и где сейчас будет искать те номера газеты. Всего за 2011 год в газете нашли отражение 25 материалов, связанных со 100-летним юбилеем Н.И. Кузнецова. Мой хороший знакомый – известный журналист, попросивший не называть его фамилию, подводя итоги юбилея, сказал, что ни одна другая область, кроме Тюменской, во всем Уральском федеральном округе не сумела так широко, талантливо и ярко показать жизнь и героические подвиги легендарного разведчика Николая Кузнецова. Первыми откликнулись постоянные читательницы газеты Вера Кубочкина и Наталья Фомина, они одобрительно отзовались о прочитанном и просили продолжить рассказы о разведчике. Кубочкина при этом сообщила, что давно интересуется личностью Николая Кузнецова и что ее жизненные пути и пути ее родителей географически пересекались в Тюмени, Тобольске и Львове с дорогами Николая Кузнецова и его родственников. По моему совету она подготовила об этом хорошую статью, которую опубликовали в газете.

Буквально через пару дней мне позвонила на мобильный женщина, представилась как Сильва Гильверг, объяснила, что телефон мой получила в редакции и попросила о личной встрече. Рассказала, что родилась на Украине в семье офицера Красной Армии, после войны окончила Львовский педагогический техникум. Была активной комсомолкой и поехала на работу в село Боровое Ровенской области. Познакомилась с местным жителем, который во время войны сражался в партизанском отряде чекиста Медведева. От него узнала, что в этом отряде находился наш разведчик Николай Кузнецов, но значился под другой фамилией, а в городе Ровно действовал

в форме немецкого обер-лейтенанта под именем Пауля Зиберта. Он отлично владел немецким языком, был находчив и бесстрашен, хорошо стрелял, добывал ценную разведывательную информацию, лично уничтожил несколько видных фашистских главарей. С тех пор Кузнецов стал для Сильвы, дочери офицера, примером на всю жизнь, она стала собирать о нем любые материалы. Позднее, работая преподавателем в городе Львове, в 1960 году присутствовала на процедуре перезахоронения останков Кузнецова на Лычаковском мемориальном кладбище, а потом возила на могилу разведчика своих учеников-пионеров на незабываемом, как она выразилась, трамвае номер два. Тогда Украина еще была советской и были комсомольцы и пионеры, хотя в селах иногда проявляли себя не с лучшей стороны бандеровцы. Ребята делали уборку вокруг могилы, возлагали цветы и слушали рассказы своей учительницы о подвигах Николая Кузнецова. Переехав на жительство в Тюмень, Сильва Гильверг в первую очередь побывала на родине разведчика в Зырянке и в музее в Талице. Прощаясь, она подарила мне несколько интересных фотографий и две статьи о Николае Кузнецове.

Но самым неожиданным для меня и редакции было адресованное мне письмо из далекого заполярного Мурманска. Автор письма журналист Сергей Шибанов написал, что в Интернете прочитал наши статьи о Николае Кузнецове, посмотрел запись круглого стола в редакции газеты «Тюменская область сегодня», где выступали ветераны госбезопасности Николай Зензин и Василий Ефремов и рассказывали о выдающемся разведчике Кузнецове. Ему это понравилось, заинтересовало, и он готов сотрудничать с Тюменью.

О себе Шибанов сообщал, что давно занимается деятельностью партизанского отряда «Победители», в котором во время Великой Отечественной сражался его любимый с детства герой разведчик Николай Кузнецов. В данный момент он заканчивает книгу о боевой соратнице Кузнецова Валентине Довгер, о которой до сих пор никто не написал ничего существенного и он решил устраниТЬ эту явную несправедливость. К письму он приложил для газеты статью о Валентине Константиновне, которая после возвращения из Германии свои последние 40 лет жизни, с 1950 по 1990 год, провела в городе Воронеже. Шибанов уже после ее смерти неодно-

кратно ездил из Мурманска в Воронеж, побывал в Воронежском управлении ФСБ и с разрешения руководства Управления в их архиве поработал с личным делом № 64 на Валентину Довгер. Затем познакомился с ее сыном Константином Рыбаком, доцентом Воронежского Госуниверситета, который рассказал много интересного о своей знаменитой маме. Отец Валентины – Константин Ефимович Довгер, с началом оккупации Украины в 1941 году сам нашел дорогу в партизанский отряд полковника НКВД Медведева и быстро стал очень надежным и полезным связником и разведчиком отряда. Но чья-то подлая душа выдала партизанского связника и 3 марта 1943 года он был схвачен местными пособниками фашистов – бандеровцами. После долгих и жестоких пыток, не добившись ничего от отважного партизана, так называемые «земляки», украинцы-бандеровцы связали ему руки и живым затолкали в прорубь протекавшей поблизости реки Случь. Девятнадцатилетняя Валентина, помогавшая отцу, опасаясь расправы, ушла в лес к партизанам, где и познакомилась с разведчиком Кузнецовым.

Вот как об этом знакомстве рассказал сын Валентины – Константин Рыбак. Как-то возле командирской землянки Медведев в очередной раз говорил маме, что, как только прилетит самолет с Большой Земли, она будет отправлена в Москву на курсы радиистов, чтобы потом приступить к работе. Мама в очередной раз просила командира оставить ее в отряде. Неподалеку стояли два партизана. Вдруг один из них повернулся и с явной ironией сказал маме: «Соглашайтесь, девушка. Пока отучитесь, глядишь, и война закончится. Если повезет, прилетите в отряд, стрельнете пару раз в воздух в качестве салюта». И отвернувшись, сказал что-то в этом же духе по-немецки другому партизану, как оказалось, врачу отряда Цессарскому, владевшему немецким. Мама никому не позволяла, чтобы над ней иронизировали и тут же нашла что ответить. И тоже по-немецки. Партизан обернулся и уже без иронии обратился к маме: «А в разведке согласны работать?». Она, конечно же, была согласна. Вот так и состоялось знакомство мамы с Николаем Кузнецовым.

Больше месяца отрядные чекисты Медведев, Лукин, Степхов и Кочетков обучали Валю секретам разведывательного мастерства. И вот в апреле 1943 года на улицах города Ровно рядом с оберлейтенантом Паулем Зибертом появилась «фрейлейн» Довгер, выступавшая в качестве его «невесты».

Так началась совместная работа на Победу Николая Кузнецова и Валентины Довгер.

А теперь давайте возвратимся к биографии Кузнецова Николая. Родился он 27 июля 1911 года в деревне Зырянка Талицкого района Свердловской области в достаточно обеспеченной семье крестьянина Ивана Павловича Кузнецова. При рождении получил имя Никанор, родные его ласково звали Ника, но потом, 19 лет спустя, при регистрации своего брака в Кудымкаре сменил это имя на Николая. Отец, Иван Павлович, до своей женитьбы семь лет отслужил в grenадерском полку в городе Санкт-Петербурге, за время службы овладел грамотой и был в Зырянке почти единственным человеком, умевшим читать и писать. Наверное, поэтому и детей своих он стремился приобщить к грамоте. Старшая дочь Агафья родилась 18 февраля 1901 года, окончила Камышловскую женскую гимназию и стала первой учительницей в семье Кузнецовых. Она была на десять с половиной лет старше своего брата Никанора и потому сумела еще до школы привить любимому братику первые навыки чтения. Вот как она рассказывала накануне Дня Победы, 8 мая 1965 года, корреспонденту газеты «Советская Сибирь» о Никаноре.

«Да, я крепко и глубоко любила маленького Нику. В восторг приходила от всего: и от его крохотных мягких ручонок, и от его розового нежного личика, и от серых глаз, и от русых кудряшек на голове. Словом, я любила его так, как может только любить девчонка своего младшего братишку.

У родителей нас было четверо: я, сестренка Лидия, Ника (так в семье звали братишку) и Виктор. Я была самой старшей, и пока родители были в поле, ухаживала за братом, кормила, вместе с ним участвовала в играх и затеях деревенских мальчишек.

Труду нас приучали с детства. Я, пока не подрос Никанор, тоже выполняла различные работы, даже боронила на лошадях. Ника рос здоровым, крепким, поэтому стал рано помогать отцу в хозяйстве. Часто отец и дядя брали его с собой в поле. Он любил эти поездки и мог оставаться в поле сколько угодно.

Способности к учебе у брата были незаурядными. Я, пожалуй, раньше всех почувствовала это: ведь он был моим первым учеником. В шесть лет Ника уже владел грамотой, знал мно-

го стихов. Тяга к знаниям была у него неодолима. Несмотря на материальные трудности, он с успехом закончил Талицкую семилетнюю школу. В то время Никанор сильно увлекался литературой, особенно обожал таких классиков, как Пушкин, Лермонтов, Горький.

Тогда я учительствовала в соседнем селе Балаир. Местные жители часто собирались в клубе, а мы, девушки и парни, ставили для них концерты, пьесы. Однажды, когда шло очередное представление, я увидела брата, только что вернувшегося из Талицы. Он взошел на сцену. Зал, битком набитый людьми, ждал. Никанор сильным уверенным голосом начал «Братьев-разбойников» Пушкина. Читал с большим чувством, а когда закончил, зал разразился горячими аплодисментами. Я стояла гордая за него и немного удивленная, как быстро взрослеет и мужает мой брат.

Вскоре после этого мы навсегда расстались с Никанором. Он после Талицкого лесотехнического техникума уехал на работу сначала в леспромхоз в Кудымкар, потом на завод в Свердловск и дальше в Москву. А потом началась война. До войны, всю Отечественную войну и послевоенные годы я жила на спецпоселении в Уватском районе с мужем Петровым М.Г., раскулаченным и высланным туда из села Балаир Свердловской области. Но образ Ники остался на всю жизнь в моей памяти таким, каким я видела брата в последний раз перед людьми: с открытым, волевым лицом, со страстным блеском серых глаз.

Несколько лет после войны мы о его судьбе ничего не знали. Не знали, что он стал бесстрашным народным мстителем, наводившим ужас на гитлеровских палачей, что о его подвигах люди слагают легенды, что он отдал свою прекрасную жизнь за свободу своей Родины. И только после того, как вышли в свет книги писателя Медведева «Это было под Ровно» и «Сильные духом», его подвиг встал перед нами во всем величии.

27 июля 1960 года я, брат Виктор и сестра Лидия были в городе Львове на торжественных похоронах нашего любимого брата. Его прах после долгих и трудных поисков обнаружили в селе Боратин Львовской области. Более 25 лет мы не виделись с нашим дорогим Никой – Николаем и вот теперь встретились на его похоронах.

Проводить в последний путь героя вышло много людей. Траурная процессия растянулась на десяток километров. Во-круг орудийного лафета, на котором везли гроб с останками Николая – море венков. Скорбно играла музыка. Над свежей могилой люди еще и еще раз говорили о подвигах Николая, которые вечно будут волновать сердца, звать на новые героические дела».

От автора: родственники Агафьи Ивановны Петровой, проживающие в настоящее время в городе Тобольске, ее внучка Самойлова Надежда Анатольевна и муж Самойлов Александр Геннадьевич передали мне копию официального приглашения Петровой А.И. от Львовского городского Совета депутатов трудящихся и Горкома Коммунистической партии Украины, в котором сообщалось, что 27 июля 1960 года в городе Львове на воинском кладбище «Холм Славы» состоятся торжественные похороны останков ее брата Героя Советского Союза Кузнецова Николая Ивановича. Дата приглашения – 8 июля 1960 года, подписи председателя горисполкома и секретаря горкома партии города Львова.

А теперь о детских и школьных годах разведчика Николая Кузнецова расскажет его младший брат Виктор Иванович Кузнецов. Автор умышленно предоставляет слово самим близким родственникам разведчика – родной сестре Агафье и брату Виктору, потому что они точнее, подробнее и честнее любых других людей расскажут нам о незаурядном, удивительном и талантливом парне из простой крестьянской семьи, ставшем легендой разведки.

Эта встреча произошла летом 1965 года в городе Свердловске на Уралмашзаводе в конструкторском бюро, где Кузнецов Николай с 1935 года около трех лет работал расцеховщиком. В начале шестидесятых на заводе был создан музей имени разведчика Кузнецова, а его директором был приглашен брат Николая Ивановича – Кузнецов Виктор Иванович. Музей расположили в той комнате, где раньше работал Николай. Экскурсии пионеров и школьников стали регулярно проводить на заводе. Вот что рассказал школьникам на одной из встреч Виктор Кузнецов о своем брате Николае (приводим его прямую речь без изменений).

«Наш отец очень любил, когда Коля рассказывал героические стихи, воспевающие трудовые дела и ратные подвиги русского народа. Коля выучил наизусть стихотворение Рылеева «Смерть Сусанина». По вечерам, когда к нам приходили соседи, можно было слышать, как он с гордым вызовом как бы отвечал врагам словами Ивана Сусанина:

*«Предателя мнили найти вы во мне?
Их нет и не будет на русском земле».*

В первые годы советской власти по просьбе сельского Совета в одной из комнат нашего деревенского дома в Зырянке помещалась поселковая изба-читальня. На столе в избе-читальне Коля с детским интересом перелистывал тогдашние журналы «Лапоть», «Безбожник» и газету «Беднота».

В школьные годы Коля выучил и очень любил стихотворение Лермонтова «Бородино», которое часто декламировал.

С большим интересом Коля читал книги о героях гражданской войны, таких как Алеко Дундич, Григорий Котовский, которого называл своим любимым героем.

В 1925 году Коля вступает в пионеры, в 1926 году в кандидаты в члены ВЛКСМ, в 1927 году был переведен в члены ВЛКСМ.

Ребята, вы часто спрашиваете, где учил немецкий язык Кузнецов, что помогло ему в совершенстве овладеть немецкой речью? Не было у моего брата особых условий для этого. Росли мы в маленькой уральской деревушке в простой крестьянской семье. Он сумел овладеть немецким языком только благодаря своему трудолюбию и воле. Впервые с немецким языком Коля познакомился в период учебы в 6-7-х классах Талицкой семилетней школы. Немецкий язык в школе преподавала замечательная учительница Н. Н. Автократова, получившая образование в Швейцарии. Она и привила Коле интерес к изучению иностранного языка. А еще посоветовала общаться с людьми, для которых немецкий был родным языком.

И кроме знаний, получаемых в школе, Коля стремился заниматься разговорной практикой. Он познакомился с одним немцем, работавшим в аптеке Талицы, по фамилии Вильгельм Краузе. Школа и разговорная практика заложили основу в познании немецкого языка. Поэтому в период учебы в техникуме Коля не прекращал изучение немецкого языка, хотя

по программе техникума это не было предусмотрено. Позднее в Свердловске он поступил на курсы иностранных языков и старательно выполнял все задания.

У него был небольшой учебник «Говорите ли вы по-немецки?», с которым он никогда не расставался.

С ранней юности Коля полюбил книги. В Зырянской школе была маленькая библиотека и он стал ее постоянным читателем. Вот некоторые запомнившиеся мне названия прочитанных им книг: «Русские народные сказки» Алексея Толстого, «Кавказский пленник» Льва Толстого, «Приключения Тома Сойера» и «Принц и нищий» Марка Твена. Отдельные произведения Пушкина и Некрасова Коля знал наизусть.

Становясь старше, Коля полюбил поэзию Маяковского, читал наизусть его стихи «о советском паспорте». Любил и читал Максима Горького, выучил наизусть и с особенной страстью рассказывал «Песню о Соколе»:

«Безумству храбрых поем мы славу. Безумство храбрых –
вот мудрость жизни!

О смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью...
Но будет время – и капли крови твоей горячей, как искры,
вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут
безумной жаждой свободы, света!»

Слова горьковского Сокола впоследствии стали девизом всей жизни Николая Ивановича. Недаром он в последнем письме-завещании писал:

«Это мое любимое произведение Горького, пусть его чаще читает наша молодежь, я в нем черпал силы для подвига».

Как многие молодые комсомольцы того времени Кузнецов с удовольствием распевал такие революционные песни, как «Смело, товарищи, в ногу», «Варшавянка» и «Марсельеза». Очень любил Николай русскую народную песню о Ермаке. Об этом вспоминают и его боевые друзья по партизанскому отряду, вечерами, у костра они вполголоса напевали эту песню. В юности у Николая была простая однорядная гармонь, на которой он исполнял мелодии русских песен и вальсов. Например, популярные тогда вальсы «Амурские волны» и «На сопках Маньчжурии».

Коля активно участвовал в школьной и техникумской самодеятельности, любил исполнять роли белых офицеров. Друзья по комсомолу помнят, как Николай довольно удачно исполнил роль поручика Ярового в пьесе Константина Тренева «Любовь Яровая».

Он с детства любил лыжи, отлично бегал на коньках, хорошо стрелял из ружья. Сокурсники Ники вспоминают, что основную работу в Талицком лесотехникуме по линии добровольного оборонно-спортивного общества «Осоавиахим» проводил Кузнецов. Когда преподавать военного дела уезжал в командировку, его всегда заменял Николай Кузнецов.

Он был вынослив, умел хорошо ориентироваться на местности, умел разжечь бездымный костер.

В период работы Николая на Уралмаше он тренировался в парашютном спорте на пригородном аэродроме. И когда Николай Иванович оказался по особому поручению советского командования в тылу врага, он был хорошо подготовлен, чтобы выполнить любое задание Родины».

Внимательный читатель заметил, что уже в детские и юношеские годы Николай Кузнецов проявлял незаурядные способности, был целеустремленным и настойчивым в достижении своих целей. Но он не родился и ещё не был разведчиком. Только постоянное последующее общение с чекистами, повседневная работа под их руководством постепенно приближали его к разведке. А перед заброской в тыл противника с разведывательными целями опытные чекисты провели колossalную, разностороннюю и глубокую подготовку своего секретного агента для успешного выполнения задания. Кузнецов тщательно изучил структуру вооруженных сил Германии, методы работы фашистских разведывательных и контрразведывательных органов, прошел парашютную подготовку и стрельбу из всех видов немецкого личного оружия, владение холодным оружием и приёмами самбо, ориентирование на местности. В разведывательных целях забрасывался в тыл 9-ой немецкой армии, для приобретения разговорной практики с немецкими военнослужащими помещался в лагерь германских военнопленных. Только такой ежедневный неустанный труд и горячая любовь к Родине, стремление все силы отдать на борьбу с фашистами, оккупировавшими нашу страну, сделали Николая Кузнецова настоящим воином, разведчиком и Героем.

ВИЛЬГЕЛЬМ КРАУЗЕ И ПАУЛЬ ЗИБЕРТ

Две обычные немецкие фамилии, но два очень разных человека, которые жили под этими именами и оставили свой след на нашей тюменской земле. Еще разговор о том, как судьба свела их в поселке Талица в довоенные мирные дни, как прошел каждый из них суровые времена Великой Отечественной войны, как вписали они свои имена в историю Тюмени и России и почему нам, тюменцам, надо знать и чтить эти имена. Вот об этом мой следующий рассказ.

Ника Кузнецов был способным, успевающим по всем предметам, учеником, а еще постоянным читателем небольшой школьной библиотеки Талицкой школы. Наверное, поэтому литература и русский стали его любимыми предметами. Но рядом с ними по никому не понятной причине оказался немецкий язык. Любовь к нему первоначально пробудила великолепный преподаватель иностранных языков Нина Николаевна Автократова, получившая высшее образование еще до Революции 1917 года в богатой и просвещенной Швейцарии. Оценив прилежание и настойчивость своего ученика в изучении немецкого языка и разглядев у него неплохие лингвистические способности, Нина Николаевна помогла с дополнительной литературой и дала очень важный совет. Чтобы глубоко изучить немецкий язык и хорошо освоить разговорную речь, надо чаще общаться с грамотными людьми, для которых немецкий является родным языком. Первым таким собеседником Ники стал школьный преподаватель по труду, бывший немецкий военнопленный Первой мировой войны, осевший на уральской земле.

Однако вскоре шестиклассник Никанор по своей инициативе познакомился с заведующим Талицкой поселковой аптекой Вильгельмом Краузе, тоже из приезжих немцев. Вежливый, приветливый, с аристократическими манерами и весьма приятной наружности молодой мужчина покорил сердце юного Никанора. В свою очередь, не по годам серьезный, начитанный и уверенный в себе юноша с первой встречи понравился хозяину аптеки. Они быстро нашли общий язык, стали встречаться регулярно, и продолжались их встречи практически два года, пока Никанор не закончил Талицкую школу и поступил

летом 1926 года на первый курс Тюменского сельскохозяйственного техникума.

При подготовке этого рассказа автор испытывал дефицит достоверных материалов о Вильгельме Краузе. Пришлось перелопатить немало различных источников, но очень существенную помощь окказал мне кандидат исторических наук, преподаватель Тюменского музыкального техникума Яблоков Михаил Сергеевич. Через журналиста Потемкину Т.Н. к Яблокову попала моя книга «Война и разведка», после ее прочтения мы познакомились с ним и дважды встречались в техникуме. Общительный, весьма эрудированный и доброжелательный Михаил Сергеевич поделился со мной материалами о знаменитом Вильгельме Краузе и его родственниках. Материалы он собирал еще в 2006 году для историко-литературного словаря-справочника, посвященного 70-летию Тюменского музыкального техникума и 420-летию города Тюмени. Тут же он подарил мне из своего авторского архива две великолепные фотографии фармацевта. На одной из них – молодой тридцатилетний красавец Краузе; фотографии этой почти сто лет, но она пока нигде не публиковалась.

Родился Вильгельм Адамович Краузе в 1886 году в зажиточной немецкой семье в польском городке Хэлм недалеко от российской границы, где и окончил шесть классов Хэлмской мужской гимназии. Вскоре по договору между Россией и Польшей часть восточных земель панской Польши перешла под управление Российской империи и семейство Краузе стали российскими подданными. Молодой Вильгельм по совету родителей поступает на фельдшерское отделение Ярославского реального училища и через четыре года заканчивает его. Первое место работы – ассистент аптеки при местном военном госпитале.

Но на полях Европы разгоралась Первая мировая война. У Вильгельма Краузе был призывной возраст, летом 1914 года он был мобилизован в действующую армию и направлен служить в военный госпиталь Западного фронта, где попал прямо на передовую. В конце этого же года он во время боев получил контузию и был переведен на лечение в военный госпиталь в Тюмень. Так впервые он оказался в нашем городе. После излечения Краузе руководство госпиталя распорядилось оставить его в качестве фельдшера в этом же госпитале, где он

проработал почти пять лет. В 1919 году в Тюмени Вильгельм познакомился с выпускницей Тюменской женской гимназии Александрой Григорьевной Кашинцевой, 1892 года рождения, молодые люди полюбили друг друга и вскоре поженились. В 1920 году у них родилась дочь Юлия.

На просторах послереволюционной России в это время шла гражданская война, линия боевых действий приближалась к Тюмени. Военный госпиталь, в котором служил Вильгельм Краузе, вместе со всем медицинским персоналом и членами семей погрузили в поезд и отправили в эвакуацию в город Красноярск. В Тюмень вместе с женой и маленькой дочкой он сумел вернуться лишь в 1923 году. Здесь он окончил курсы провизоров и был направлен в 1924 году на работу в поселок Талицу Свердловской области в качестве управляющего аптекой.

Именно на талицкой земле судьба и свела на целых два года наших героев. Явившись в аптеку, Кузнецов Никанор объяснил, что он уже изучает немецкий в школе, язык этот ему нравится, но чтобы овладеть разговорной речью, преподаватель посоветовала ему общаться с людьми, для которых этот язык является родным. Вот с этой целью Никанор и пришел к Вильгельму Краузе. Немало удивленный аптекарь пояснил, что разовых встреч для овладения языком будет недостаточно, для этого нужны систематические занятия. Если бы он спросил своего юного собеседника, а зачем ему это надо, ничего вразумительного тот бы не ответил, кроме того, что это совсем другой язык и он ему очень нравится. Чтобы овладеть им, он готов заниматься сколько потребуется. Искренность, уверенность в себе и настойчивость ученика подкупили учителя и он согласился работать.

С первых же занятий Краузе обнаружил у Никанора отличную слуховую и зрительную память и явные способности к изучению иностранного языка. Он терпеливо поправлял своего ученика, разъяснял ему тактику диалекта, заставлял многократно повторять отдельные слова и выражения. В ходе изучения немецкого языка Вильгельм Краузе знакомил Кузнецова с литературой и культурными традициями Германии, уделяя при этом особое внимание классическому берлинскому произношению и отработке принятой при этом артикуляции губ. Краузе был оптимистом по характеру, охотно поддерживал

настойчивое стремление своего ученика к освоению иностранного языка и при случае всегда отмечал его успехи. У дядюшки Вилли оказалась довольно богатая библиотека немецкой литературы, и в том числе «Учебное пособие по немецкому языку. Сказки Гауфа». Эта книга стала первым и постоянным учебником немецкого языка для Никанора. За два года занятий Краузе сумел заложить такое солидное основание, на котором можно было строить любое языковое здание.

Дальнейшее освоение иностранного языка полностью зависело только от самого Николая Кузнецова. Во время учебы в техникуме он продолжал самостоятельно изучать язык, так как в программе техникума иностранного не было, находил и читал книги, изданные на немецком, чаще это были стихи известных немецких поэтов. Позднее, когда он перебрался в город Свердловск и с помощью чекистов устроился на завод «Уралмаш», Николай поступил на вечерние курсы изучения иностранных языков, а на работе получил возможность постоянно общаться с немецкими специалистами, трудившимися на заводе, как в рабочее время, так и в выходные дни.

В 1938 году Кузнецова Николая, как в совершенстве владеющего немецким языком, переводят на работу в Москву в центральный аппарат Наркомата госбезопасности в качестве особо засекреченного спецагента. Он проживает на конспиративной квартире по паспорту на имя Рудольфа Шмидта, инженера-испытателя Московского авиационного завода № 22 и под руководством опытных чекистов активно занимается добыванием разведывательной информации среди дипломатического и технического персонала посольств Германии и Словакии в Москве, используя в том числе и превосходное владение немецким языком.

В 1941 году с началом Великой Отечественной войны московские чекисты по специально разработанной программе готовят Кузнецова с учетом его отличных лингвистических способностей для работы в тылу врага на временно оккупированной фашистами территории Украины. В августе 1942 года он на самолете был переброшен за линию фронта и приземлился на парашюте в районе дислокации партизанского отряда «Победители» под руководством ветерана госбезопасности Д.Н.Медведева недалеко от города Ровно. Оккупировав Украину, немецкое командование и германские спецслужбы

отказались от использования в качестве ее столицы города Киева, так как понимали, что их там ждут подготовленные чекистами разведывательные и диверсионные группы и молодые подпольщики. Они избрали столицей оккупированной Украины менее известный город Ровно, где и разместили свои основные штабы и тыловые учреждения. Вот почему Москве пришлось оперативно создавать в этом районе разведывательно-партизанский отряд и направлять в него разведчика Кузнецова.

И вот Николай Кузнецов в хорошо подогнанной и отглаженной форме обер-лейтенанта немецких пехотных войск с удостоверением на имя Пауля Зиберта появился на улицах Ровно. Блестящее владение языком, смелость и находчивость, выдержка, умение перевоплощаться и легко входить в контакты, хорошая наблюдательность и отличная память позволили Николаю Ивановичу фактически с поддельными документами восемнадцать месяцев работать среди немецких офицеров и сотрудников германских спецслужб в городах Ровно и Львове. За это время он получил много ценной разведывательной информации и лично уничтожил девять фашистских генералов, на счету которых были тысячи погибших и угнанных на каторжные работы в Германию советских граждан.

Примечателен такой случай. Осенью 1943 года Пауль Зиберт в ресторане познакомился с прибывшим в Ровно из Разведывательного управления Берлина майором СС фон Ортельем. Офицеры понравились друг другу, быстро сошлись в суждениях и Ортель неожиданно предложил Зиберту сменить его пехотную службу и перейти на работу в разведку. При этом он добавил: «Вы мне чем-то глубоко симпатичны». Помоему, это высшая оценка, какую мог получить разведчик Кузнецов от профессионала другой разведки.

Ну, а как там наш дядюшка Вилли, с которого все началось и который тоже иногда хвалил Николая Кузнецова за его успехи в изучении немецкого языка. Вильгельм Краузе проработал в Талице до 1934 года, затем получил предложение занять более высокую должность и переехал вместе с женой Александрой и дочкой Юлей на постоянное место жительства в город Тюмень, где был назначен управляющим тюменской межрайонной аптечной конторой. Администрация конторы располагалась на улице Республики в доме № 21, который

по областному списку объектов культурного наследия значится как дом Соколовой. Построен этот дом был в 1909 году по заказу екатеринбургских купцов «Товарищества Аграфены Соколовой», располагались в нем аптекарский магазин и две квартиры для обслуживающего персонала. После Октябрьской революции в 1918 году владельцы свое имущество потеряли, аптека и весь дом были национализированы. Позднее арендатором дома стало аптечное управление и с 1934 по 1941 год в нем проживала и работала прибывшая из Талицы семья управляющего Вильгельма Адамовича Краузе. Квартира располагалась на втором этаже, аптека – на первом. Как управляющий, Краузе по долгу службы объездил многие районы, открыл десятки аптек и аптечных пунктов во всех уголках области. В медицинских кругах именно Вильгельма Адамовича считают первым основателем и организатором аптечного дела в нашей области.

Статный, красивый, в золоченом пенсне Вильгельм и его очаровательная супруга Александра, работавшая преподавателем в школе, были весьма образованы, приветливы и гостеприимны. Со временем многие сотрудники управления и некоторые представители творческой интеллигенции города Могилянский, Лобацевич, Таншер, Рогозинская, Крашина, Волпянская и другие стали частыми гостями семьи Краузе. Будучи людьми одаренными и творческими, все вместе они создали свою художественную самодеятельность. Репетиции и концерты проходили на втором этаже аптечного управления в уютном актовом зале, на спектакли приглашались, как правило, родственники и близкие друзья участников. Долгое время дом на улице Республики, 21 оставался своеобразным культурным очагом города Тюмени. Кстати, этому дому в 2016 году исполняется 107 лет со времени постройки и, случай весьма редкий, просто исторический, в нем со дня основания и до сих пор работает аптека.

Перед самой войной в 1941-м дочь Краузе, Юлия Вильгельмовна, вышла замуж за местного музыканта Вадима Носкова, 8 августа 1942 года у них родился сын Владимир. Мама, Александра Григорьевна, став бабушкой, полностью посвятила себя воспитанию внука. Владимир закончил в Тюмени детскую музыкальную школу по классу фортепиано у преподавателя Люцедарской Т.С., затем после двух курсов Тюменского музыкального училища перевелся в Свердловское музучилище, после окончания которого в 1961 году поступил в Уральскую

государственную консерваторию. Получив высшее музыкальное образование, Владимир Носков-Краузе возвратился в Тюмень, где преподавал в Детской музыкальной школе № 6 и Тюменском музыкальном училище. Носков трагически погиб в автомобильной катастрофе в конце семидесятых годов.

В Первую мировую войну царское правительство доверяло российским немцам защищать Отечество, и Вильгельм Краузе летом 1914 года был призван в армию, отправлен на фронт, получил в бою контузию, вылечился и продолжил службу в военном госпитале. В 1941 году с началом Великой Отечественной войны товарищ Сталин в доверии советским немцам отказал и в армию они не призывались. Вильгельм Адамович все военные годы проживал в городе Тюмени и трудился в аптекоуправлении. В свободное время увлекался садоводством. Разумеется, что с тех пор, как они расстались в Талице, о Николае Кузнецова он ничего не знал, да и не мог знать, как не знали ничего о секретных военных делах разведчика даже близкие родственники – брат Виктор и сестры Агафья и Лидия. Только в 1948 году, когда командир партизанского отряда «Победители» Д.Н. Медведев написал свою повесть «Это было под Ровно» и рассказал в ней о подвигах Кузнецова, вся страна узнала об этом легендарном разведчике. Дошла книга и до Тюмени, прочитали ее друзья Вильгельма Адамовича, передали ему. Уже поседевший и умудренный богатым жизненным опытом Вильгельм Краузе читал книгу с большим интересом и восхищался мужеством и отвагой своего давнишнего ученика, который, впрочем, и тогда был парнем не из робкого десятка. Ушел из жизни Вильгельм Краузе в городе Тюмени более пятидесяти лет назад, похоронен на Текутьевском кладбище. Во время известной недавней реконструкции кладбища в период наших перестроек его могила «попала под снос», и дочери Юлии Вильгельмовне стоило немалых трудов, чтобы перезахоронить отца на этом же кладбище. Память о нем сохраняется у многих тюменцев, и не только в Аптеке № 1, где до сих пор хранятся его портреты.

Недавно я побывал у директора Аптеки № 1 Кузьминой Людмилы Тимофеевны. Сразу, в фойе аптеки на первом этаже посетители обращают внимание на обилие крупных красивых фотографий старой Тюмени, здания аптеки до ремонта и после, и, конечно же, фотографии стройного, красивого Вильгельма Краузе в окружении своих сотрудников. То же самое наблюдается

и в кабинете директора. Людмила Тимофеевна рассказала, что самого Краузе она уже не застала, но более чем столетнюю историю здания аптеки со времен купчихи Соколовой и до наших дней она знает; сотрудники аптеки от поколения к поколению передают уважительное отношение к Вильгельму Адамовичу, грамотному фармацевту, отличному руководителю и очень порядочному человеку. Его дочь Юлия проживала на улице Советской, 30, поддерживала близкие отношения с Кушнир Галиной Петровной, вместе с которой работала в Городской аптеке № 90. Людмила Тимофеевна подарила автору интересную фотографию, на которой Краузе запечатлен с дочкой Юлей и сотрудниками аптеки.

Галина Петровна рассказала, что Юлия Вильгельмовна получила педагогическое образование, в совершенстве владела немецким и английским языками, работала преподавателем в известной хорошиими традициями школе № 25 города Тюмени. Она пользовалась большим авторитетом среди учителей и любовью своих учеников, которые всегда горячо поздравляли ее с днем рождения, даже когда по достижении в 1975 году 55-летнего возраста она ушла на заслуженный отдых. Но ее беспокойная душа требовала движения и человеческого общения, эта тактичная и воспитанная женщина всегда хорошо относилась к людям и они платили ей ответной любовью. Вскоре после школы она пришла на работу в аптеку № 90 и проработала там около двадцати лет. А еще она любила путешествовать и много раз туристом ездила за границу. Вместе с отцом они приобрели и благоустроили хорошую загородную дачу, где нередко принимали гостей. Юлия Вильгельмовна прожила интересную, насыщенную жизнь и скончалась шесть лет назад в городе Тюмени в преклонном возрасте.

Наблюдение автора: будущий разведчик Николай Кузнецов учился в Тюменском сельхозтехникуме по адресу Республики, 7 в 1926–1927 годах. Недалеко от техникума по улице Республики, 21 с 1934 года длительное время проживал и работал его учитель Вильгельм Краузе. А чуть подальше, на улице Республики, 60 в 1928 году окончил четырехмесячные курсы подготовки для поступления в институт наш земляк, будущий глава Внешней разведки Советского Союза генерал Фитин Павел Михайлович. Для краеведов – готовый маршрут по улице Республики под названием «по местам жизни наших тюменских земляков, легендарных советских разведчиков».

РАЗВЕДЧИК ТЕТЦОВ ИЗ СЕЛА НОВАЯ ЗАЙМКА

Впервые с фамилией разведчика Александра Тетцова мне довелось встретиться более пятидесяти лет назад в 1964 году в Курганском управлении КГБ. В начале лета того года начальник второго отдела Тюменского управления КГБ Чернечев Анатолий Борисович направил меня, молодого оперативного работника, в служебную командировку в город Курган. По плану командировки все вопросы предстояло решать со старшим оперуполномоченным Курганского УКГБ Романовым Вячеславом Ивановичем, который и встретил меня на вокзале. По прибытии в Управление, прежде всего, зашли к начальнику Управления КГБ Третьякову Михаилу Ивановичу, сменившему преждевременно ушедшего из жизни фронтовика-разведчика Владимира Павла Васильевича, чтобы доложить лично, таков был установленный порядок, о целях и сроках командировки. После непродолжительной беседы Михаил Иванович сказал Романову: «Покажи гостю наш партком и все, что там есть, и приступайте к работе». Как председатель Совета физкультуры Управления он сначала показал все кубки, медали и дипломы, завоеванные курганскими чекистами в различных спортивных баталиях. Потом перешли к витринам, где под стеклом хранились награды, личные вещи и воинские документы курганских чекистов, участвовавших в Великой Отечественной войне. С особой гордостью Вячеслав Иванович, а он работал под руководством полковника Владимира, показал отдельную витрину, посвященную бывшему начальнику Курганского управления КГБ, почетному чекисту, полковнику Владимирову Павлу Васильевичу, который в годы войны на оккупированной территории Белоруссии успешно возглавлял разведывательно-диверсионную группу «Вихрь». За свои ратные заслуги получил орден Ленина и другие боевые награды. А начинал он с небольшой группы разведчиков в четыре человека, список которых был здесь же под стеклом. Романов обратил мое внимание на то, что в списке значится военный разведчик, тюменец Тетцов Александр Петрович, уроженец села Новая Заимка Заводоуковского района. Я честно признался, что ничего не слышал об этом разведчике, но для тюменского отдела кадров записал все его данные.

Возвратившись в Тюмень, я обратился с этим вопросом к нашему главному кадровику и тоже участнику Великой Отечественной майору Карпову Владимиру Александровичу. Тот долго листал свою толстую тетрадь с фамилиями всех наших управленческих сотрудников, воевавших в действующей армии, и побывавших на оккупированных территориях, но Тетцова Александра там не обнаружил. Карпов высказал предположение: поскольку все мы, тюменцы, до августа 1944 года, момента образования Тюменской области, были в составе Омской области, значит Тетцов призывался на службу по месту жительства Ишимским райвоенкоматом еще Омской области и его следы надо искать в Ишиме или Омске. А это значит, что надо делать официальные мотивированные запросы и подписывать их у начальника Управления или обращаться за подробностями снова в Курган. Оперативно значимой мотивации для продолжения этой работы в то время ни у меня, ни у Карпова не нашлось, и мы надолго забыли об этом вопросе. Подводя итог нашему разговору, Карпов тяжело вздохнул и добавил: «Вот так уже не первый раз, человек есть, и даже разведчик, а документов нет».

Кстати, в разговоре об Омске Карпов неожиданно заявил, что в Тюменском управлении КГБ сегодня могли бы работать два брата Зензиных. Он достал из своего сейфа небольшую фотокарточку моего младшего брата Зензина Владимира, вручил мне и рассказал следующее. Брат после окончания Омского физкультурно-спортивного института приехал на работу по распределению в Тюмень. Здесь он попал в поле зрения кадровиков Тюменского управления КГБ и его стали изучать в качестве кандидата на работу в органы госбезопасности. Процесс шел к успешному завершению, но брат был приглашен на работу на кафедру и уехал в Омск. Карпов дело кандидата уничтожил, а фотографию оставил. Я в то время после института и двух лет работы в Красноярском крае проходил обучение по направлению Красноярского управления КГБ в двухгодичной спецшколе КГБ СССР в городе Свердловске.

Что касается разведчика Тетцова Александра, его фамилия снова появилась у меня, но уже в 2014 году в переписке с журналистом из Мурманска Шибановым Сергеем Александровичем. Он сообщил, что летом побывал в отпуске у своих родственников и друзей-единомышленников по творческому цеху

в городе Кургане, где познакомился частично с очень интересными, на его взгляд, материалами на героя войны, разведчика и диверсанта Александра Тетцова, уроженца Тюменской области. Шибанов переслал мне электронной почтой имеющиеся у него на Тетцова материалы и предложил продолжить поиски и изучение других источников. Для начала посоветовал обратиться, как он выразился, к очень сильному музейщику Радионову Юрию Николаевичу, почетному работнику общего образования России, научному руководителю музея «Память» в городе Кургане. С подачи Шибанова мы с Радионовым познакомились, быстро нашли общий язык, обменялись изданными книгами о войне и разведчиках, наладили электронную переписку, в ходе которой и сегодня периодически передаем друг другу полезную информацию. Автор весьма признателен и благодарен Юрию Николаевичу за ценные материалы, в том числе за книгу «Псевдоним «Вихрев» о полковнике государственной безопасности, участнике Великой Отечественной войны Владимирове Павле Васильевиче и тюменском разведчике Тетцове Александре Петровиче, а также за интересные фотографии из семейного архива Владимиrowых.

Кроме того, в ходе поисков удалось познакомиться с материалами двух тюменских журналистов, Александра Черняева и Нины Свяжениной, написавших в 1964-м, это 52 года назад, и в 2012 годах соответственно об отдельных подвигах военного разведчика и диверсанта Тетцова Александра, а также найти другие источники. Материалов было много, но у меня не появилось желания сразу написать о Тетцове документальную повесть, не хватало некоторых дат, уже нет в живых свидетелей тех военных событий, да и архивы, похоже, пока не все открыты. Но рассказывать об участниках Великой Отечественной войны надо, там каждый был герой, там действительно было тяжело и страшно. Знаменитая «военная» поэтесса Юлия Друнина, оказавшаяся в начале войны в нашем Заводоуковске, написала: «Я только раз видела рукопашный, раз наяву и сотни раз во сне. Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне». И добавила, что Родину в эти трудные дни можно прикрыть только собой.

Александр Тетцов это сделал, и прикрывал не единожды. И в рукопашной побывал, когда по заданию командира спецгруппы проник из леса в оккупированный фашистами город,

нашел и своими руками уничтожил предателя без шума и свидетелей.

Фашистская Германия напала на Советский Союз 22 июня 1941 года внезапно и вероломно. Однако растерянность от потерь первых дней у руководства страны и в Наркомате госбезопасности скоро прошла и наступило время необходимых решений и срочных мер. Наркомат безопасности по согласованию с высшими военными структурами и правительством страны принимает решение о создании Особой группы при Наркомате с задачей организации разведывательно – диверсионной работы на оккупированных территориях, создания там агентурной сети, развертывания партизанской войны, и в первую очередь – на территориях Украины и Белоруссии. Уже 5 июля 1941 года первый заместитель начальника Внешней разведки СССР генерал-майор Павел Судоплатов назначается начальником Особой группы, а внешнюю разведку в то трудное время возглавлял наш земляк генерал-лейтенант Фитин Павел Михайлович, уроженец села Ожогино Ялуторовского уезда. Это село, между прочим, к Кургану ближе, чем к Тюмени, и воспитанники Ю.Н. Радионова из средней школы № 24 города Кургана не раз бывали у памятника П.М. Фитину в Ожогино, возлагали цветы и фотографировались.

Для решения поставленных задач в Москве и Подмосковье срочно создавались оперативные группы во главе с опытными сотрудниками госбезопасности, по разработанным чекистами программам проходили необходимую подготовку и обучение и по воздуху забрасывались в тыл противника. Объем работы Особой группы быстро увеличивался, вскоре она была преобразована в отдел, а в начале 1942 года – в самостоятельное Четвертое управление наркомата госбезопасности. Всего во время войны этим Управлением было сформировано, подготовлено и заброшено в тылы противника более двух тысяч оперативных отрядов и разведгрупп, которые безусловно сыграли существенную роль в разгроме гитлеровских войск и нашей Победе в Великой Отечественной войне. Чего стоит только одна Курская битва, где фашисты в июле – августе 1943 года потерпели сокрушительное поражение, от которого не смогли оправиться до конца войны. А достоверные разведывательные данные о подготовке германским командованием наступления под Курском первыми и очень своевременно получили

легендарные тюменские земляки – разведчики Николай Иванович Кузнецов и Павел Михайлович Фитин.

Разведчик Тетцов Александр Петрович родился в 1921 году в селе Новая Заимка Заводоуковского района Тюменской области. В 1939 году окончил фельдшерско-акушерскую школу в городе Ишиме и с дипломом фельдшера начал трудовую деятельность в Мизоновской сельской больнице Ишимского района. В 1940 году был призван на службу в Красную Армию Ишимским райвоенкоматом Омской области. Это был плановый призыв и вначале обычная военная служба. Однако все круто поменялось с началом войны в 1941-м году. После соответствующей подготовки Александра Тетцова направляют в распоряжение Народного комиссариата государственной безопасности Белорусской ССР. Поскольку служебное назначение – в Наркомат госбезопасности, можно однозначно считать, что прошел он не общевойсковую подготовку, а, конечно же, чекистскую, и с его неплохим для того времени образованием мог получить первичное офицерское звание. Но подлинных документов той военной поры сохранилось немного, да и те далеко не все рассекречены, особенно если речь идет о разведке и разведчиках. Написаны они, как правило, сжато и кратко, чтобы полностью понять, что хотел сказать автор, надо уметь читать иногда между строк. Еще надо учитывать то, что многие военнослужащие того времени имели недостаточно хорошую грамотность и писали как получится. Дальше разрешите привести дословный отчет начальника спецгруппы Наркомата госбезопасности Белоруссии майора Шибеко о работе его группы в тылу противника. Именно в этой группе продолжил свой боевой путь наш земляк разведчик Александр Тетцов.

«Специальная группа разведчиков НКГБ СССР «Боевые» в количестве 10 человек под моим руководством в 1942 году прибыла на территорию оккупированной Гомельской области. Группа тщательно готовилась в течение четырех месяцев. Она была укомплектована людьми проверенными, грамотными, боевыми, физически выносливыми, вполне подготовленными для работы в глубоком тылу врага. Все было продумано и учтено до мелочей, ибо враг был жесток и коварен.

Группа имела задачи: вести тщательную разведку глубоких тылов немецких оккупационных войск и всех органов власти на временно оккупированной территории; изучать органы

разведки немецких войск и оккупационных властей и их методов работы, внедрять советских людей в эти органы; разлагать их агентуру; жестоко расправляться с изменниками Родины и провокаторами; собираять информацию о продвижении немецких войск и их союзников: поляков, чехов, итальянцев, мадьяр, финнов и др.; изучать их моральный дух, новейшие виды вооружения, военного снаряжения, боеприпасов и т. д.; ежедневно пять раз в сутки информировать Москву; изучать места расположения добровольческой армии предателя Власова, их моральный дух.

У нашего командования были опасения, что немцы, терпя поражение за поражением, могут применить бактериологическое или химическое оружие против наших войск и населения, поэтому перед нами стояла задача – следить за их происшествиями в этом направлении и ежедневно информировать об этом Москву.

Группа активно включилась в выполнение заданий в определенной ей зоне действия, особое внимание уделив Гомелю и его окрестностям. Созданные нами в Гомеле оперативные группы продолжали свою работу согласно полученным заданиям. В состав нашей спецгруппы входили следующие товарищи, ранее работавшие в глубоком тылу немецких войск на Брянщине: Иван Николаевич Чулков, заместитель командира группы; Анатолий Иванович Титов, начштаба группы; Петр Афанасьевич Орлов, разведчик; Александр Петрович Тетцов, разведчик и организатор подпольных групп в Гомеле; Николай Васильевич Шилин, разведчик; Мария Сергеевна Честякова, радиостанция 1-й категории; Константин Владимирович Гаврилов, разведчик; Мария Трофимовна Полунина, разведчик; Сергей Евгеньевич Громов, разведчик.

В конце ноября 1943 года группа, выполнившая боевое задание, по распоряжению Главного командования советских войск вышла из тыла противника.

Командир спецотряда НКГБ СССР, разведчик майор Шибеко».

Внимательный читатель, наверное, заметил, что командир спецотряда майор госбезопасности Шибеко, перечисляя членов своей спецгруппы, отмечает, что все они уже поработали в немецком тылу на Брянщине. Значит заброска в тыл противника в этой группе в Гомельскую область для них была

не первая. А еще он указал, кто какую роль играл в группе: «Александр Петрович Тетцов, разведчик и организатор подпольных групп в Гомеле». Разведчиков было названо несколько, а вот организатор подпольных групп – на всю спецгруппу майора Шибеко один. Эта запись стоит дорого и означает очень много, если учесть, что разведчики работали в условиях оккупированного фашистами города, где надо было найти подходящих людей и суметь убедить их, рискуя жизнью, помогать органам госбезопасности в борьбе с оккупантами. А для этого надо было иметь соответствующие чекистские знания, умение разговаривать с людьми и заставлять их делать то, на что они не всегда готовы с первой беседы. Да и сам разведчик не меньше рисковал своей жизнью, можно было запросто нарваться на провокатора или просто малодушного человека, который сегодня дал согласие нам, а завтра за вознаграждение продаст разведчика фашистам. К сожалению, такое в войну, да еще в тылу противника, случалось, и неоднократно. Так что в этой ситуации Александр Тетцов выглядит как профессионал-чекист и очень смелый и уверенный в себе разведчик.

Необходимое пояснение – спецгруппы всегда разбивались на небольшие диверсионные группы, выполнявшие конкретные задания по взрывам мостов и других важных объектов, во главе каждой такой группы стоял свой руководитель – командир диверсионной группы, который назначался из наиболее подготовленных разведчиков.

Еще одна краткая выписка из боевой характеристики от 5 января 1944 года: «Александр Петрович Тетцов, 1921 года рождения, член ВЛКСМ, находился в тылу врага в спецгруппе «Боевые» с 18 августа 1943 года по 1 декабря 1943 года в должности командира диверсионной группы. В боях за Родину показал себя как мужественный и отважный десантник, партизан... Представлен к награде – ордену Красной Звезды.

Начальник спецгруппы ЦКГБ БССР майор госбезопасности Шибеко».

Декабрь 1943-го и начало 1944 года члены спецгруппы «Боевые» майора Шибеко находились на отдыхе, переформировании и подготовке к новым боевым операциям. Именно в это время военная судьба свела Александра Тетцова с другим своим командиром и боевым соратником по партизанской борьбе, почти нашим земляком, будущим курганцем Владимировым Павлом

Васильевичем. Руководящий работник авиационной промышленности коммунист Владимиров встретил начало войны очень далеко от западных границ страны в дальневосточном городе Хабаровске, но война и там досталась ему. В сентябре 1941 года Хабаровский крайком партии направляет его на работу в органы госбезопасности. После трехмесячных курсов оперативной подготовки он работает в Хабаровском краевом управлении НКВД сначала старшим оперуполномоченным, затем начальником группы и заместителем начальника отделения второго отдела. Грамотного и энергичного молодого руководителя в январе 1944 года приказом НКВД СССР направляют в распоряжение Народного Комиссариата госбезопасности Белоруссии. Три месяца напряженной оперативной, диверсионной, стрелковой, парашютной и другой подготовки и Владимиров 16 апреля 1944 года в качестве руководителя разведывательно-диверсионной спецгруппы «Пламя» с тремя опытными сотрудниками госбезопасности самолетом забрасывается в тыл противника в район юго-запада оккупированной Минской области. И в его группе наш земляк разведчик Александр Тетцов. Правда, на время работы в тылу врага всем офицерам присваиваются псевдонимы, Владимиров становится Вихревым, а Тетцов – Крыловым. Самым старшим в группе оказался Владимиров, ему было уже 37 лет, а Тетцову – 23, остальным примерно по столько же. Как-то само собой сложилось, что командира спецгруппы стали уважительно называть Батя, сначала в разговорах между собой, а потом и при непосредственном общении с ним.

После приземления Владимиров по имеющимся у него координатам связался с местными партизанами и за счет выделения ему надежных людей из партизанского отряда довел численность своей группы до 15 человек. Изучив обстановку на месте и согласовав с руководством отряда и Центром в Москве вопросы организации диверсионной работы, Владимиров-Вихрев решил основное внимание своей группы сосредоточить на очень важном и напряженном участке автомагистрали Минск – Барановичи. Уже 28 апреля 1944 года спецгруппа «Пламя» получила первое боевое крещение. Вместе с партизанским отрядом группа приняла участие в довольно ожесточенном бою с напавшими на отряд карателями-фашистами. Спецгруппа стойко и умело сражалась на выделенном ей участке обороны и закончила бой без потерь.

Все диверсионные операции наши разведчики планировали, готовили и проводили небольшими группами и, как правило, в темное время суток – легче скрытно проникать к объекту диверсии и безопаснее отходить после проведенной подрывной акции. Владимиров разбил основную спецгруппу, 15 человек, на несколько малых диверсионных групп, назначив в каждой своего командира, Александр Тетцов, с учетом его предыдущего боевого опыта и лидерских качеств стал одним из таких командиров. Свою первую диверсию спецгруппа «Пламя» совершила в ночь на 5 мая 1944 года, боевой счет открыла вторая диверсионная группа под руководством Василия Мацюты, взорвавшая мост через реку Морочь на шоссе Барановичи – Слуцк. В ночь на 6 мая первой группой Александра Тетцова был взорван мост через реку Перепуть на шоссе Минск – Барановичи, а в ночь на 8 мая третья группа уничтожила мост через реку Морочанка на шоссе Копыль – Тинковичи.

Получив первый боевой опыт на шоссейных мостах, в котором поучаствовали все малые группы, Вихрев принимает решение на проведение более сложных, но и более эффективных диверсий на железной дороге, где важные объекты охранялись вооруженными немецкими группами, по самой дороге периодически на мотодрезинах курсировали немецкие патрули, а все кусты и заросли вдоль дороги были или вырублены, или сожжены. Все это требовало тщательной подготовки, нередко предварительного наблюдения и изучения местности, во время исполнения – смелости, изобретательности, а иногда и дерзости. Спецгруппе «Пламя» пришлось заниматься и разведкой, обзавестись своими источниками информации из местных патриотов на крупных железнодорожных станциях, чтобы заранее узнавать время проследования эшелонов с военной техникой и живой силой противника. Приобретение таких источников и работу с ними Владимиров считал весьма тонкой и деликатной чекистской функцией, занимался ею лично сам или поручал, с учетом его гомельского 1942 года опыта, разведчику Александру Тетцову. После тщательной подготовки операций диверсионные группы Вихрева проводят 14, 20 и 26 мая 1944 года одну за другой три диверсии на железной дороге. Уничтожено три паровоза, много крытых вагонов с боеприпасами, много платформ с танками, орудиями и автомобилями, выведено из строя большое количество железнодорожных путей. В результате каждой такой

диверсии на длительное время блокировалось движение поездов противника на этих участках железной дороги и немцы лишились возможности своевременно доставлять к линии фронта боеприпасы, танки, орудия, провиант, офицерский и рядовой состав. Вихрев и на разборах результатов проведенных операций, и при обсуждении планируемых диверсий постоянно наставлял своих подчиненных, что мелочей здесь нет и быть не может, все важно, потому что за ошибку или элементарный недосмотр любой боец может расплатиться здоровьем, а то и самой жизнью.

Параллельно с организацией диверсий командир разведывательно-диверсионной спецгруппы Вихрев уделял большое внимание другой важной составляющей работы всей группы – разведке, привлекая для этих целей более подготовленных, а лучше уже имеющих такой опыт, разведчиков. И здесь его правой рукой и первым помощником стал разведчик Тетцов, получивший хороший опыт проведения разведывательных операций на оккупированной территории в предыдущей спецгруппе «Боевые». Именно при активном участии Александра Тетцова была подготовлена и блестяще проведена спецгруппой «Пламя» агентурно-оперативная операция против офицера немецкой контрразведки Курта Людендорфа, закончившаяся его захватом вместе с важными секретными материалами. После тщательного допроса в лесу на базе спецгруппы офицер СС вместе со всеми его секретами был самолетом переправлен в Москву.

Спецгруппа добывала и регулярно передавала в Центр политическую и экономическую информацию, держала под наблюдением и сковывала работу националистической организации «Союз белорусской молодежи», которая сотрудничала с фашистами и помогала им в отправке местной молодежи на принудительные работы в Германию. В мае 1944 года Вихрев сообщил Центру полученные данные о дислокации лагерей советских военнопленных, а затем разведчики его группы организовали с помощью местного населения побеги нескольких десятков наших военнослужащих. За весь период работы спецгруппы в тылу врага разведчики Вихрева выявили 449 активных пособников немецких оккупантов, большая часть из них были ликвидированы, а отдельные перевербованы и работали под нашим контролем на спецгруппу «Пламя».

Большинство диверсионных операций спецгруппа «Пламя» поначалу проводила без существенных потерь. Но однажды беда

случилась, казалось бы, в самой надежной и удачливой группе, которую возглавлял Александр Тетцов. Вихрев получил от своих источников на железной дороге информацию о готовящемся пропуске воинского эшелона с немецкими солдатами и офицерами и о принимаемых немцами строгих мерах по обеспечению безопасности его проследования. Учитывая важность и сложность операции, он решил поручить ее проведение группе Тетцова, а для прикрытия отхода группы после проведенного подрыва придать ей еще одну группу. Разведчики подготовили место для закладки мощной мины, но мину пока не поставили, ожидали контрольного прохода перед самим воинским эшелоном патрульной мотодрезины. Как только дрезина проехала это место, боец с миной в руках бросился наверх к железнодорожному полотну, а Тетцов остался неподалеку в укрытии и контролировал его действия. Сначала подрывник почему-то немного замешкался, потом быстро спустился к командиру группы и, заикаясь, доложил, что взрыватель вышел из строя. А из-за поворота уже показались огни паровоза. Медлить было нельзя ни секунды. Тетцов, отбросив в сторону неудачника, стремительно рванул вверх по насыпи, сжимая в руке запасной взрыватель. Вставив его в мину, он прыжком отскочил вниз и распластался на земле, бежать было уже нельзя, он попадал под прожекторы паровоза, а значит и в поле зрения фашистов. Наблюдавшие за всем этим из своего окопчика бойцы группы прикрытия поняли, что Тетцов решил взорвать вражеский эшелон ценой собственной жизни. Прогремел мощный взрыв, поднявший клубы дыма и пыли. Сильная взрывная волна далеко отбросила командира, он получил ранение и тяжелейшую контузию, но одновременно судьба и уберегла его. На то место, где он только что находился, повалились искореженные взрывом вагоны. Бойцы прикрытия бросились к своему командиру. Окровавленный Александр Тетцов не подавал никаких признаков жизни. Отходить надо было немедленно, потому что немецкая охрана на автомобилях или мотоциклах могла появиться в любую минуту. Они бережно уложили Тетцова на плащ-накидку и осторожно, трусцой направились в сторону леса. Из разбросанных по насыпи вагонов раздавались крики и стоны фашистов, но ни одного выстрела вслед убегающим разведчикам не прозвучало. Стрелять у немцев уже, видимо, было некому. Добежав до леса, запыхавшиеся бойцы опустили накидку с телом командира на землю и, медленно, как бы нехотя,

сняв головные уборы, замерли в скорбном строю. И тут, в полной тишине свершилось чудо – очнувшийся и пришедший в себя наш дорогой Саша Тетцов слабо застонал.

На этом потери спецгруппы «Пламя» не закончились. В одной из операций Вихрев принимал личное участие. Сначала все шло по плану, но потом внезапно, как это случается на войне, разведчики получили нештатную ситуацию. Исправлять ее, разумеется, бросился командир, но получилось, что ценой собственного здоровья – ему перебило два ребра. В Центр сообщать не стал, потому что знал – отзовут на лечение, а ему так не хотелось оставлять своих боевых друзей-разведчиков и практически неплохо налаженную работу. Позднее по этому поводу он написал так: «Лечился в условиях отряда».

Случилась у спецгруппы однажды и людская потеря. 21 июня 1944 года на перегоне Столбцы – Городея вторая диверсионная группа подорвала вражеский эшелон, под откос ушли паровоз, шесть крытых вагонов с оружием и боеприпасами, шесть платформ с боевыми машинами. При отходе группы немцы попытались ее отрезать и окружить, разведчики вынуждены были вступить с ними в бой. Командир группы сумел организовать спасительный прорыв в сторону леса, а прикрывать отход группы поручил отважному бойцу Демидовичу, который бился с наседавшими фашистами до последнего патрона и последней гранаты. Он уничтожил более десятка вражеских солдат, обеспечил полный отход группы, но сам скончался на месте от множества полученных ранений.

30 июня 1944 года спецгруппа «Пламя» провела свою двадцать четвертую и последнюю диверсию на железной дороге, пустив под откос людской эшелон с отступавшими фашистами. В итоге это значит, что группой за время ее работы в тылу противника было уничтожено 24 паровоза, около двухсот вагонов с оружием и боеприпасами, до двухсот платформ с танками, орудиями и автомобилями, большое количество вражеских солдат и офицеров.

Хронологически здесь следует привести запись приказа о награждении Тетцова личным оружием:

«Согласно приказу по части от 22.06.1944 г. за № 18/3 командир диверсионной роты спецгруппы НКГБ БССР Александр Петрович Тетцов за умелое руководство ротой, за храбрость и отвагу, проявленные 21 июня 1944 года в тылу

врага, награжден личным оружием за № 164166. Руководитель спецгруппы НКГБ БССР старший лейтенант госбезопасности Владимиров».

И еще одна запись – выписка из удостоверения о службе в НКГБ Белорусской ССР, представляющая для нас существенный интерес:

«Предъявитель сего товарищ Тетцов Александр Петрович действительно состоит на службе в Народном комиссариате государственной безопасности Белорусской ССР. Действительно до 25 августа 1944 года. Заместитель начальника майор государственной безопасности Шибеко. 10 июля 1944 года, г. Минск».

3 июля 1944 года стремительно наступавшие советские войска ворвались в столицу Белоруссии город Минск. 9 июля спецгруппа «Пламя», а в Москве ее называли группа «Вихрь», по согласованию с Центром перешла линию фронта и добралась до Минска. Командир спецгруппы НКГБ Белоруссии Владимиров-Вихрев доложил в Москву о соединении его группы с войсками Красной Армии.

Советское правительство высоко оценило работу разведчиков-диверсантов в тылу врага. Павел Васильевич Владимиров был награжден орденом Ленина и медалями «Партизану Великой Отечественной войны» 1-й и 2-й степени, все участники его группы получили боевые ордена и медали. После непродолжительного отдыха спецгруппа была расформирована, Павла Васильевича приняли на работу в городе Минске в центральный аппарат НКГБ Белоруссии. В августе 1946 года приказом он был переведен в Омское управление госбезопасности, в апреле 1954 года полковник Владимиров был назначен начальником Курганского управления КГБ СССР.

Что касается дружбы Тетцова с Владимирами, директор курганского музея «Память» Радионов Ю.Н., собравший богатый материал об этих двух разведчиках, в нашей электронной переписке и книге «Псевдоним «Вихрев» рассказал, что, несмотря на разницу в возрасте – 14 лет, они после войны нашли друг друга – на то они и чекисты-разведчики, переписывались и поздравляли друг друга. А если учесть, что ехать от Ишима до Кургана не так уж и далеко, то младший по званию, да к тому же уволенный из органов госбезопасности в 1945 году по со-

стоянию здоровья – два ранения и тяжелая контузия Тетцов сам наведывался в Курган. Радионов считает, что уволен был Тетцов в звании старшего лейтенанта или капитана. Как и положено командиру полковник Владимиров Павел Васильевич принимал своего подчиненного в просторном кабинете начальника Управления КГБ. Конечно, ни о каких сегодняшних погонах и должностях не было и речи, это были встречи боевых друзей, дружба которых скреплена пролитой в Белоруссии кровью, друзей, прошагавших трудные годы Великой Отечественной войны опасными партизанскими тропами по оккупированной белорусской земле. Вспоминали тех, кто дожил до Победы, и тех, кто навсегда остался в той земле. А еще вспоминали как Александр Петрович, имевший на гражданке фельдшерское образование и практику работы в больнице, в партизанском отряде в любое время дня и ночи оказывал медицинскую помощь всем, кто в ней нуждался.

Наш герой-разведчик Александр Тетцов после окончания Великой Отечественной вернулся в село Новолокти Ишимского района Тюменской области. От войны достались ему два ранения и контузия. Но кто из фронтовиков тогда не имел болячек? Главное – жив и ему всего лишь 24 года, он молод, полон желания жить и работать и добиваться новых побед, но уже в мирной жизни. Тетцов сначала был назначен заведующим сельским клубом, но вскоре Александра Петровича избрали председателем сельского совета. Сельчане доверяли ему и на эту высокую должность избирали два срока подряд. После этого он работал заведующим животноводческой фермой.

Но беда заключалась в том, что фронтовые раны и контузия почти постоянно напоминали о себе и требовали врачебного внимания. Так, в 1957 году случилось обострение старых болезней и Александру Петровичу пришлось практически два года проходить лечение. В 1965 году он был избран секретарем партийной организации совхоза «Новолоктинский» и трудился в этой должности до 1985 года. На этом посту Тетцов не жалел ни сил, ни времени на работу с молодежью, с каждым жителем села умел находить общий язык, был внимателен к нуждам земляков. Добился строительства нового сельского клуба. По его инициативе разведчика-фронтовика и при его непосредственном участии в селе воздвигли памятник солдатам – землякам села Новолокти, не вернувшимся с фронтов Великой Отечественной войны.

Что касается должности парторга совхоза, для нынешнего читателя хочу пояснить, что для совхоза и поселка Новолоктинский – это довольно высокая и ответственная должность. Как правило, директор – первый руководитель совхоза и парторг располагались в одном административном здании и часто в соседних кабинетах. Под какими-то важными документами, направляемыми в город Ишим в районные инстанции, обычно стояли две подписи – директора и секретаря парткома. На общепоселковых мероприятиях и торжественных собраниях они, как правило, находились рядом, по многим, даже сугубо хозяйственным вопросам, директор совхоза стремился заручиться поддержкой партийной организации.

Александр Петрович был необычным, увлекающимся человеком, отмечают жители села Новолокти, писал стихи, всегда выступал с какими-то интересными инициативами, был уважаемым человеком в селе и душой коллектива в любой компании. Лучше его никто не умел произносить зажигательные речи не только в Новолоктях, но и во всем районе. Мог организовать, убедить, повести людей за собой. Всегда занимал активную жизненную позицию. Любил свой край – приишимские просторы. У него была хорошая дружная семья: любящая жена Степанида Кирилловна, учительница начальных классов, имела звание «Отличник народного просвещения» и четверо замечательных детей, в доме всегда царил семейный уют и порядок.

О войне Тетцов рассказывал немного, скрупульно, только отдельные эпизоды. Да и награды свои боевые и все, полученные после войны, носил редко, в основном по большим праздникам. А вот стихи декламировать любил, и собственного сочинения, и известных классиков. Когда жена приглашала его на школьные вечера, он читал стихи, посвященные учителям и ученикам своей школы. Больше других всем нравилось стихотворение Александра Тетцова «Учитель нашего села», может потому, что в нем была и мирная жизнь, и война.

*Детей учил он четверть века,
Он детям душу отдавал.
И как родного человека
Его здесь каждый узнавал.*

*Внезапно мирный труд прервался,
Война объявлена была.
В руках фашистов оказался
Учитель нашего села.*

*Его каратели пытали,
Но слова вырвать не могли.
К сухой березе привязали
И ту березу подожгли.*

*Его могилы нет, конечно,
И туча пепел разнесла.
Живым примером будет вечно
Учитель нашего села.*

В 1968 году в дни 50-летия Советской Белоруссии Александр Тетцов по приглашению однополчан ездил в город Минск, посетил город Гомель, где встретился со своими боевыми товарищами. Тепло принимали его на белорусской земле. Вместе с друзьями побывали в тех местах, где в годы войны приходилось вести жестокую и беспощадную борьбу с оккупантами. В музее села Новолокти сохранилась статья из газеты, в которой описывалась встреча фронтовых друзей в Гомеле и фотография пяти человек с указанием их имен, фамилий и домашних адресов: Мацута Василий, Титко Мария, Егорова Мария, Бакаревич Софья и Тетцов Александр. Автор статьи «Встреча боевых друзей» – К. Малашкова-Шибеко, видимо, вдова майора госбезопасности Шибеко, руководителя спецгруппы.

Встреча была и радостной, и грустной, многие бойцы из их спецотряда к тому времени уже ушли из жизни. Вспомнили и своего Батю, который в городе Кургане на боевом посту начальника областного Управления КГБ скоропостижно скончался от сердечного приступа в 1963 году совсем молодым, всего-то в 56 лет. Павел Васильевич Владимиров-Вихрев был замечательным командиром спецгруппы «Вихрь». Это под его мудрым руководством и руководством легендарного разведчика майора Шибеко они смогли успешно сражаться в глубоком тылу врага и победить фашистских захватчиков.

Закончить рассказ о нашем земляке-разведчике Тетцове Александре Петровиче было бы справедливо перечнем его

боевых наград, которыми он был отмечен за свой ратный труд и подвиги в Великую Отечественную войну, и наград, заработанных им на мирных полях Приишимья:

Орден «Красной Звезды».

Орден «Отечественной войны II степени».

Медаль «Партизану Отечественной войны I степени».

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

Нагрудный знак «25 лет победы в Великой Отечественной войне».

Юбилейная медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

Юбилейная медаль «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Юбилейная медаль «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Юбилейная медаль «50 лет вооруженных сил СССР».

Умер Александр Петрович 3 марта 1985 года на 64-м году жизни после продолжительной и тяжелой болезни. Похоронен в селе Новолокти Ишимского района Тюменской области. Все его награды и документы из личного архива хранятся в историко-краеведческом музее села Новолокти.

СПАСИБО ВСЕМ, КТО ПАМЯТНИК ПОСТАВИЛ

В этом, 2016 году – 105 лет со дня рождения разведчика Кузнецова Николая Ивановича, а 90 лет назад в июле 1926-го тогда еще Никанор Кузнецов поступил на первый курс агрономического отделения Тюменского сельскохозяйственного техникума. Адрес – город Тюмень, улица Республики, дом № 7. Это – одно из лучших и красивейших зданий старинной Тюмени, построенное более ста лет назад в 1877–1880 годах на средства тюменского купца – мецената Прокопия Подаруева.

Изначально здесь размещалось Александровское реальное училище, которое по своей оснащенности и образовательным технологиям было одним из лучших в России. Уровень подготовки учащихся был настолько высок, что его выпускников

охотно принимали в Петербургский политехнический институт. Первым директором училища был наш знаменитый земляк И. Я. Словцов, известный собиратель богатой коллекции сибирских древностей, которые сегодня хранятся в Тюменском областном краеведческом музее. Атмосфера училища, а ныне и сельхозакадемии пропитана духом российского патриотизма. Здесь учились очень известные русские писатели Михаил Пришвин и Глеб Успенский, крупный советский политик и дипломат Леонид Красин, легендарный разведчик, Герой Советского Союза Николай Кузнецов.

После революции 1917 года все, связанное с реальным училищем, постепенно отошло, и в 1920 году в стенах этого здания открылся Тюменский сельскохозяйственный техникум. В 1959 году, в связи с острой нехваткой в Тюменской и соседних областях высококлассных специалистов сельского хозяйства, на базе четырех отделений техникума открыли сельскохозяйственный институт. Ныне здесь работает Тюменская сельскохозяйственная академия. Ее ректор, Николай Васильевич Абрамов, отмечает, что в этом учебном заведении более века бережно хранят традиции российского образования и патриотизма, истоки которых надо искать еще в Александровском реальном училище.

А теперь расскажем о замечательном памятнике разведчику Н.И. Кузнецову, который украшает и это здание, и начало улицы Республики, а, по большому счету, и наш город Тюмень. Судьба распорядилась так, что автору книги довелось быть свидетелем, а в чем-то и участником создания памятника Герою Советского Союза, этого исторического факта, которому в 2017 году исполнится 50 лет. Воспроизвожу и по памяти, и по своей военно-учетной карточке, где записано, что третьего сентября 1967 года старший оперуполномоченный Н. В. Зензин был назначен во вновь созданный Пятый (идеологический) отдел управления КГБ Тюменской области «на молодежную линию». В московском приказе о создании пятых отделов в стране подчеркивалось, что основными объектами идеологических диверсий в СССР противник избрал именно молодежь и интеллигенцию. Поэт Сергей Федоров на эти события оперативно отреагировал стихотворением, в котором есть такие строки:

*Все испытав, мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая, займет наш враг.*

*Займет, сводя все те же счеты,
Займет, засядет, нас разя.
Сердца! Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя!*

По моему, Сергея Федорова на встречах с молодежью можно было бы смело цитировать и сегодня.

Через два-три дня после назначения, предварительно созвонившись, я уже сидел в кабинете ректора сельскохозяйственного института Анатолия Васильевича Малова. Он отметил, что как участник Великой Отечественной войны, всегда относится с пониманием и уважением к людям в погонах и готов совместно решать любые вопросы, если они на пользу Отечеству. В Тюмень он приехал из Сталинграда, где провел военные годы, в институте – с 1962 года, ректором назначен в 1963 году. От предшественников знает, что в годы Великой Отечественной войны руководители, тогда еще сельскохозяйственного техникума, тесно сотрудничали с органами госбезопасности, когда в этом здании размещался пост № 1 – хранился саркофаг с телом В.И. Ленина. Позднее он был перевезен обратно в Москву и теперь в этом помещении преподаватели института организовали ленинскую комнату.

В настоящее время, рассказал Анатолий Васильевич, у него возникли серьезные вопросы, связанные с установкой памятника разведчику Кузнецову. Площадку для этого выбрали вместе с архитектором города П. Гриненко и строителями треста «Тюменьгорстрой» перед главным входом в институт. Но архитектор сразу забраковал фасад здания: огромные деревянные двери и ступеньки лестницы, выходившие прямо в сторону улицы Республики, были очень неудачным фоном для памятника. Коллективно предложили двери закрыть сплошной стенкой и сделать два боковых выхода. Проектную документацию готовит город и трест, но все это согласовывается с ректором, и он должен ставить на документах свою подпись. А сроки достаточно сжатые, памятник надо открыть

20 декабря 1967 года, в день 50-летия со дня создания органов госбезопасности СССР.

Материалы для фундамента и постамента, рабочую силу будет обеспечивать управляющий трестом «Тюменьгорстрой» Александр Панчижный и его главный инженер Владимир Курмин. Не все пока получается быстро и гладко, например, на базах Тюмени не смогли найти хорошую мраморную плитку для облицовки постамента и придется гнать машину в город Свердловск. Организует и раскручивает все эти мероприятия первый секретарь горкома ВЛКСМ Сергей Великопольский. А горком партии и горисполком контролируют и спрашивают все с ректора, так как по партийной и административной линии он подчинен им.

Эта информация в тот же день была доложена моему непосредственному начальнику отделения Пятого отдела Эмерику Меркурьевичу Шевелеву. Наш отдел курировал заместитель начальника управления КГБ полковник Корнев Александр Ильич, работавший до Тюмени в посольстве СССР в Пекине и слывший среди оперсостава как осторожный и рассудительный дипломат. На беседу к себе он пригласил нас с Шевелевым вместе. Внимательно выслушав, сказал, что поскольку Управление КГБ – организация сугубо бюджетная, материально мы никак не сможем поучаствовать в этих делах. Но с учетом их важности пообещал включить в общий план Управления КГБ, посвященный 50-летнему юбилею создания органов безопасности, а в целях контактирования с партийными органами и городскими властями он лично переговорит об этом с секретарем горкома партии. Все знали, что секретарем горкома партии по идеологии была его жена, Екатерина Петровна Корнева, переговоры с которой он обычно брал на себя. И по этой линии у нас всегда был хороший контакт с партийными органами.

1967 год был для страны и для нас, оперативников, и знаменательным, и напряженным, предстояло подготовить и обеспечить в городе Тюмени и области безопасность проведения двух очень важных юбилейных мероприятий: 7 ноября – 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции и 20 декабря – 50 лет образования органов госбезопасности. В Управлении КГБ по этим двум датам был создан оргкомитет, который по приказу начальника Управления возглавил Александр Ильич Корнев. В состав комитета вошли некоторые руководители подразделений

и опытные оперработники. От отдела кадров – майор Владимир Карпов, по спорту – председатель Совета физкультуры Управления Николай Зензин. Несмотря на серьезность и значимость указанных выше юбилейных дат, все, что было связано с созданием и открытием памятника разведчику Н. И. Кузнецову, было в тот момент тоже в поле зрения руководства управления КГБ.

Участников событий того исторического 1967 года, а прошло уже 49 лет, осталось не так много, но они еще есть и с ними надо встречаться и разговаривать. Основное действующее лицо, если говорить о создании памятника, это, конечно же, Сергей Дмитриевич Великопольский, ныне президент Тюменского областного общественного фонда имени В.И. Муравленко. В преддверии 105-й годовщины со дня рождения Героя Советского Союза Николая Кузнецова мы дважды встречались с Сергеем Дмитриевичем в его рабочем кабинете на улице Ленина.

Конечно же, для него все это очень важно и дорого, только он знает, каких трудов этот памятник стоил и горкому комсомола, и ему лично. Это теперь, когда памятник давно стоит, кажется все просто. А тогда горкому ВЛКСМ, вместе с городским советом ветеранов партии, комсомола, войны и труда, с ректором сельхозинститута и трестом «Тюменьгорстрой» пришлось немало потрудиться, чтобы в положенный срок открыть памятник разведчику.

Первоначально это планировалось сделать 20 декабря, в день 50-летнего юбилея органов госбезопасности. Но в юбилейных мероприятиях Управления КГБ принимали участие и горком, и обком партии, городские власти, комсомол и другие общественные организации. С утра в этот день в актовом зале Управления КГБ проводилось большое торжественное собрание офицерского состава и служащих, на котором оглашались приветственные письма и телеграммы из Москвы и соседних областей, поощрительные праздничные приказы о присвоении очередных званий, вручение наград, грамот и премий. По итогам предпраздничных соревнований по стрельбе, лыжам, волейболу и шахматам вручались кубки командам и дипломы победителям в личном зачете. А во второй половине дня 20 декабря было намечено областное торжественное собрание в филармонии, на котором присутствовали руководители области, почетные гости и весь оперативный состав

областного Управления КГБ, от поселка Тазовского до города Ялуторовска. После собрания был дан праздничный концерт, а затем состоялся большой юбилейный банкет. Так что на открытие памятника Кузнецову в этот день времени практически не оставалось, и по согласованию со всеми заинтересованными структурами памятник открыли накануне, 19 декабря 1967 года.

Был выставлен оперативный наряд от Управления КГБ, который возглавлял подполковник Н.И. Воронцов, а также наряды от милиции и службы ГАИ. На открытие были приглашены ветераны войны, руководители города, пионеры и комсомольцы, было много студентов сельхозинститута и жителей города. В почетном карауле возле постамента стояли двое членов клуба имени Дзержинского в форме и с оружием в руках, подготовленные майором Шевелевым Э.М., создавшим и возглавлявшим этот клуб. А 20 декабря в обеденный перерыв небольшая группа чекистов – участников Великой Отечественной войны и молодых сотрудников Управления КГБ возложили живые цветы к памятнику герою-разведчику. Это были первые цветы Кузнецову от чекистов. Автору как члену оргкомитета Управления и куратору сельхозинститута приходилось и на общественных началах, и по служебной необходимости принимать участие во всех этих мероприятиях. Со следующего, 1968 года, делегации чекистов-ветеранов и молодых сотрудников стали возлагать цветы к памятнику дважды в год, 9 мая, в День Победы и 27 июля, в день рождения Николая Ивановича Кузнецова. Это стало замечательной традицией, которая живет и по сей день. К ней добавились и другие традиции, например, все вело-, мото- и автопробеги, посвященные разведчику Кузнецову, берут начало с улицы Республики, 7, от этого памятника. Так будет и в июне–июле 2016 года. 23 июня стартует велопробег «Сибиряки: дорогами Побед» от Тюмени до Тобольска, посвященный 105-летию со дня рождения Николая Кузнецова и другим нашим землякам – Героям Советского Союза. Завершится велопробег 24 июня на Красной площади у Тобольского кремля. В этот день исполнится 71 год со времени проведения Парада Победы в Великой Отечественной войне, который состоялся в Москве на Красной площади в 1945 году. Позднее состоится мотопробег Тюмень – Ямбург и автопробег, организуемый ветеранами ФСБ, от Тюмени до Кудымкара Пермской области.

Вспомнил Сергей Великопольский и о том, как все это начиналось. Он пришел в горком комсомола первым секретарем

в 1965 году. До этого года, в так называемую эпоху Хрущева, все как-то «забыли» про Великую Отечественную войну, даже День Победы почему-то не отмечался, и ветеранов никто не поздравлял. Но в октябре 1964 года, на внеочередном Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев за злоупотребление властью был снят со всех своих постов и Генеральным Секретарем ЦК был избран Л. И. Брежnev, активный участник Великой Отечественной. И уже 26 апреля 1965 года Президиум Верховного Совета СССР принял постановление: объявить 9 мая праздничным днем и называть его «Праздник Победы».

Разумеется, сделано это было к 20-летнему юбилею Победы, 9 мая 1965 года, и ветераны войны, комсомол и вся страна приняли это на ура! На местах стали создаваться городские и районные советы ветеранов партии, комсомола, войны и труда – так они тогда назывались, на первом месте стояла партия. Тюменские ветераны войны начали постепенно доставать из сундучков свои боевые награды, а комсомольские активисты стали чаще встречаться с ветеранами, разыскивать и устанавливать имена героев войны, кто ушел на фронт и не вернулся. Молодежь охотно и много читала книги про героя Великой Отечественной войны, в том числе произведения чекиста Д. Н. Медведева про разведчика Николая Кузнецова.

В этой обстановке общего патриотического подъема в стране и области у тюменского скульптора Алексея Клюкина, четыре года прошагавшего дорогами войны, имевшего и ранения, и боевые награды, появилась идея создать скульптуру известного разведчика и нашего земляка Николая Кузнецова. Молодежь его знала и по книгам, и по кинофильмам. Идея Клюкина нашла горячую поддержку в горкоме комсомола. Сергей Великопольский вместе со своим другом и соратником, секретарем горкома Евгением Безруковым, побывали в мастерской Клюкина, расположенной в подвалчике дома, рядом с почтамтом. Комсомольские руководители внимательно осмотрели многочисленные пробы и эскизы – воплощение образа Николая Ивановича, быстро нашли общий язык со скульптором и, как отметил Сергей Дмитриевич, подружились с ним и потом не раз встречались.

Вскоре Алексей Клюкин принес готовую работу в горком ВЛКСМ и передал ее в качестве подарка тюменской комсомолии. Великопольский сердечно поблагодарил автора, пообещал, что памятник около сельхозинstitута стоять будет, и с присущей

ему энергией взялся за дело. Были продуманы и обсуждены все этапы обширного плана мероприятияй, определены исполнители, и работа закипела. В этом и состоял замечательный стиль руководства первого секретаря горкома: не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, доверять подчиненным, помогать им, не допускать раскачки и пустых разговоров, работать командой, но при этом не отменять персональную ответственность каждого. И команда сработала четко: институт, город, молодежь и ветераны получили замечательный памятник – место, где можно собираться, чтить подвиги Героя Советского Союза Кузнецова, читать стихи, петь песни и возлагать цветы.

На открытие памятника Сергей Дмитриевич пригласил из Свердловска брата героя – Виктора Ивановича Кузнецова. Для него была составлена дополнительная программа, он побывал на предприятиях города, встретился с молодежью.

Обсудили с Великопольским и такую деталь: при открытии памятника, на тыльной стороне постамента, на встроенной плите было указано имя автора скульптуры Алексея Ивановича Клюкина и организатора установки памятника – Тюменский горком ВЛКСМ. Позднее во время ремонта постамента эта плита была утрачена, и памятник теперь стоит безымянный. Сергей Дмитриевич считает такое положение дел недопустимым, оно вызывает кривотолки, а иногда искажения истории создания монумента. Чтобы исправить ситуацию он предложил совместно с Советом ветеранов Управления ФСБ установить новую плиту, но на правой стороне памятника, поскольку тыльная закрыта посаженными позднее елями. На плите обязательно надо сохранить имя автора скульптуры и создателей монумента.

К слову о елях. Вскоре после открытия памятника Николаю Кузнецкову институт решил разбить около него цветник. Сказано – сделано, но за цветочной клумбой надо было постоянно ухаживать, летом поливать, осенью убирать засохшие цветы, а весной высаживать новые. Это делали поочередно преподаватели и студенты, но со временем энтузиастов поубавилось, а потом и совсем клумбу остали без внимания.

Летом 2015 года автор подарил свою книгу о разведчике Кузнецкове Сергею Изотовичу Лоншакову, редактору информационно-издательского отдела Тюменского института развития регионального образования. До 1982 года Сергей Изович работал на кафедре истории КПСС Тюменского сельхозинститута.

Однажды он обратил внимание на то, что за цветочной клумбой стали ухаживать плохо, а на фотографиях, сделанных им со стороны улицы Республики, Николай Иванович получается какой-то «голый» на фоне входа в здание института. На кафедре в присутствии заведующей Мазурак провели обсуждение этого вопроса, работники кафедры единодушно решили, что позади памятника надо высадить красивые елочки, чтобы они укрыли памятник от здания. Заведующая кафедрой инициативу сотрудников поддержала. В пригородном питомнике приобрели хорошие сортовые елочки примерно метрового роста, чтобы они лучше прижились. Сотрудники кафедры, вооружившись лопатами, дружно принялись за работу. Но позднее, когда елочки подросли, одна из них, самая крайняя справа, если смотреть с улицы Республики, немного отклонилась. Лоншаков предлагал на кафедре найти металлическую трубу, забить ее и выровнять злополучную елочку. На словах с ним соглашались, но до дела так и не дошло. И стоит эта елочка до сих пор немного наклоненной. Но в целом все ели выросли, хорошо смотрятся и создают за памятником нарядный зеленый фон.

Однако вернемся к разговору с Великопольским. На следующий 1968 год именно горком комсомола вместе с советами ветеранов выступил инициатором создания возле Текутьевского кладбища мемориала памяти участникам Великой Отечественной войны, погибшим от ран в госпиталях города Тюмени. 9 мая 1968 года ко Дню Победы мемориал был открыт.

А еще Сергей Дмитриевич подчеркнул, что за четыре года войны около ста тысяч тюменцев погибли на фронтах Великой Отечественной, похоронены в самых разных местах страны, а их родственникам-тюменцам в памятные дни негде собраться, вспомнить своих близких и возложить цветы. Видимо, на этой волне всенародной востребованности и патриотизма, по решению Тюменского обкома партии, в конце 1968 года на Исторической площади Тюмени была воздвигнута памятная стела и зажжен Вечный огонь.

Подводя итоги нашему разговору, Сергей Дмитриевич сказал: «Мы гордимся тем, что многие исторические памятники героям-фронтовикам были поставлены в нашем городе инициативой и на средства тюменской комсомолии».

И это был, пожалуй, самый осозаемый и самый главный вклад Тюменского горкома ВЛКСМ в военно-патриотическое воспитание нашей молодежи.

*Открытие памятника Н. И. Кузнецову:
в центре – брат разведчика Виктор Кузнецов, 3-й справа – скульптор
А. И. Клюкин, правый крайний – его сын Алёша, 19.12.1967 г.*

Скульптор Клюкин в мастерской за работой над бюстом Н. И. Кузнецова

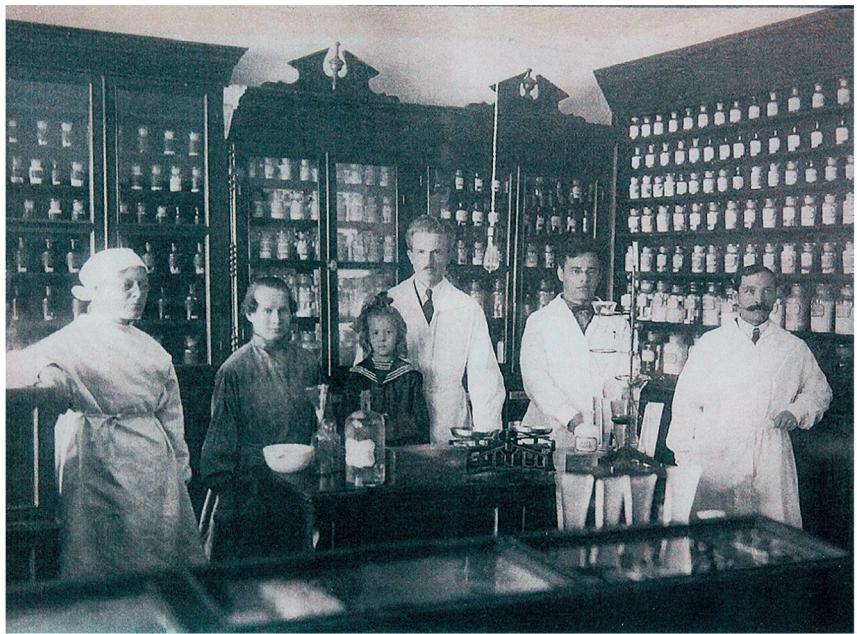
Великопольский Сергей Дмитриевич,
организатор и создатель памятника
Н.И. Кузнецову

Малов Анатолий Васильевич,
ректор сельхозинститута,
создатель памятника
Н.И. Кузнецову

Вильгельм Краузе, город Тюмень, 1917 год

B.A. Krauze с дочерью и сотрудниками Аптеки № 1, ул. Республики, 21

*Смирнов Г.Б. с дочерью Инессой
и внучкой Елизаветой у памятника
Н.И. Кузнецова на его родине
в д. Зырянка, 2014 год*

*Разведчик-диверсант А. П. Тетцов,
село Новолокти Ишимского района,
1964 год*

На лицевой стороне фотографии надпись: «Память о легендарном Бате и боевых друзьях». На оборотной стороне – рукой Тетцова написано: «На фотографии запечатлен момент, когда наш Батя – Владимиров забирает в спецгруппу разведчиков В. Маюту и В. Зайцева-Минина. Тыл врага. Помним вас, Герои! А. Тетцов-Крылов». Апрель 1944. Белоруссия.

Командный состав спецгруппы «Пламя». На снимке слева направо:
1-й ряд – Н. Чикатин, командир группы разведки,
П. Владимиров, командир отряда; майор – фамилия неизвестна;
2-й ряд – В. Цыганков, радист спецгруппы; А. Тетцов, командир первой
группы; В. Маюта, командир второй группы; В. Зайцев, командир
третьей группы. Июль 1944. Минск.

ДВЕ ВОЙНЫ МАМЫ ЖЕНИ

22 июня 2016 года – День памяти и скорби, 75 лет со дня начала Великой Отечественной войны. Это была вторая война мамы Жени.

Моя мама – Евгения Паисовна Зензина, в девичестве Шелудкова, родилась в 1913 году в селе Солдатка Омской области в зажиточной крестьянской семье, где кроме нее было еще три брата, все – участники Великой Отечественной войны. Папа, Зензин Василий Павлович, 1913 года рождения, уроженец того же села, жил вдвоем со своим отцом Зензиным Павлом Абрамовичем, жена которого в молодом возрасте внезапно скончалась в конце 1931 года. Хозяйство у двух мужчин было довольно большое: просторный дом, три лошади и три коровы, овцы и куры, два поросенка и поэтому без женщины – никак. Павел Абрамович вторую жену искать не стал, сыну заявил, что это будет не по-христиански – вскоре после похорон ему устраивать свою свадьбу. И потому решил женить единственного сына. Все сельчане и домашние знали, что Павел Абрамович всегда все вопросы решает быстро, возражений не терпит, решений не меняет и выполняет их непременно, за что его и уважали. Семейство Шелудковых он знал давно, родители и дети, все как на подбор видные, работающие, в селе заметные и авторитетные. Единственная в семье дочка Женя – красивая, боевая, с веселым характером и отменная труженица. Как раз то, что и требовалось в данный момент Павлу Абрамовичу. Сын Василий был знаком с Женей всего лишь как односельчанин, но иногда на деревенских посиделках с повышенным интересом поглядывал в ее сторону, как и некоторые другие ребята с его улицы. Поэтому, когда отец высказал ему открыто и определенно свое предложение, Василий спокойно его принял, хотя в душе 19-летний парень еще хотел бы погулять холостяком.

Не откладывая надолго, Павел Абрамович заслал к Шелудковым сватов, получил, после необходимой в таких случаях небольшой паузы, согласие и уже весной 1932 года две известные в Солдатке и округе семьи породнились и сыграли шумную богатую свадьбу. Василий и Женечка стали мужем и женой. А 3 марта 1933 года у них появился на свет очень подвижный и резвый мальчик, которого нарекли Николаем.

Но счастье молодых и их родственников в марте и закончилось. По решению Омских областных властей в Солдатке было решено в марте–апреле этого года создать колхоз – коллективное хозяйство, чтобы в мае выйти на весенние полевые работы всем вместе, а осенью, как заверяли организаторы этого грандиозного мероприятия, собрать, опять же вместе, первый богатый урожай. Расчетливые и дальновидные Зензины, Шелудковы и некоторые другие небедные семьи не совсем понимали идею всеобщего объединения домашнего скота и сельхозинвентаря. Если они передадут в колхоз по три-четыре коровы и лошади, а любитель выпить и полежать Паша Гнездилов приведет одну захудалую коровенку, то какое же это будет равенство и братство? И потом, они в весеннюю посевную страду и осеннюю уборку встают в пять–шесть утра и ложатся спать не раньше двенадцати ночи, а Пашу в это время утром надо краном поднимать. Какой это может получиться общий и совместный труд? Представители области на собрании от этих и других острых вопросов уклонялись, а Паша Гнездилов и его друзья-собутыльники молча курили в сторонке. Еще до конца не созданный колхоз на глазах разваливался. К слову сказать, в семьях Шелудковых и Зензиных мужчины не курили, правда, от чарки в праздничный день, конечно, не отказывались.

Закончились все эти собрания и дискуссии волевым решением областных властей – колхоз создать. Неугодного и несогласного Павла Абрамовича и еще нескольких односельчан объявили «классовыми противниками», назвали кулаками, по скорому и неправому суду решили сослать в отдаленные места на лесозаготовки. Павел Абрамович был выслан в село Кондинское Ханты-Мансийского национального округа, а его дом, скот, сельхозинвентарь и все имущество забрали в колхоз. Молодой двадцатилетний Василий с чемоданчиком личных вещей и мама Женя с двухмесячным сыном на руках пошли по селу искать себе хоть какое-то пристанище.

Изгнанных из собственного дома временно согласилась приютить одинокая старушка. А вот с работой поначалу совсем не везло, «колхозные» страсти еще не улеглись и сына кулака не очень спешили брать на работу, хотя Василий был грамотным специалистом, неплохо разбиравшимся в коммерческих и бухгалтерских делах. Тем более, что тогда это было время

всеобщей неграмотности в деревнях и такие как он специалисты были на вес золота. И судьба, все-таки, улыбнулась ему. В соседней деревне Островная тоже создали колхоз, а его председателем на общем собрании был единогласно избран молодой, энергичный и грамотный сельчанин Трофим Андронов. Он по каким-то своим каналам вышел на Василия, приехал в Солдатку и, несмотря на его «кулацкие заслуги», уговорил Василия поработать бухгалтером своего колхоза, погрузил на телегу, на которой приехал, и в тот же день увез вместе с женой и сыном в Островную.

Сначала поселили в небольшую избушку, а со временем подыскали вполне приличный дом. Изучив в короткий срок обстановку в колхозе, а она оказалась значительно лучше, чем в Солдатке, познакомившись с членами правления, теперь не Василий, а уже – Василий Павлович довольно быстро освоился со своими обязанностями и практически с нуля создал хорошую бухгалтерскую службу. Отношения с председателем колхоза сложились на редкость такие удачные и теплые, что вскоре они стали дружить семьями и бывать друг у друга в гостях.

Жизнь постепенно налаживалась, молодые супруги сделали в доме хороший ремонт, купили приличную мебель, стали принимать гостей. Молоко и сметану вначале покупали у соседей, но потом приобрели свою корову, за ней появилась пара овец и десяток курочек. Крестьянская привычка иметь все свое брала верх и всегда выручала в кризисных ситуациях. А через два года в 1935-м в семье появился второй сын – Владимир, в 1938 году родилась девочка Аня. Василий Павлович все свободное время уделял жене и детям, особенно ботворил и баловал сыновей, называл их мужиками и своими наследниками. Трофим Андронов, у которого своих детей по какой-то причине не было, каждый раз, приходя в гости к Василию, приносил подарки его сыновьям и дочке и любил поиграть с ними. Казалось, жизнь вошла в свои спокойные берега.

Но, вот это пресловутое «но» всегда все портит. 30 ноября 1939 года на границе Советского Союза и Финляндии произошел вооруженный конфликт, а поскольку еще до конфликта были взаимные территориальные претензии, то конфликт перерос в полномасштабные военные действия. Красная Армия без подготовки начала не совсем успешное и затянувшееся

наступление, нашим наступающим частям серьезно мешали глубокие снега и сильные морозы. В стране была объявлена мобилизация подлежащих призыву на службу граждан. Василий Павлович и еще несколько членов колхоза с утра были собраны в помещение правления, выслушали напутственные слова руководства, попрощались с провожавшими, расселись по саням и отправились на первый сборный пункт в Солдатку. Погода была довольно морозной, все прошло как-то буднично и малолюдно.

Мама с тремя малышами возвратилась в ставший вдруг пустым свой дом, разделилась, сняла теплую одежду с детей, села на стул, взяла на руки полуторагодовалую дочь Аню. Сыновья встали рядышком и молча обняли маму. Слез ни у кого не было, все слезы остались там, в правлении, когда прощались с папой. Просто все озябли и устали. А на маму навалилась вдруг такая безнадежность и одиночество, что она не могла найти ни одного подходящего слова. Малышка Аня, согревшись в маминых теплых руках, быстро заснула, мальчики просто молчали.

Дело в том, что все последние годы, которые прошли в Островной, мама постоянно занималась домом, хозяйством, мужем и маленькими детьми. Основным добытчиком был Василий Павлович, это он все приносил и привозил в дом. И теперь в один день все это рухнуло. Сложилось так, что никаких денежных накоплений у них не было, прощаясь, муж передал ей всего несколько денежных купюр, которые оказались в его кармане. Что делать завтра, как и на что жить дальше, она пока просто не представляла.

Всех из забытья и какого-то оцепенения вывел непосредственный и непоседливый четырехлетний Вовка, который неожиданно спросил: «Мам, а когда есть будем?». Часы показывали обеденное время, мама ожила, поднялась со стула, осторожно уложила спящую Анечку в кроватку и пошла доставать из печи еще горячий обед.

На следующий день забежал ненадолго проверить, как у нас дела, Трофим Андронов, с «парнями» поздоровался за руку, маму обнял. Всех попытался успокоить, что война эта ненадолго, Финляндия-страна небольшая, мы, конечно, ее победим, и наши папы возвратятся домой. Маму заверил, что колхоз ни в коем случае семью нашу без помощи не оставит,

и мы всегда можем рассчитывать на него лично как на друга семьи. Но дружба дружбой, а председательские обязанности ему никто не отменял и он с головой окунулся в них, как, впрочем, у него это было всегда. Деньги у мамы закончились очень быстро, она успела сделать небольшой запас соли и сахара, в магазин ходить перестала, а просить денег у Трофима смелости не хватило. Да и вряд ли он смог бы чем-то помочь. Она точно знала от мужа, что работа и заработки колхозников учитываются в форме трудодней в зависимости от квалификации и времени работы колхозника, а вознаграждение за труд выдается частично деньгами, а в основном зерном – пшеница, рожь, горох и овес, собранными в конце лета. И расчеты эти производились достаточно редко, после окончания уборки хлебов, к Новому году, к 7 Ноября – День рождения Советской власти, а еще иногда после удачной реализации колхозной продукции. В остальное время ни зарплат, ни авансов не практиковалось и рядовые колхозники постоянно ощущали дефицит денежных средств, почему и держали в каждом дворе своих коров, овец, свиней, курочек и другую живность.

У мамы была хорошая черта – никогда не пасовать перед трудностями, этому она научилась еще до замужества, от своего отца, большого труженика и оптимиста. В семейной, не просто складывавшейся жизни, все это ей очень пригодилось. Как только закончились папины деньги, она спокойно, без суеты переключилась на собственные ресурсы: хлеб, картошку, соленья, варенья. А еще с нетерпением ждали, когда отелится наша буренушка и у нас появится собственное молочко. Пока же для малышей мама брала молоко в долг у соседей. Хлеб стала печь из своей муки, а как только ее запасы закончились, притащила от соседей жернова – домашнюю мельницу и стала из пшеницы молоть самодельную муку. Крутить эту мельницу действительно надо было долго и монотонно, чтобы получилась хорошая мука, поэтому мама приобщила к этой работе старшего сына – шестилетнего Николая. Володя тоже пробовал покрутить, но сил не хватило. А я старался, до пота, до мозолей на ладонях, потому что видел – мама одна работает от зари до зари, очень устает и, конечно же, ей очень нужна хоть какая-то помощь.

Ну, а как там наши защитники? В Солдатке им объявили, что надо подождать призывников из других деревень. Дождались.

Потом организовали общий обоз и, опять же на санях, направились в райцентр, в город Тюкалинск. Это – 55 километров, на лошадках, да по зимней заснеженной дороге, не близко. Тюкалинский райвоенкомат на решение своих вопросов взял еще пару дней и затем партиями, по несколько саней, всех призывников стали отправлять до железнодорожной станции Называевская, а это еще 75 километров. В пункты сбора в райцентр Называевская собирались призывники со всех прилегающих районов, чтобы по мере накопления сформировать железнодорожный воинский эшелон. На это ушло еще несколько дней. А затем всех направили в областной центр. Там, в пригороде Омска были подготовлены казармы для проживания, плацы для строевой подготовки и стрельбища, для того, чтобы будущие бойцы Красной Армии могли пройти хотя бы краткую строевую и боевую подготовку, чтобы научится стрелять из оружия, с которым придется сражаться за Отечество. Но предварительно всех надо было еще пропустить через бани и переодеть в военную форму. Только после Нового 1940 года воинский эшелон из Омска добрался до Москвы, где началось формирование призывников по командам и подготовка их к отправке на фронт. Но до действующей линии фронта они так и не добрались.

12 марта 1940 года был подписан Московский мирный договор между СССР и Финляндией. Относительной победой Советского Союза можно было считать то, что часть приграничных земель Финляндии по договору отошли к СССР и государственная граница страны была отодвинута от черты города Ленинграда на более приемлемое для Министерства обороны расстояние.

А в Островной с нетерпением ждали любой весточки оставшиеся без отцов семьи, мамы ходили на почту, навещали друг друга. Первые небольшие записочки пришли из Омска и в них – пока было все в порядке. Но тревога нарастала, все понимали, что дальше Москва, а там сразу на фронт. Однако из Москвы наши призывники написали, что пока идет процесс формирования и подготовки команд и они все еще в столице.

И вдруг 13 марта 1940 года по радио прозвучало очень неожиданное для Островной, да и для многих других сел и деревень, сообщение – война с Финляндией окончена, мы победили. Радио у нас работало тогда только в правлении колхоза, но радостная весточка быстро разнеслась по всей деревне

и, в первую очередь, пришла в дом каждого призывника, об этом позаботился председатель Андронов. Были слезы радости, но оставались тревожные вопросы: где наши остронинские защитники, добрались ли они до фронта, все ли живы, а если живы, то когда их отпустят домой. Ответа на эти вопросы пока не мог дать никто, даже Трофим Андронов, хотя некоторые жены с безнадежными вздохами пытались обращаться к нему. Тревожное ожидание продолжалось почти месяц, пока, наконец, из райвоенкомата поступило сообщение о демобилизации наших воинов.

Где-то в конце апреля долгожданные защитники в новеньких гимнастерках и начищенных сапогах появились в родной деревне, встречать их вышли всем колхозом. Приветственную речь председателя перед ровненьким строем военных выслушали с нетерпением и слезами на глазах, а потом этот строй был мгновенно смят толпой ликующих жен и детей, бросившихся обнимать своих драгоценных мужей и отцов.

Бурные застолья и празднование длились не долго, почти за полугодичное отсутствие мужчин в собственных подворьях, да и в колхозе на их рабочих участках накопились вопросы, требовавшие их внимания и приложения крепких мужских рук. Поэтому все демобилизованные дружно и с хорошим аппетитом принялись за работу. А Василия Павловича председатель колхоза взволновал неожиданной новостью, в селе Солдатском только что образовали новый район и его кандидатуру предлагают в районный исполнительный комитет на должность экономиста. Он поначалу как-то даже не обращался, да – выдвижение, да – престижно, но опять переезд, и не одному, а с большой малолетней командой. Здесь придется оставлять обжитой дом, налаженное производство и хороших друзей, там надо будет начинать все сначала. Но приказ есть приказ, и уже через день он был в Солдатке. Собеседование прошло довольно оперативно и успешно, стороны нашли полное взаимопонимание по условиям работы, зарплате и обеспечению жильем. О большом добротном доме отца – Павла Абрамовича, фактически отобранном у семьи и переданном при его раскулачивании в 1933 году в солдатский колхоз, речи не шло. Сроки определили предельно сжатые – в течение недели сдать дела в колхозе и приступить к новой работе здесь. Председатель Андронов об этом будет предупрежден,

он во всем окажет полное содействие и поможет организовать переезд семьи и перевоз всего хозяйства.

Так все и произошло: новый домик, куда въехала семья, был не очень большой – кухня и просторная комната, но что оказалось очень удачным – надворные постройки как по заказу, и для коровы, и для овец, и для всей остальной живности. А еще – хороший огород, не меньше двадцати соток. Маму все это очень устраивало и она со своей неиссякаемой энергией принялась везде наводить порядок. Поскольку переехали в мае, мама успела все посадить и посеять в огороде, они с отцом рассчитывали по осени собрать хороший урожай и обеспечить безбедную зимовку. Заводить новых друзей не пришлось, просто надо было восстановить старые, в первую очередь, родственные связи. Написали о возвращении в Солдатку отцу и дедушке Павлу Абрамовичу в село Кондинское Ханты-Мансийского округа. Он ответил, что рад за нас, что прошло уже семь лет его пребывания на чужбине и что он сам очень хотел бы побывать на родине в Солдатке. Но даже во время коротенького отпуска не имеет права выезжать за пределы отведенного ему места жительства, таковы строгие правила для ссыльных. О себе, как всегда, очень кратко – живет по-прежнему один, уже привык и в свой дом никого не приведет, все идет по какому-то однообразному кругу: дом – работа – дом. Оптимизма, как видите, никакого, и перспективы тоже никакой, никто не говорит о возможном пересмотре дела или о сроке окончания ссылки. Такое впечатление, что однажды сослали и все забыли. Причем, эти ссыльные никакого преступления ни против государства, ни против личности не совершили, просто работали лучше и больше других, а, значит, и жили лучше. А их признали кулаками и выслали. Вот такие грустные мысли и дела были у нашего дедушки.

Вернемся к нам. У папы на новом месте очень много работы, в том числе с командировками в другие села, идет организационный период и создание новых структур на всей территории района. У мамы дома фронт работ поменьше, но забот хватает на каждый день. Лето как-то пролетело быстро, я как старший, во всем, где мог, помогал маме. Малышня, так мы называли меньшего братика и сестренку, крутились возле нас, поскольку никаких яслей и детсадов в райцентре пока не было. Год действительно выдался урожайным на все,

мама насолила, замариновала и наварила разных компотов и варенья на всю семью и точно до следующего урожая. На Новый 1941 год нам было что поставить на праздничный стол. Встретили мы его в семейном кругу, дружно и хорошо и уже наметили планы на будущее. Я в сентябре 1941-го должен был пойти в первый класс, и вскоре после Нового года Солдатская средняя школа составила такие списки. Папа и до этого момента иногда пытался меня понемногу приобщать к грамоте, но теперь заявил, что надо заниматься регулярно, чтобы к началу учебы знать азбуку и счет и научиться читать. По характеру и поведению он во многом был похож на своего отца Павла Абрамовича, слов на ветер не бросал, от принятых решений никогда не отказывался, однозначно был уверен, что грамотный человек в жизни всегда найдет себе дорогу. На слабое возражение мамы – а что он будет делать в школе, если ты его сейчас научишь читать и писать, папа спокойно заявил: «Я хочу, чтобы он был в классе первым». Это пожелание папы я потом выполнил и школу окончил с медалью. А пока, где-то к началу лета я уже понемногу писал, хорошо считал, довольно уверенно читал.

Но именно этим летом, 22 июня 1941 года весь мир для нашей семьи, для села, для всей страны сразу вдруг перевернулся, фашистская Германия, о которой в последнее время много говорили, вероломно, без объявления войны напала на Советский Союз. Было воскресенье, мама готовила к обеду праздничный пирог, папа возился с детьми. Неожиданно появился посыльный из райисплокома и сказал, что всех мужчин срочно собирают в райком партии. Вернулся он нескоро, а пока отсутствовал, «сарафанное радио» разнесло по селу тревожную весть – началась война. Возвратившийся папа грозную новость подтвердил, мама, конечно, сразу в слезы. Отец, как мог, ее успокоил, сказал: «Давай, мать, корми народ пирогами, а потом начнем собираться. Отправка завтра».

Папа в тот день больше никуда не отлучался и все время провел с нами. Мне показалось, что он был особенно ласковым и внимательным ко мне, а о каких-то моментах говорил, как со взрослым. Позднее, когда он погиб, я десятки раз прокручивал по деталям этот разговор, тогда я просто был счастлив и даже ни единым словом, ни одной самой неосторожной мыслью не мог предположить, что это наш последний разговор.

Теперь по прошествии очень многих лет, я думаю, что в отличие от меня у папы могли быть тревожные мысли, ведь он уже побывал на финской войне и как грамотный руководящий работник представлял, что такое Гитлер и Германия.

День проводов на завтра для всех получился очень трудным. Проводить уезжавших на фронт пришли все: отцы и матери, жены, братья, сестры и многочисленное детское племя. В нашей семье, например, рядом с мамой выстроилось трое, а было и по четверо, пятеро и даже шестеро детей. Большая площадь у райкома партии с трудом вмещала всех пришедших. Около десятка грузовых машин, оборудованных скамейками для перевозки людей, разместили в центре. На одной из них соорудили импровизированную трибуну. Мужчины-воины стояли в строю перед машинами.

Речи у всех выступавших руководителей района были, как правило, короткими и заканчивались примерно одинаково: «Враг будет разбит! Победа будет за нами!». Но стоявшие в толпе старики, видимо с высоты своего житейского опыта, были настроены менее воинственно и шепотом говорили друг другу, что проводы эти, скорее прощальные. Да и чуткие женские сердца почему-то подсказывали женщинам, что видят они своих дорогих мужчин, своих любимых мужей в последний раз. А когда секретарь райкома объявил 15 минут на прощание с родственниками и потом погрузку в машины, на площади началось что-то невообразимое и неуправляемое. Женщины бросались на шеи мужчин и кричали, дети цеплялись за юбки матерей и плакали, мужчины, как могли, пытались успокоить тех и других. Крики, плачь и громкие разговоры слились в какой-то тревожный, грозный гул. Я запомнил, как папа сказал маме: «Женечка, береги детей и обязательно их учи, потому что неграмотный человек ничего не стоит». А потом своими сильными рутищами взял меня за худенькие плечи и очень серьезно произнес: «Николай, ты остаешься в семье за старшего мужчину, помогай маме во всем».

Машины с уезжавшими на фронт медленно, одна за другой покинули площадь и скрылись за поворотом, а толпа еще долго не расходилась, люди негромко разговаривали друг с другом и не спешали по домам, как будто боясь остаться один на один с обрушившейся на них бедой и с этой окаянной войной. Первое время люди сидели по домам, общались, в основном,

с соседями, говорили негромко, как будто в доме покойник. Потянулись долгие дни ожиданий и робких надежд, что наши папы обязательно победят этих злых врагов и вернутся домой.

Проводного радио в домах тогда не было, немногочисленные радиоприемники всех диапазонов приказали сдать, единственным источником новостей стала черная радиотарелка на столбе около райкома партии. Наша школа располагалась рядом и во время больших перемен старшеклассники, да и кто поменьше вместе с учителями выходили на крыльце, чтобы послушать радио. А новости были неутешительные – наши войска ведут тяжелые оборонительные бои на энском направлении, или – после тяжелых и продолжительных боев, понеся значительные потери, наши части отступили и оставили населенные пункты – шло перечисление наименований крупных сел, а иногда и городов.

И вдруг в эти монотонные сводки ворвалась песня. Исполнял ее хор ансамбля «Песни и пляски Красной Армии». Песня звучало мужественно, как набат, как гимн, как призыв ко всей стране, ко всему народу подняться, сплотиться и победить в этой священной войне. Передавали песню по радио в первое время, практически, ежедневно, иногда не по одному разу. И многие быстро запомнили слова этой песни и гордо подпевали армейскому хору.

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой,
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.*

*Не смеют крылья черные
Над Родиной летать.
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать.*

*Пусть ярость благородная
Вскрывает, как волна.
Идет война народная,
Священная война.*

Люди, стоявшие у радиоприемника, верили, что народ, который слагает и поет такие песни в минуты смертельной опасности для Отечества, выстоит и непременно победит. Поэт

Вадим Шефнер в своем стихотворении о силе слова тогда написал: «Слово может убить, слово может спасти, слово может полки за собой повести». Эта песня поднимала и вела в бой и полки, и дивизии, ее с одинаковым воодушевлением пели на фронте и в тылу, верили, надеялись, знали – Победа будет за нами.

Время тянулось как-то очень медленно, все в томлении ждали весточки от своих защитников. И вот наш сельский почтальон – молодая, бойкая Наташа стала приносить такие дорогие, такие долгожданные первые треугольнички – письма с фронта. Писались и отправлялись они без конвертов ввиду большого дефицита, а зачастую полного отсутствия последних во фронтовых условиях. Просто лист или два листа письма с одной чистой страницей складывались хитрым способом в легко открываемый треугольник, указывался домашний адрес получателя и обратный – полевая почта, номер, как правило, пятизначный, и все. Ну и военной цензуре не надо было отпаривать над чайником конвертный клей, треугольник легко вскрывался, бегло просматривался на наличие военных тайн, быстро приводился, как шутили цензоры, в первобытное состояние и отправлялся адресату.

Больше всего в селе наделали шуму первые треугольники. Получившая такое желанное письмо семья, конечно же, делилась своей радостью с соседями. Вечером, после работы, к ним приходила соседка и просила счастливую обладательницу треугольника: «Почитай». Иногда, поначалу, та отвечала: «Но – это же мне». Соседка законно спрашивала: «А мой, что на другой войне воюет или другую землю защищает?». После такого вопроса они вместе дружно читали письмо, долго обсуждали его, справедливо подвергая сомнению последнюю фразу автора: «У меня все хорошо. Обнимаю. Целую». Сомневались не в объятиях и поцелуях, а в том, что все хорошо. Чего уж там хорошего на фронте? Когда покормят, а когда и нет, а еще – круглые сутки в окопах, и под дождем, и под снегом. И пуля – дура или осколок какой в любой момент прилететь могут. Перед уходом соседка иногда просила: «Давай, почитаем еще разок?». И они снова вслушивались, читали же обязательно вслух, в каждое слово с того далекого фронта и чувствовали, что хоть немного, хоть несколько минут побывали рядом с автором, защитником, таким родным человеком.

Дождались своего треугольника и мы. Папа красивым и четким почерком, по-мужски сдержанно описывал, что до фронта пока не доехал, завернули на курсы младших командиров. Где курсы, сообщить не может, отцы-командиры не советовали, но от линии боев далековато, даже орудийной стрельбы не слышно. Питание и условия хорошие, учебы много, и в классах, и на полигоне, когда на фронт, точно неизвестно, иногда и раньше срока отправляют. Конечно же, скучает по своей красавице Женечке и по детям. Всех обнимает и целует. Надеется на встречу, но вряд ли на скорую.

В очередном письме папа отчитался, что курсы успешно закончил, получил первое офицерское звание и направление на фронт. А куда – опять промолчал, видимо, опасаясь возможных придирок цензоров. Следующее письмо пришло с фронта и уже с задержкой. Папа заранее извинялся и предупреждал, что письма теперь будут ходить пореже и от него к нам, и от нас к нему. Таковы непростые фронтовые условия. Он не жаловался на трудности и неудобства, просто констатировал, что теперь будет так, и о войне писал очень скрупульно: да, идут бои, все значительно сложнее, чем представлялось во время учебы на курсах. Как он заметил, многому приходится доучиваться в окопах.

Первая военное лето довольно быстро закончилось. Без лучших и надежных работников-мужчин было трудно, и в колхозе, и в личных подсобных хозяйствах. Но женщины, старики, дети понимали, что на фронте труднее и как-то сумели собрать неплохой урожай. В селе и, думаю, в городе действовал один лозунг: «Все для фронта, все для победы!». Это означало, что большая часть всего полученного колхозом пошла государству. Но оно – государство ввело еще имущественный налог на личные подворья, и каждая семья должна была сдавать за корову, свинью и овец – мясо, молоко и овечью шерсть, за кур, если есть, яйца. Причем исполнение этого закона четко контролировалось и за несвоевременную сдачу продуктов или уклонение от сдачи предусматривалась строгая ответственность, вплоть до уголовной. Правда, в нашем селе я о таких фактах не слышал, ведь практически каждая семья отправила на фронт отца или сына, и потому люди собирали последние крохи, но с государством рассчитывались обычно вовремя.

Зима в этот год пришла чуть раньше обычного и была довольно морозной. Не знаю, по этой причине или по какой-то

другой, во всем селе развернулось массовое движение по изготавления кисетов, заготовке домашнего табака-самосада, вязанию теплых шерстяных носков и варежек. Причем на кисет наносилась красивая вышивка, как правило, имя будущего владельца. Он туда набивался мелко нарезанным табачком и вместе с носками и варежками небольшой посыпочкой отправлялся на фронт. И в этом вопросе никого контролировать или подгонять было не надо, здесь фронт и тыл были рядом, в едином строю. Понятно, что каждая семья адресовала посылку своему защитнику, но если вдруг посылок делали две или своего адресата не было, поступали по совету почты – просто писали: «На фронт, защитнику Отечества». И все, как правило, всем доходило, о чем счастливые получатели писали в своих фронтовых треугольниках. Перезимовали как-то более или менее спокойно, по радио несколько раз передавали, что под Москвой наши доблестные воины организовали первое с начала войны наступление и сумели отодвинуть фашистских захватчиков от нашей столицы на довольно большое расстояние. На других фронтах обстановка почти везде стабилизировалась и наступление врага удалось остановить.

С наступлением весны поток треугольников с фронта стал больше, но появились и первые похоронки. Почтальон разносил почту вечером, когда все возвращались с работы, и теперь некоторые хозяйки уже с тревогой следили через занавески на окнах, к какому дому повернет Наташа и, самое главное, с каким настроением она заходит во двор.

Похоронки приходили на какой-то серой бумаге, размером в половину листа А4, в левом верхнем углу стоял штамп Омского областного военного комисариата. Текст небольшой, сухой, официальный. Военкомат уведомлял гражданку такую-то о том, что ее муж (сын) – указывались полностью фамилия, имя и отчество, пал смертью храбрых – дата и место гибели. Обязательно присутствовали слова «В боях за честь, свободу и независимость нашей Родины» и, разумеется, соболезнования от облвоенкома. Оглушенные, раздавленные горем родственники чаще всего сами не могли прочитать похоронку, и эту горькую миссию приходилось выполнять почтальону.

Летом 1942 года после существенной от привычного графика задержки, мы получили от папы очень тревожное для нас письмо. Он как-то немногословно и скрупульзно сообщал,

что идут трудные бои и что в одном из них и ему немного досталось – получил ранение. Тут же успокаивал, что это совсем не опасно, он уже в госпитале и надеется недельки через три-четыре вернуться в строй. Новый свой адрес указал, но просил на него не писать, так как письмо может не застать его в госпитале. И на старый адрес писать тоже не советовал, потому что нет стопроцентной гарантии, что он возвратится именно в ту же часть. Все эти сложности с адресами еще больше расстроили и без того очень огорченную ранением отца маму. Но ничего не поделаешь, война, остается только ждать.

После продолжительного перерыва, из чего мама сделала вывод, что ранение было не такое уж простое, как уверял отец, переписка возобновилась, но шла с какими-то еще большими паузами. Папа по-прежнему успокаивал нас, что у него все в порядке, даже как-то обмолвился, что война – это тоже работа, только опасностей больше, но он старается делать эту работу хорошо. Сообщил, что их воинская часть получила звание гвардейской и теперь на его гимнастерке к двум боевым наградам добавился гвардейский знак. И даже прислал фотографию, это была вторая, первую он присыпал еще со своих командирских курсов.

А в Солдатке второй военный – 1942 год отметился своими, и не очень добрыми событиями. В конце лета в селе появился дезертир. Назовем его другим именем, например, Абрам Андреев, самого его давно нет в живых, но остались трое детей и много теперь уже взрослых внуков. Они, разумеется, не любят вспоминать эту историю и мне не хочется, чтобы кто-то другой вдруг прочитал и напомнил им об этом. Призывался он со всеми вместе летом 1941-го, военная судьба сложилась крайне неудачно: трудное отступление, ранение и госпиталь, снова фронт и опять отступление, но уже с окружением. Удалось от немцев бежать, скрывался на оккупированной территории. А когда по пути на восток добрался до своей линии фронта, примкнуть к какой-либо нашей воинской части и, как он выразился, снова жить в окопах не захотел. Оборванный, заросший и голодный добрался до Солдатки и однажды ночью постучался в окно родного дома. До утра просидели с женой за столом, а на день она его спрятала в подполье. Вот так началась трудная и гадкая жизнь дезертира, днем с мышами в подполье, ночью с собакой во дворе. В летнее время стал

скрытно пробираться в лес, заготавливал на зиму дрова, ко- сил на опушках сено, ловил в озере рыбу. Но как только начи- нались холода и непогода, снова приходилось перемещаться в подполье. Как он ни прятался, но где соседи, где рыбаки и охотники выследили его. Общаться и разговаривать с ним никто не хотел, его просто тихо ненавидели все, сначала взрос- лые, а потом и мы – дети. Дотянул кое-как до дня Победы, но возвратившиеся, в основном раненые фронтовики, не раз под пьяную руку хотели прикончить его. Прожил он недолго, от такого трудного и невыносимого образа жизни часто болел, ослаб, осенью поехал на рыбалку, вывалился из лодки, запу- тался в сетях и утонул на мелководье в озерной грязной воде.

Осенью того же 1942 года в нашей семье возник один во- прос, который мы не сумели нормально разрешить. Без папы, а его с нами не было уже больше года, мы как-то научились решать многие задачки, но на этот раз не получилось. Во всех сельских семьях младшие дети донашивали рубашки, куртки и пальто своих старших сестер и братьев. Наш Володя был меньше меня на два года, и все, что еще было пригодно для носки, доставалось ему. Но он рос довольно быстро и был чуть покрупнее меня, поэтому не все мои вещи годились для него. Без папы никаких обновок мама, разумеется, не могла нам приобрести, так как элементарно не было денег на одежду, маминой зарплаты уборщицы едва-едва хватало, чтобы хоть как-то прокормить троих детей.

Неумолимо приближалось первое сентября, Володя дол-жен был пойти в первый класс, а мама ломала голову над тем, как купить ему школьные принадлежности и во что одеть. Постирала и отгладила ту, что поцелее, рубашку, заштопала куртку, из какой-то мешковины сшила сумку для тетрадей и учебников. И наш гордый и счастливый Вовочка отправился в первый класс. Ненасытная любознательность и охотничий азарт в поисках всего нового, а он уже был неплохим рыбаком и охотником, небольшие домашние тренировки со мной по азбуке и арифметике скоро вывели его в число первых учеников класса. Но закончился теплый сентябрь, приближались осенние холода, и ходить в школу в курточке ему стало явно не по сезону. А довоенное пальтишко, которое он донашивал после меня, было узким и с короткими рукавами, и он никак не мог влезть в него.

Меня, второклассника, выручили две овчины от забитых осенью овец, из которых мама смастерила самодельный, грубый, но очень теплый полушибок, его хватило бы на двоих. Но дело в том, что мы учились с братиком в одну смену, а дома я постоянно ходил в нем на улице, управляемый с дровами и всей скотиной, которую мы держали. Словом, мама не смогла найти никакого выхода, и Володя остался сидеть дома, но постоянно общался со мной и пытался как-то учить азбуку и арифметику. Разумеется, это не могло пойти ни в какой зачет в школе, и осенью следующего года ему пришлось начинать все с первого класса. Но жизнь все-таки зачала ему все его старания, азарт и стремление к знаниям. Он хорошо окончил школу, потом институт, а затем увлекся стихами и прозой, стал писать и издавать книги, их на сегодня на его счету больше трех десятков.

Постоянной и трудно разрешаемой проблемой в осенне-зимний период было для села и для нашей семьи тоже отсутствие электрического освещения. В это время день становился постепенно все короче, темнело рано, в шесть часов вечера еще можно было что-то делать во дворе по хозяйству, но в доме читать и писать было уже невозможно. Из школы после мытья полов всех помещений мы с мамой возвращались под вечер, она принималась топить домашние печи, их у нас было две, по числу комнат, и готовить ужин. Я шел таскать воду, чтобы напоить весь наш скот, дать им сено, сделать за ними уборку навоза. Ужинали поздно, и только после этого я садился делать школьные домашние задания. Все это происходило при свете небольшой керосиновой лампы. Керосин привозили из Омска, обычно один раз в месяц, раздавали строго по спискам и в ограниченных объемах. Как правило, на весь месяц его не хватало, и люди мастерили самодельные светильники с топленым жиром и фитильком. Света от них было совсем мало, чтобы что-то писать или читать, надо было очень близко придвигать к ним тетрадь или книгу.

Жил я в тот период школьной учебы по строгому распорядку. Ранний подъем в пять-шесть часов вместе с мамой, она сразу уходила в школу, я командовал дома. Надо было истопить печь, успеть притащить воды домой и напоить скот, дать им на весь день корм. Потом трусцой в школу, чтобы не опоздать на уроки. До обеда занятия, обед с мамой бутербродами с чаем в школе, мытье полов в классах, возвращение к вечеру

домой. И когда после такого насыщенного дня и ужина я садился за уроки, сил и энергии не оставалось почти никаких. А хотелось после выполнения школьных заданий еще что-нибудь почитать. И вот тут сон окончательно одолевал меня, я опускал голову на руки, лежавшие на столе, и моментально засыпал. Просыпался оттого, что занемели руки или устала от неудобной позы шея, и продолжал занятия.

Однажды во время такого короткого сна моя голова придвигнулась так близко к светильнику, что у меня загорелись волосы. От сильной боли я громко закричал и, еще не совсем проснувшись, вскочил со стула с дымящейся головой. Мама подбежала ко мне и прямо голыми ладонями потушила горящие волосы, а потом облила водой. Сгорела одна бровь и все, что росло спереди на голове. Удалив обгоревшие остатки волос, мама обильно смазала поврежденные участки каким-то жиром и обмотала полотенцем, никакой марли в доме, разумеется, не было. Утром и в следующие несколько дней шапку я надеть не мог, поэтому повязал на голову мамин платок и отправился к своим овчкам и корове. Да, было больно, но делать это было просто некому, а уход был нужен обязательно. Занятия в школе, конечно, пропустил.

1942–1943 учебный год пролетел довольно быстро, и снова перед мамой замаячило первое сентября и проводы Володи в первый класс. На этот раз мама уже все рассчитала: зарезали двух овец, выделали с помощью соседа шкуры, и к зимним холодам Вова получил свой полуушубок. Пуговицы к нему переставили со старого пальтишка брата.

Ну, а теперь снова к вестям с фронта. Весной 1943 года переписка а папой как-то притормозилась, письма от него долго не было. Мама с тревогой следила за вечерними обходами почтальона, но он к нам не заходил. А в один из дней в конце мая Наташа, не спеша и как-то нехотя, свернула к нашему дому. Встревоженная мама встретила ее у порога. Наташа, медленно подбирая подходящие слова, негромко объявила: «Тетя Женя, Вам похоронка». Достала листок и начала читать. Мама после слов «погиб 5 мая 1943 года под Псковом» уже не могла стоять, она медленно опустилась на стул и закричала так громко, что мы все на минуту опешили. Наши меньшие уткнулись маме в колени и ревели во весь голос. Не знаю почему, но у меня

со слезами как будто заклинило, я окаменел, встал позади стула и держал маму за плечи, боясь, чтобы она не свалилась на пол. Трудно сказать, сколько это продолжалось. Наташа ушла, осторожно прикрыв дверь. Мама постепенно успокоилась, видимо выплакав весь запас своих горьких слез, повернулась ко мне и негромко попросила: «Сынок, принеси холодной ходы». Я быстро сбежал к колодцу, принес полное ведро ледяной воды. И почувствовал себя как-то увереннее, просто мне надо было двигаться, что-то делать. Подал маме большую кружку. Она немного попила, одной рукой обмыла себе лицо, потом умыла младших и усадила всех за стол, сказала каким-то грустным глухим голосом: «Все, папки больше нет. Николай, тебе уже десять лет, будешь старшим, за тобой дрова, сено, уход за скотом, ремонт, остальные помогают тебе».

Я понимал, что маме рассчитывать больше не на кого, надежда только на меня. Но я знал, что это будет очень не просто, потому что за два прошедших военных года мне уже пришлось многое попробовать, особенно на заготовке сена и дров, и моих еще слабых детских силёнок не всегда хватало.

Ужинали молча, после ужина я сказал маме, что схожу в соседний лесок, это прямо за нашим огородом, и принесу для печки сухого хвороста. На самом деле во мне за этот вечер накопилось столько горя и слез, что мне было просто необходимо оставаться одному и выплакаться. И я бегом добежал до леса, обнял первое попавшееся дерево и дал волю слезам. Плакал горько, громко и безутешно, пока не устал. Потом набрал немного хвороста и вернулся домой. Но маму провести не получилось, она подошла, ласково обняла меня и тихо сказала: «Молодец, сынок, поплакал и легче будет».

Примерно через пару месяцев после полученной в конце мая 1943 года похоронки на отца мама как-то вечером достала из сундука его вещи и позвала меня. Тяжело вздыхая, разложила все на столе, расправила и долго разглаживала ладонями папины рубашки, поплакала немного и как-то обреченно заявила: «Чего уж теперь ждать, не вернется мой Васенька, давай, сынок, будем что-то со всем этим делать». Посоветовались и решили, что рубашки перешьем мне и Володе, брюки переделаем тоже для меня, а вот дорогой выходной костюм отца пока отложили.

Пригодился этот костюм где-то после Нового года. Скудные запасы зерна, приобретенные от летнего урожая, закончились, корова еще не доилась, и мы остались в основном на одной картошке. Двоюродная сестра мамы, тетя Прасковья, в соседнем селе договорилась с одним сельчанином обменять новый костюм отца на мешок гороха. Для нас это был отличный вариант – гороховый суп и гороховая каша месяца на два вперед, разумеется, вперемежку с картошкой. Мама без колебаний согласилась, аккуратно завернула костюм в чистую мешковину, взяла санки и в воскресенье отправилась за горохом. Шагать надо было около десяти километров, твердой, накатанной дороги не существовало, был лишь небольшой санный след. Мама рассчитывала часа за три добраться туда, час на покупку и отдых, часа четыре обратно. «К вечеру буду дома!» – подытожила она.

Сначала все шло по плану, к обеду была на месте, хозяину костюм понравился и подошел по размеру, по случаю удачной сделки устроили хороший обед и даже выпили по рюмочке самогона. Пока обедали, пошел довольно густой снег и поднялся ветер. Хозяин предложил маме остаться до утра, когда все уляжется. Но мама не согласилась – дети будут ждать, и утром надо быть на работе.

Первые километры преодолела более-менее уверенно, хотя санки с мешком гороха тащить по заснеженной дороге было тяжеловато. Снег и ветер постепенно усиливались, санный след практически замело, видимость ухудшилась. Мама стала периодически сбиваться со следа, оступалась, и ноги сразу проваливались в снег по колено. Вылезала снова на дорогу, на несколько минут присаживалась на санки, чтобы перевести дух, и снова упорно пробиралась вперед. В небольшой низине, недалеко от опушки леса, снега намело столько, что санный след отыскать было практически невозможно. Решила идти по направлению, чтобы ветер, как и вначале пути, дул все время справа. Вечерело, стало темней и холодней, а сил становилось все меньше. Мама поставила на какой-то бугорок санки с мешком, выкопала в снегу ямку и присела, чтобы укрыться от ветра и немного отдохнуть. Стало уютнее. Она хорошо знала, что в этой ситуации ни в коем случае нельзя засыпать, не заметишь, как окоченеешь. И она просила Господа Бога: только бы не заснуть. Ей показалось, что стало тепло,

и какая-то усталость навалилась на плечи, придавила к земле. Она закрыла глаза и провалилась в сон. И это был бы долгий, незаметный сон, когда тело постепенно остывает и останавливается дыхание.

Но не зря же она молилась Богу, не зря мы все трое сидели у окна и напряженно вглядывались в снежную круговерть, просили нашу единственную кормилицу, нашу дорогую и любимую маму побыстрее возвращаться. Господь Бог распорядился так, что часа через два после мамы из этого же села, в том же направлении на Солдатку выехал на лошадке наш колхозный конюх дядя Гриша. Он жил на другом краю Солдатки и, конечно же, не знал о мамином походе за горохом. Старый сибиряк давно усвоил, что в такую ненастную погоду, когда местами заметает путь, коня не надо подстегивать и торопить, следует отпустить вожжи и опытный конь сам найдет обратную дорогу. Так и вышло, лошадка, не спеша, но довольно уверенно шагала по санному следу, кучер дремал, завернувшись в огромный тулуп, а неугомонный пес Шарик бежал то впереди, то сзади саней. Неожиданно он метнулся в сторону и громко залаял. Хозяин очнулся, позвал пса к себе, но тот упорно не возвращался и продолжал лаять. Встревоженный дядя Гриша остановил коня, пошел в сторону собаки, обнаружил санки с мешком, а за ними в снегу полуживую женщину. Лицо ее было закрыто платком, стало довольно темно, и он не разглядел, что это мама Женя. Она не отвечала на вопросы и не могла сама передвигаться. Он дотащил ее до саней, укутал в тулуп, вернулся, забрал санки с мешком, погрузил все в свои сани и тронулся в путь. Григорий сразу определил, что человек переохладился, значит, его надо потеплее укутать и ждать, пока он отогреется и придет в себя.

Часа через два или побольше вдали, через пелену снега, показались тусклые огоньки родного села. Гриша мысленно похвалил свою верную лошадку, развернул тулуп, сдвинул платок с лица женщины и попытался привести ее в чувство, похлопывая ладонями по щекам. Она очнулась, открыла глаза и медленно заговорила. И тут Григорий узнал в ней Зензину Евгению. Назвав себя, он коротко рассказал, как он ее нашел. Вот тут, наверное, до мамы дошел весь ужас беды, в которую она попала и что было бы с ней, если бы не Гришин пес. От нахлынувших чувств она уткнулась лицом в грудь Григория

и громко разрыдалась. Он, как мог, успокоил ее, сказал, что обязательно довезет до дома, иначе сама она, после такой встряски, не сможет дойти. Остановив лошадь возле наших ворот, Гриша взял мешок, а мама, держась за его руку, медленно побрела за ним.

Как только она вошла в дом, мы все трое бросились к ней и помогли раздеться. Она устало опустилась на скамью, сказала мне, что в печи должен быть чайник и попросила налить ей кружку горячего чая. Меньшие, проголодавшиеся Володя и Аня уже развязали мешок и принялись жевать сухой холодный горох. Вскоре все наговорились и угомонились, младшие легли спать и быстро заснули. Мама продолжала отрешенно сидеть на лавке. Я подошел, чтобы обнять и пожалеть ее. И тут она негромко сказала: «Сынок, а я ведь чуть не замерзла. Если бы не дядя Гриша, не дождались бы вы меня сегодня. И остались бы три сиротиночки». Крепко обняв меня, как последнюю надежду, она долго и беззвучно, чтобы не разбудить малышей, плакала на моем плече.

Но давайте возвратимся в самый, наверное, трудный для мамы и для всех нас 1941 год. Через пару месяцев после оправки отца на фронт маме, несмотря на большую домашнюю загрузку, чтобы содержать семью, надо было искать работу. Идти в колхоз не имело смысла, там за выполненную работу начисляли трудодни с последующей выдачей зерна или другой компенсацией. С трудоустройством в селе было сложно, но маме повезло, ее с первого сентября 1941 года приняли в школу уборщицей, и мы с ней в один день отправились в школу. Я – в первый класс, она – на работу.

Поскольку читать и писать я уже умел, научил папа, пришлось осваивать труд уборщицы. В обязанности мамы в теплое время года входило вымыть полы в пяти классных комнатах, в учительской, у директора, в библиотеке и в раздевалке. Протереть столы и парты, подмести территорию вокруг школы. Все это я освоил довольно быстро. Убирать с мамой начинали после занятий школьников, часа через три заканчивали и вместе шагали домой. Мама готовила поздний ужин, обычно жарила, пекла или варила картошку. Понятно, что ни электричества, ни газа тогда не было, поэтому летом разжигали металлическую печурку во дворе, в холодное время топили печь в доме. Я за это время должен был накормить весь домашний

скот и птицу и сделать за ними уборку. Младшие пытались помогать, но как говорила мама, больше путались под ногами.

С началом отопительного сезона, это примерно с 15–20 октября, задача у мамы осложнялась. Отопление нашей деревянной школы было печное, и маме рано утром надо было истопить семь печей, чтобы к началу занятий везде было тепло. Поэтому вечером после уборки мы с мамой таскали из-под навеса рядом со зданием школы дрова, аккуратно укладывали их в кирпичные печи, готовили материал для розжига – бересту и лучины, и уходили домой. Назавтра мама вставала около пяти часов утра, при любой погоде быстро бежала – ее выражение – в школу, разжигала все печи и следила, чтобы к 8:00 их можно было закрыть с горячими угольками, дабы тепла всем хватило до вечера.

Мне тоже приходилось вставать в пять, надо было истопить домашнюю печь, приготовить себе и младшим завтрак, дать корм всей домашней живности, в том числе собаке и коту, и успеть в школу. Так случилось, что ни бабушек, ни дедушек с нами не было, маминые родители умерли рано. Отец папы, Зензин Павел Абрамович, в 1933 году был раскулачен, его дом, сельхозинвентарь и скот забрали в колхоз, а его сослали в село Кондинское Ханты-Мансийского округа на лесозаготовки, жена его умерла накануне. Реабилитирован он был посмертно в 1954 году, похоронен в 1953-м в селе Кондинском.

Вот так мы и сражались с мамой вдвоем, дружным tandemом, и в школе, и дома. Подгонять меня в учебе ей не приходилось, единственное, что она однажды сказала по этому поводу: «Ты уж меня не подводи, все-таки я здесь работаю, и на хорошем счету в коллективе». Как-то само собой получилось, что с первого года учебы у меня не было троек, а потом постепенно я избавился от четверок и стал круглым отличником.

На первый взгляд просто, но как же это было трудно на самом деле. Я постоянно не высыпался, иногда клевал носом прямо на уроках, а еще – это ежедневное чувство голода и ожидание – поскорей бы позвали на обед или – когда же, наконец, сварится эта картошка. Работать ведь приходилось много, практически на два фронта – и дома, и в школе, а питание получалось слабеньkim. Хлеб был по «карточкам» и мама строго следила, чтобы поделить его к обеду, ужину и завтраку на четыре небольшие равные части по числу членов семьи.

Основной же, а нередко единственной едой у нас, как и у большинства семей той военной поры, был картофель.

Но к весне картошка, хранившаяся в подполье, как-то довольно быстро заканчивалась, а надо было еще оставить несколько ведер на посадку под новый урожай, и мама переходила на строгий режим экономии. Верхнюю часть картофелины, где уже проклонулись маленькие ростки, она отрезала и оставляла на посадку, остальное бросала в чугунок и варила прямо «в мундире», чтобы не было отходов, если чистить ножом. Голодные дети ели ее тоже прямо в «мундире», иногда слегка поджаривая на огне. А еще – как только весной начинали вскапывать лопатами огород для посадки, все охотились за прошлогодней перемерзшей в земле картошкой. Оттаявшие жидкые картофелины очищали от земли, бросали на сковородку и жарили на хорошем огне, вода выпаривалась, картошка подрумянивалась и мы получали вкуснейший крахмалистый продукт. Но на своем огороде такой картошки было немного, все-таки осенью убирали внимательно, а вот на колхозном поле такие находки встречались почаще и мы почти каждый вечер отправлялись туда. Ведь дома в подполье к этому времени уже ничего, практически, не оставалось. Кроме этого, когда на хлебных полях сходил снег, мы бегали на близлежащие поля, собирали на земле упавшие колоски, а потом варили или поджаривали их дома, лишь бы чем-то заполнить свои пустые желудки. Иногда пытались жевать колоски прямо на поле, отряхнув их от земли. Правда, делать это приходилось скрытно, по какому-то непонятному нам закону сбор колосков приравнивался к краже зерна с колхозного поля, а за это полагалось строгое наказание. С нашими квартирантами Грачевыми, прибывшими в Солдатку с оккупированных немцами территорий, как их прозвала мама «грачами», за зиму мы подружились, старший – Борис учился вместе со мной в школе, ребята постоянно старались держаться поближе к нам, особенно когда возникал вопрос раздобыть что-то поесть. А голодными мы все были постоянно.

Время шло, солнышко пригревало все больше и больше. Вот уже появилось съедобное, очень сочное с плотными листьями растение, которое называлось сурепка, под забором на солнечной стороне пробилась молодая крапива, на грядке взошла и дала первые листья свекла. Все это мы собирали

и тащили домой, а там уже наши мамы по своему усмотрению варили, тушили или жарили, добавляя иногда немного муки и превращая эту весьма витаминную, но не очень вкусную зелень в съедобный продукт.

Больше разнообразить семейное меню удавалось в летнее время. Вырастало уже много чего вкусного на нашем огороде, а главное – мы с братом Владимиром в дни летних каникул регулярно ходили на охоту и рыбалку. В нашей семье еще от дедушки Павла Абрамовича хранилось старенькое одноствольное охотничье ружье. Правда, трудновато было с порохом и дробью, но через дальних родственников и хороших знакомых в областном центре – городе Омске удавалось немного кое-чего раздобыть. А снаряжали патроны мы дома старым дедовским способом.

Поскольку папы у нас уже не было, а мама вечно была занята работой в школе и дома, дети, особенно в летнее время, были практически полностью предоставлены самим себе. С одной стороны, это развивало у нас самостоятельность, но с другой – позволяло иногда совершать не совсем обдуманные поступки. У нас с братом естественным образом сложилось разделение обязанностей, я больше занимался хозяйственными домашними делами, мама всегда спрашивала в основном с меня, он чаще отлучался на охоту и рыбалку. Со временем он стал очень умелым и удачливым добытчиком, хорошо стрелял из ружья и почти никогда не возвращался домой без добычи. Охотником он был страстным, смелым, иногда весьма отчаянным. На охоте, когда мы ходили вдвоем, главным стрелком, конечно же, был он, мне доставалась подсобная роль «подносчика снарядов»: развести, например, костер, что-то сварить, таскать добытую рыбу и дичь. Иногда удавалось и стрельнуть, но редко, из-за большого дефицита патронов. Однажды, когда я на берегу озера на костре готовил уху, Володя метрах в 40–50 от меня под деревом возился с ружьем. Вдруг он сказал, что в последний раз мы, видимо, плохо снарядили патроны, один из них уже около десятка раз дал осечку. Он хочет проверить и если снова не будет выстрела, то выбросит этот патрон. И весело добавил: «Давай поспорим, что и в одиннадцатый раз будет осечка!». Сразу после этого он зарядил ружье злополучным патроном, поднял и направил ствол в мою сторону. Я не успел ничего ответить, но за-

метил, что он взводит курок. Каким-то шестым или седьмым чувством уловил опасность, быстро присел и одновременно отклонился в сторону. Программный выстрел, дробь плотным шаром просвистела мимо моей головы, а мой дорогой братик от неожиданности выронил из рук ружье и бросился ко мне. Его торопливые и бессвязные извинения я сразу, конечно, не принял, а просто послал его очень далеко. Позднее, когда оба отышались и сели за уху, Володя виновато пояснил, что у него уже бывали осечки, он пытался повторять и если два-три раза не было выстрела, дальше он щелкал курком и по 10 и даже по 20 раз, все было безрезультатно. И в этот раз он был на двести процентов уверен, что ничего не произойдет. Я резонно заметил: «Но ведь случилось же, ты разве забыл наставление папы – никогда не направлять ружье в сторону человека, если оно даже не заряжено. А ты зарядил и спокойно прицелился в брата». Володя готов был заплакать, я примирительно, на правах старшего сказал: «Все, друг, проехали, но ты для себя зарубку сделай, ты с этой «игрушкой» чаще меня ходишь». Маме, разумеется, ничего не сказали.

Постоянной проблемой была детская одежда, нас было трое, росли и рвали все довольно быстро и мама не успевала нас нормально одевать. В магазине выбор был небольшой, да и цены – не по маминой зарплате. Поэтому мама приспособилась перешивать на нас всякие довоенные тряпки. Перешивала все, что попадало под руку, вплоть до занавесок. Но мне, как старшему по дому и ее помощнику в школе – это ее выражение, доставались более красивые и солидные папины рубашки и брюки, разумеется, хорошо урезанные и ушитые. К проблеме одежды добавлялся вопрос стрижки волос, так как постоянного парикмахера в селе почему-то не стало и этим делом занимались чуть-ли не все женщины, кто умел держать в руках ножницы. Но под конец войны в селе появился демобилизованный из армии молодой мужчина лет 22-х, потерявший на фронте левую руку – была ампутирована по локоть. До войны он работал профессиональным парикмахером, сохранил дома соответствующие документы и поэтому сумел убедить местные власти, что наладит в селе это дело. Ему выделили небольшое помещение прямо в центре села, работал он старателльно, виртуозно, и не одной правой, а ухитрялся помогать себе и левой култышкой. Довольно скоро к нему потянулись все. Пришли и мы Володей, зажимая в кулаках выданные

мамой на стрижку деньги. Общительный и приветливый хозяин заведения успевал орудовать ножницами и расческой и активно разговаривал с клиентами. У нас успел узнать, где работает мама и что папа погиб на фронте. Да и по одежке он понял, что мы не из богатых. А когда мы попытались отдать ему деньги за работу, он вдруг стал очень серьезным и заявил: «Я фронтовик, вы по своему бате тоже фронтовики получаетесь, а я со своих не беру. Запомните ребятки – ваш папа своей жизнью рассчитался за вас на много лет вперед».

Уже в конце лета 1941 года во всем селе серьезно усложнился жилищный вопрос, стали поступать семьи беженцев из западных оккупированных фашистами районов страны, в первую очередь из Украины и Белоруссии, и группы немцев, выселенных по решению правительства из Немецкой Республики Поволжья. Расселяли их просто, хозяина, а чаще всего хозяйку домовладения – мужчины же почти все были на фронте, приглашали в администрацию села и объявляли, кто будет подселен в дом. И никто из хозяев не возражал, идет война, значит так надо. Нередко претенденты на подселение были уже в администрации и хозяйка получала их, что называется, из рук в руки. Мама даже в трудных ситуациях иногда пыталась шутить и соседке сообщила, что у нас будут жить «грачи» – учительница по фамилии Грачева и ее трое детей примерно нашего возраста. Глава семьи, как и наш папа, тоже на войне. Соседка ответила, что ей достались какие-то немцы с Волги. Глава немецкой семьи Иоганн Иоганнович, которого мы тут же перекрестили в Ивана Ивановича и он, кстати, не стал возражать, оказался прекрасным механизатором, он отлично разбирался в любой технике, которая имелась в колхозе. Уплотняться пришлось существенно. У нас был небольшой домик – кухня и комната 10–12 квадратных метров, которую мама обычно называла горницей. На кухне под лавкой зимой жили наши курицы, около десятка штук, а в углу – новорожденный теленок. Мама всегда вставала раньше всех и готовила, разумеется, на кухне, поэтому спала там же, как она говорила – ближе к производству. Мы трое – я, брат и сестра большей частью находились в горнице, сюда же мама разместила и четырех прибывших «грачей», так что уплотнились мы до предела. Грачева Тамара Ивановна, так звали учительницу, забрала «свой выводок» – это тоже выражение мамы – и ушла с ними в райисполком оформлять документы и получить продуктовые

карточки. К вечеру они все вернулись, Тамара Ивановна достала из сумки булку хлеба и две банки овощных консервов. Моя добрая мудрая мама быстро оценила ситуацию, предупредила учительнице, чтобы она пока не накрывала на стол, сказала, что она наварит побольше картошки и накормит всех детей горячим. Ужин получился довольно оживленным, шестерых детей усадили за стол, бедным мамам пришлось примоститься на уголке. А на сладкое мама угостила всех «морковным» чаем, с сахаром в войну было очень сложно и мама научилась собирать травы, сушить морковку и использовать все это вместо заварки в чай. И цвет был подходящий, и немного сладко. Вот потому, наверное, и родилась потом поговорка – слаше морковки ничего не ел. Наутро маме опять пришлось варить на всех, потому что у наших постояльцев пока ничего не было, даже своей посуды. Два чемодана с вещами, и все. Так продолжалось и дальше, хотя Тамара Ивановна кое-что из продуктов пыталась покупать в магазине или у деревенских старушек. Но много ли она могла купить на свою мизерную зарплату, устроили ее преподавателем в школу на полставки, свободных мест не было. Мама Женя, словно оправдываясь передо мной, говорила: «А что я могу сделать сынок, они же люди, я не могу их выгнать или оставить голодными, они ни в чем не виноваты, это все – война. Я бы этого Гитлера своими руками задушила за все, что он натворил».

Где-то зимой 1944 года в нашу школу приняли столяром инвалида войны Захара лет тридцати. Он сразу объявил, что не привык, чтобы его звали по отчеству. На фронте был рядовым и все товарищи звали просто Захаром, а командиры при необходимости обращались по фамилии. Про ранение рассказал очень просто: «Миной раздробило всю ступню, там и спасать нечего было, пришлось делать ампутацию. Протез изготовили из хорошего металла, хватит надолго. Зато обе руки целые и могу выполнять любую работу». А мама добавила, что и голова тоже на месте, не пьет, не курит, вежливый и внимательный, ну и по наружности приятный мужчина.

Со временем я стал замечать, что они нашли общий язык, понимают и уважают друг друга. Мне лично нравился его оптимизм, общительность, желание и умение ненавязчиво, от души помочь любому человеку. Со мной он изредка встречался на работе в школе, говорил как с равным, кое-что советовал.

А вот братец Володя, увидевший Захара рядом с мамой, вдруг заявил: «Чего этот хромой около мамы вертится?». «Да успокойся ты, никто около твоей мамы не вертится, просто они работают каждый день вместе. Пойми, что с учительями столяр и уборщица дружить не могут, вот они и общаются друг с другом. По мне, так он неплохой мужик, часто нам с мамой помогает на уборке и не говорит, что это не его работа». Дело в том, что Володя и внешне, и по характеру был похож на отца, а еще больше на строгого деда Павла Абрамовича, мама говорила ему об этом, объясняя иногда проявлявшуюся у него резкость и неуступчивость. В нашей семье у Володи даже было такое безобидное прозвище «дед Паша».

Весной 1945 года Захар по просьбе мамы поехал с нами на заготовку дров. Конечно, протез ему немного мешал при работе, но его цепкие, сильные руки творили чудеса. Мы намного быстрее обычного справились со своей делянкой, уложили в штабель заготовленные бревна и вернулись домой. Поужинали вместе и Захар удалился. Когда остались с мамой вдвоем, она не спеша завела разговор о Захаре, что живет он один, сам готовит, стирает и делает уборку в доме, а для мужчины, да еще с протезом, это не очень удобно. Потом перешла на наши проблемы – если возникают трудные мужские вопросы и я не справляюсь, ей приходится идти просить Иоганна Иоганновича. Вот если бы нам объединиться с Захаром, всем бы стало намного проще. Я ответил, что уже думал над этим вопросом и не возражаю, но звать его отцом, видимо, не смогу.

Пока мы «разруливали» эту непростую проблему, появился Володя. Пригласили его за стол и мама очень аккуратно и осторожно ввела его в курс дела. Как мы и ожидали, наш Володя насупился, посмотрел на фронтовые фотографии папы в уголке над столом и сказал, что вот его отец и другого ему не надо. Мама попыталась растолковать, что она и не просит называть Захара отцом, просто нам без мужских рук сейчас очень трудно и он был бы хорошим помощником в доме. Но Володя уже «завелся» и довольно резко сказал: «Вам надо, вот вы и приводите его в дом». А потом, помолчав, негромко добавил: «Пусть приходит, я свожу его разок на охоту, а обратно он может не вернуться». Понимая, что наговорил лишнего, вдруг заплакал и выбежал во двор. Мама сидела и тихо плачала за столом. Я понял, что мне реветь нельзя, налил маме

кружку воды и пошел разыскивать брата. Он же у меня один и, несмотря ни на что, я его любил.

А замуж мама вышла, но много лет спустя, когда мы все – я, Володя и Анна, окончили школу и разъехались по институтам.

Долгожданная Победа пришла как-то неожиданно и очень солнечным майским днем, может еще и потому, что мы слишком долго ждали ее и привыкли к ежедневным фронтовым сообщениям от Советского информбюро, которые озвучивал своим незабываемым голосом диктор Юрий Левитан. Утром, как обычно, мы пришли в школу на занятия. Но где-то после второго или третьего урока все учителя задержались у директора, потом возвратились в классы и объявили общее построение во дворе. Директор, заметно волнуясь, сказал, что Великая Отечественная война закончилась, Красная Армия и советский народ одержали победу над фашистской Германией. Мы нестройными голосами прокричали «Ура!», у многих учителей на глазах были слезы. Мама стояла в сторонке и тоже плакала. Потом он добавил после паузы, что в связи с празднованием Дня Победы занятия в школе отменяются. Откровенные ученики ответили более дружным «Ура!».

Мы с Володей вернулись домой, сняли школьные ботинки, так как летом с целью экономии обуви дома, на улице и в лесу ходили босиком, переодели брюки и рубашки, съели по холодной картофелине, прихватили ружьецо и устремились в лес, чтобы раздобыть что-нибудь к праздничному столу. Мы знали, что в эту пору все птицы прекращают откладывать яйца и начинают высиживать птенцов. Значит, в каждом гнезде можно взять максимум яиц, правда могут попасть уже с небольшими зародышами. Но яичницу из таких мы уже делали. Первую атаку совершили на вороньи позиции, правда, искать гнезда в густых зеленых кронах было непросто, да и взобраться на вершину высокого дерева нелегко. Но отчаянный Володя сумел и как награда – более десятка вороньих яиц, правда мелковатых. Для «победной яичницы», да еще на всю семью, это, конечно, мало. У нас было приподнятое воинственное настроение и мы решительно двинулись к озеру, рассчитывая добить с десяток более крупных утиных яиц. Времени на поиски гнезд было мало и мы применили, так называемый, «варварский» способ, хотя из книжек знали, что в далекой

Австралии специально выжигают старую траву и кустарник, чтобы выросло что-то новое. Мы зашли с той стороны озера, где ветер дул от берега к воде, сделали из бересты два факела и подожгли сухую траву и камыш примерно на фронте в 60-70 метров. Подгоняемое ветром пламя довольно быстро двигалось к озеру, закатав штаны выше колен, мы продвигались следом. Под ногами был горячий пепел и очень холодная вода, а на глубине 40-50 сантиметров лежал мощным слоем еще не растаявший после зимы лед. Вдруг с одной из задымившихся кочек вспорхнула утка, Володя быстро выстрелил, но в дыму промахнулся. Зато мы точно знали, что там гнездо и крупные утиные яйца. Мы стремительно рванули к счастливой кочке и успели почти из огня выхватить свою добычу. Иначе сгорит. А еще метров через тридцать поднялась вторая утка и здесь нам улыбнулась двойная удача – сбитая утка и гнездо, полное яиц. Теперь праздничный победный стол можно было считать вполне обеспеченным, да и пламя, добравшись до воды, везде успокоилось. Ноги ото льда совсем закоченели и надо было срочно выбираться на сушу, чтобы не схватить насморк. Грязные, продрогшие, но счастливые мы спорой рысью направились домой. А на душе была двойная победа!

Мама, конечно, уже ждала нас. Все вместе приготовили на большой сковороде роскошную яичницу, сварили утку, нарезали соленых огурчиков и дружно уселись за стол. Немного помедлив, мама достала из подполья неприкосновенный запас – бутылочку самогонки, налила себе и мне по чуть-чуть в стаканы и сказала: «Нам с Николаем можно, а вы еще маленькие. Давай, сынок, за Победу и за нашего папку». Я заметил, что мама уже давно разговаривает со мной как со взрослым, спрашивает, советуется. А было мне в тот день всего-то двенадцать лет. Но если все военные годы засчитать по шкале выслуги как год за три, то в сумме набегало существенно больше. Вот на это большее я и чувствовал себя, сидя за праздничным столом! Наверное, и со стороны было видно, что стал каким-то маленьким мужичком, рассуждаю и хожу как взрослый, работаю за взрослого. Так, видимо, детство мое незаметно и тихо украла эта подлая война.

А еще, если честно, не люблю я с тех пор это начало мая, хотя там «живут» два больших и хороших праздника. 1 Мая – День международной солидарности трудящихся, так его называли в советское время и отмечали всегда шумно, весело,

с яркими демонстрациями и обильными застольями. И 9 Мая – День Победы, великий, всенародный и незабываемый. И точно, как выстрел, между ними – 5 мая – для меня, для всей нашей семьи очень грустный и трудный день. Прошло много лет, но я каждый год вспоминаю и снова прокручиваю в голове то, что случилось там, на фронте. Был тяжелый бой под Псковом, наши войска пытались второй раз взять штурмом важную высоту, молодой командир Василий Зензин первым бросается в атаку, увлекая своих товарищей. Но длинная пулеметная очередь из грохочущего фашистского дота срезает его наповал. Мой брат Владимир написал про этот бой стихотворение, которое начинается такими словами: «Жестокий май, там, на рассвете цвела сирень, погиб отец...». Нас всегда угнетало то, что в родительский день мы не могли пойти на могилу папы, положить цветы и поклониться ему. Пытались разыскать место захоронения, на наш запрос архив Министерства обороны дал ответ: в братской могиле в 1600 метрах западнее города Пскова. В один из таких грустных дней, 5 мая, я тоже написал небольшой стих, где есть такие строки:

*Как найти дорогу к той войне,
Как мне поклониться той могиле
На далекой псковской стороне,
На чужбине, где отца убили.*

Победа – это только первый день сплошное ликование и радость, да и то, как поется в песне, со слезами на глазах. Уцелевшие и возвратившиеся с фронтов наши мужья и отцы недолго сидели за накрытыми столами и пели захмелевшими голосами старые довоенные, а теперь еще и новые красноармейские песни. По пути в свои родные места, да и у себя дома они видели разоренные города и села, заросшие кое-где бурьяном поля, сотни и тысячи детей-сирот и безутешных вдов-солдаток. Поэтому очень скоро на смену празднику пришли повседневные заботы. Первые послевоенные годы для страны и, понятное дело, для всех ее граждан оставались трудными. Страна медленно поднималась с колен и восстанавливала все разрушенное на огромном пространстве от Бреста до Волги, и от Мурманска до Севастополя. А в нашей семье и в мирное время пока было как в войну. Поскольку в школу ходили уже все трое, маминой

малюсенькой зарплаты уборщицы на все не хватало. И жили мы голодно, и одевались кое-как. В летние каникулы пришлось подрабатывать мне, брался за любую посильную работу, был копновозом на покосе, прицепщиком при вспашке на тракторе у Иоганна Иоганновича, а через два года у него же – помощником комбайнера.

Время прошло как-то незаметно, в 1951 году я с медалью окончил школу и поступил в Новосибирский институт военных инженеров железнодорожного транспорта. Еще через пару лет пошел в институт брат Владимир, а дальше общими усилиями вытащили и младшую сестру Анну. Главная же заслуга, конечно, мамина, она терпела все лишения, но полностью выполнила наказ отца перед уходом на фронт – обязательно учить детей. Мы все трое, и без троек, окончили школу и получили высшее образование. Директор школы Иван Михеевич Чередов однажды сказал о маме на школьном выпускном вечере: «Таким женщинам памятник надо ставить».

Еще одним болезненным отголоском уже после Победы напомнила о себе война в августе 1953 года. История эта началась раньше. В суровом 1938-м наша семья жила в деревне Островная Солдатского района, папа работал главным бухгалтером в колхозе, а наш сосед и друг семьи Трофим Андронов – председателем. Своих детей у него не было и он любил иногда вечером повозиться с нами. Председатель он был отменный и колхоз постоянно ходил в передовых. Вот и летом 1938 года мы одними из первых выполнили план хлебозаготовок. Но в правление колхоза неожиданно нагрянули инструктор райкома партии и оперуполномоченный госбезопасности из райцентра. Они объяснили Трофиму, что район проваливает план по хлебу и в категорической форме потребовали сдать все зерно, которое колхоз оставил себе на семена и часть, чтобы выдать колхозникам на заработанные трудодни. Доводы председателя колхоза представители района слушать не захотели и тогда разгневанный Андронов заявил, что он не будет выполнять указания власти, которая грабит свой народ и добавил кое-что похлеще.

Вечером он пришел к нам и рассказал обо всем отцу. Папа тоже был не из «спокойных» и наговорил еще больше в поддержку друга. Трофим посоветовал папе с такими горячими речами нигде не выступать, иначе власти могут припомнить ему и то, как не очень давно раскулачивали его отца в Солдатке.

Итог разговору Трофим подвел довольно строго: «Посиди и помолчи. Вылезешь – делу не поможешь, а посадить могут запросто. И кто тогда будет кормить твоих троих детей?». Закончилось все печально – хлеб забрали, Трофима арестовали и увезли в райцентр, больше его никто не видел. Сообщили, что ему дали 15 лет тюрьмы.

И вот ровно через 15 лет судьба свела меня с Трофимом Андроновым. Все приезжающие в северные районы Омской области и уезжающие отсюда жители делают пересадку на станции Называевская, ждут, разумеется, на вокзале. В конце августа 1953 года я ехал из Солдатки с летних каникул на учебу в родной институт в Новосибирск. Дядя Трофим возвращался с Востока из заключения. У меня была особая примета – ярко рыжие пышные волосы, полученные в наследство от мамы. Когда я вошел в вокзальный ресторан и остановился, выбирая себе место, из-за стола навстречу мне поднялся седой, изможденный мужчина и неуверенно сказал: «Коля, дорогой мой, это ты?». Я с трудом узнал в нем нашего соседа дядю Трофима. Дальше пошли теплые объятия и взаимные сбивчивые вопросы. Неожиданно резко он спросил: «Отец где?». «Погиб в сорок третьем под Псковом». Помрачневший Трофим негромко произнес: «А я вот на Колыме отсиделся, остался живой». И, как бы оправдываясь, добавил: «Писал заявление, чтобы взяли на фронт, тогда в лагерях многие писали, но председатель медкомиссии сказал: «Какой ты вояка, из тебя еще туберкулез не весь выгнали. Сиди на месте. Вот так и просидел все 15 лет от звонка до звонка». Так война, через Колыму, еще раз уже в мирные дни, вдогонку напомнила о себе.

Мой внук, а значит правнук моего отца Василия Павловича Зензина, Сергей окончил Тюменский госуниверситет и получил нечасто встречающуюся специальность психолога, отлично владеет компьютером и учит меня этому интересному делу. Обсуждая тему детей войны, мы с ним пришли к однозначному выводу, что стрессы, не самые жестокие и, конечно, преодолимые без помощи врача, закаляют и укрепляют характер человека, помогают ему в дальнейшем преодолевать жизненные трудности. В этом смысле интересен пример детей, выросших в трудную военную пору, когда стрессов было более чем достаточно. Абсолютное большинство этих людей не потерялись в послевоенной очень непростой жизни, каждый прошел или проходит достойно свой путь.

Похвалюсь успехами нашей семьи: мы все трое – дети войны и добились всего в этой жизни только собственным трудом, без какой-либо минимальной помощи со стороны. Автор этих строк – полковник госбезопасности, теперь уже в отставке, член Союза журналистов России, работал до 80 лет, сейчас пишу стихи и прозу. Мама, если бы ты меня слышала, ты можешь гордиться нами. Помнишь, когда я приезжал к тебе в отпуск в Солдатку, ты с радостью говорила всем своим 60-летним соседкам: «Девчонки, сегодня собираемся у нас, мой полковничек приехал». «Девчонок» было четверо, близко и навсегда свела их война и одна общая беда – у всех не вернулись с фронта мужья. И потому за столом непременно возникал разговор о войне. «Вот у тебя, Николай Василич, погоны хорошие, в организации серьезной работаешь, побольше других знаешь, скажи честно, сколько еще лет без войны продержимся?». Мама Женя тут же присоединилась: «Я недавно по радио просыпалася, что ихний главный американец зарплату больше нашего получает, а, по-моему, нашему в подметки не годится. Ты вот, сынок, по службе бываешь в Москве, зашел бы куда следует и сказал, что народ просит нашему жалованье поднять, а уж он-то обязательно постарается, чтобы больше не было этой проклятой войны». Второй сын – Володя тоже молодец, известный тренер по лыжам, мастер спорта по стендовой стрельбе, много лет возглавлял в Омске литературный альманах «Природа Прииртышья», автор более тридцати книг. В 2015 году отметил свое 80-летие, меня догоняет. Младшая – Аннушка до пенсии руководила серьезным отделом в НИИ, ее муж Бугаенко В. В. был директором института, их дети и внуки сейчас живут и работают в Москве и Германии.

Мои папа и мама одногодки, родились в 1913 году, а в 2013-м им исполнилось бы по сто лет. Папа погиб на фронте в 1943-м, мама умерла в Омске в 1984 году. По случаю столетия со дня их рождения в августе 2013 года мы со старшей дочерью – кардиологом высшей категории Ольгой Николаевной и ее супругом – бизнесменом Евгением Георгиевичем проехали на автомашине по маршруту Тюмень – Тюкалинск – Солдатка, чтобы встретиться с братом Владимиром, навестить родное село и поклониться родителям. Дорога в оба конца составила более 1300 километров.

Уже давненько райцентр из Солдатки перевели в Тюкалинск и здесь еще попадаются новые дома и есть неплохие

дороги. А вот на Солдатку асфальт поизносился и само село изрядно постарело.

Мы побывали в двух библиотеках – Тюкалинской районной и школьной в Солдатке, подарили им по паре экземпляров моей книги «Два разведчика с улицы Республики». Владимир рассказал, что он передал в Солдатскую школу по два-три экземпляра каждой из своих свыше 30-ти больших и маленьких книг. А 31 декабря 2014 года, поздравляя меня с наступающим Новым годом, Володя сообщил, что библиотеке Солдатской школы присвоено имя братьев Зензиных.

Школа по-прежнему стоит в центре села, но уже не та деревянная, в которой мы учились, а двухэтажная кирпичная. Напротив школы, в сквере бывшего райисполкома, где до войны работал наш папа, установлен большой обелиск в честь воинов, погибших в Великой Отечественной войне. Есть на нем и фамилия папы – Зензин В. П. Всего на плите обелиска золотыми буквами выписаны более двухсот имен жителей села, которые своими жизнями заплатили за нашу Победу, за то, чтобы мы сегодня жили под чистым и мирным небом.

Возложив к обелиску цветы, мы долго, молча, стояли на площади, с которой в июне 1941 года провожалина фронт своих дорогих и единственных мужей и отцов и откуда они ушли от нас навсегда, в вечность. Я поклонился обелиску и негромко сказал: «Спасибо, папа, спасибо от меня, Володи и Аннушки, от твоих внуков и правнуоков. У нас все хорошо. Мы всегда помним и любим тебя».

После папы у нас осталось всего две его фронтовые фотографии. Сначала они стояли в уголке комнаты на божнице, рядом с иконами. Мама всегда начинала и заканчивала свой день с небольшой молитвы, и когда она крестилась перед иконами, всегда видела папу. Но со временем фотографии стали желтеть, мама завернула их в чистую тряпочку и положила в деревянный сундук. После смерти мамы в 1984 году эти фотографии перекочевали в альбом детей и внуков. А в 2016 году они получили вторую жизнь. Наш папа, погибший в бою с фашистами 5 мая 1943 года, прошел 9 мая в день Победы вместе с другими участниками Великой Отечественной войны как победитель в дружных шеренгах «Бессмертного полка».

ФИТИНЫ, ОЖОГИНО И ТЮМЕНЬ

Про нашего земляка – руководителя Внешней разведки Советского Союза в трудные годы Великой Отечественной войны генерала Павла Михайловича Фитина написано пока немного, одна книга в Москве – «Фитин», серия – «Жизнь замечательных людей», автор Александр Бондаренко. И в Тюмени – «Война и разведка» – автор журналист Николай Зензин.

Родился Фитин 28 декабря 1907 года в селе Ожогино Ялуторовского уезда Тобольской губернии, а по нынешнему административному делению – в Шатровском районе Курганской области. История создания села Ожогино, появление там фамилии Фитиных практически не исследованы и не описаны. Но иногда жизнь сама помогает авторам и подбрасывает нужную информацию, если, конечно, ее искать.

В сентябре 2015 года в санатории «Жемчужный», расположенным на 27-м километре Ялуторовского тракта, в актовом зале я рассказывал отдыхающем о юбилее нашей Победы и, конечно же, о Павле Фитине. После встречи ко мне обратился Виталий Залесов, 55 лет, начальник участка ООО «Юта-Сервис» в городе Тюмени и краевед по призванию, в прошлом житель села Ожогино, где до сих пор проживают его родственники и друзья. Он ежегодно приезжает туда ненадолго отдохнуть, поохотиться и попробовать замечательный ожогинский мед. Мы с Виталием нашли много точек соприкосновения и провели немало бесед. Позднее, по моей просьбе он собрал богатый материал по истории села Ожогино и Шатровского района, климатическим условиям, флоре и фауне тех мест, и передал все это мне. Я ему подарил свои две книги про войну и разведчиков.

Одновременно осенью 2015 года в ходе регулярной электронной переписки с научным руководителем Курганского военно-исторического музея «Память» Юрием Николаевичем Радионовым, с которым мы ранее обменялись книгами, возник вопрос о Павле Фитине и его родственниках, проживавших в селе Ожогино. Юрий Николаевич переслал мне имеющиеся в музее фитинские и ожогинские материалы и разрешил использовать их в своих публикациях, за что я заранее выразил ему искреннюю признательность. Кроме этого, он снабдил меня целой серией интересных фотографий из коллекции

музея о разведчиках Павле Фитине, курганце Павле Владимирове, новозаимце Александре Тетцове.

10 декабря 1923 года постановлением Первого Тюменского окружного съезда советов был образован Шатровский район. Село Ожогино располагалось в 16 километрах от райцентра. Сегодня Шатровский район – в составе Курганской области, граничит с Тюменской и Свердловской областями. Вот поэтому ветераны-чекисты этих трех областей сотрудничают в вопросах сохранения памяти о своих земляках-разведчиках.

Шатровский район расположен в лесостепной зоне Западно-Сибирской равнины по течению реки Исеть. Он богат плодороднейшими землями, способными давать высокие урожаи. Лес в Шатровском районе занимает около 150 тысяч гектаров. В лесах растут сосна, ель, лиственница, береза и осина. Прекрасные кустарники – черемуха, рябина, боярышник, красная и черная смородина, шиповник; это значит, что всегда в достатке различных ягод, в том числе земляники и клубники. Разнообразен мир птиц, как зимующих здесь, так и прилетающих – глухари, тетерева, куропатки, утки разнообразных пород, гуси, журавли и множество других птиц помельче.

Село Ожогино было одним из крупных в Шатровском районе, обосновали его на возвышенности между двумя озерами Большим и Малым Тукмышем. В ближайшей окресте еще около 15 рыбных озер, одно из них – Пустынное в четырех километрах от Ожогино, имеет целебную воду. Купцы и крестьяне из Курганской и Свердловской областей в давние времена часто ездили туда на лечение. В Ожогино насчитывалось более 600 дворов, была своя красивая церковь. Кроме земледелия многие жители занимались разведением гусей и уток, рыболовством и охотой, имели свои большие пасеки. Ожогинский мед отличался особым вкусом и ароматом, считался у жителей села и в окресте целебным. До сих пор кое-кто из Тюмени и Свердловска ездит в Ожогино за этим медом.

Наиболее трудолюбивыми и зажиточными в селе были семьи Вологиных, Залесовых, Фитиных и Безгодовых. Среди жителей села Ожогино Фитины выделялись своей pragmatичностью, грамотностью и лидерскими качествами. В первые годы советской власти они активно участвовали в строительстве новой жизни, избирались на руководящие посты в местные органы власти и в сельскохозяйственную коммуну.

В 1941 году в Ожогино проживало около 3000 человек. Более трехсот из них ушли на фронты Великой Отечественной войны, около двухсот погибли. 11 человек из Шатровского района получили звание Героев Советского Союза. Один из Героев – Прохор Денисович Залесов, 1914–1981 годы, коренной ожиганин, так зовут себя уроженцы и жители села Ожогино.

В центре Ожогино около сельского клуба воздвигнут мемориал жителям села, погибшим в годы войны. В списках погибших – многие из перечисленных выше фамилий. В центре мемориала – памятник воину, погившему на фронте, справа и слева от него мемориальные знаки генералу Павлу Фитину и Герою Советского Союза Прохору Залесову. Жители села, по большей части школьники, ухаживают за памятником.

Родители разведчика Павла Михайловича Фитина: отец – Фитин Михаил Илларионович, 1880 года рождения, достоверных сведений о его службе в армии мы не имеем, однако в первые годы советской власти в Зауралье он вместе с братом Василием участвовал в создании в селе Ожогино коммуны «Звезда», а затем и колхоза «Красная Звезда». Трудился бригадиром полеводческой бригады. Умер в 1934 году во время работы на колхозном поле от сердечного приступа. Специалисты-кардиологи говорят, что болезни сердца имеют иногда наследственную природу. Первый сын генерала Фитина – Анатолий, а значит, первый внук Михаила Илларионовича, страдал ишемической болезнью сердца, умер тоже от инфаркта в городе Ленинграде практически на работе и в таком же возрасте.

Брат отца Фитина – Василий Илларионович, герой Первой мировой войны, награжден Георгиевским Крестом и медалью, активист, первый председатель коммуны, а затем колхоза в селе Ожогино. В 1921 году возглавил борьбу против крестьянских волнений в своей волости. Пенсионер союзного значения. Последние годы жизни проживал в Киеве, там же жили три его дочери – Мария, Анфия (фамилия по мужу Бутрук), имя третьей неизвестно. Василий Илларионович умер 16 июля 1965 года, похоронен в Киеве. Из переписки с родственниками известно, что в марте 1990 года старшей дочери Марии был 81 год, средней Анфии – 71 год, младшей – 69 лет. У Василия Илларионовича и его жены Евдокии Григорьевны были и сыновья. Оба военные

летчики. Но их судьба сложилась трагически: старший – летчик-истребитель высшего класса погиб под Москвой в 1961 году при выполнении служебного полета, готовясь к воздушному параду. Ему было 38 лет. Младший – командир бомбардировщика, погиб в 1957 году на Украине, выполняя групповой полет, в возрасте 29 лет. Это – двоюродные сестры и братья Павла Михайловича Фитина.

Мать разведчика П. М. Фитина – Евдокия Максимовна Фитина, 1882 года рождения, в конце 30-х годов после смерти мужа переехала к сыну в Москву. Это был последний приезд Павла Михайловича на родину, когда он приезжал, чтобы забрать маму. С сыном она прожила всю войну, умерла в 1952 году, похоронена в Москве.

Сестры Павла Михайловича Фитина: он был единственным сыном в семье и старшим из пятерых детей, родился 28 декабря 1907 года и был крещен в старообрядческой церкви, которая простояла до начала 60-х годов, до последнего крупного пожара. Затем в семье родились четыре дочери – Феоктиста Михайловна – 1910 года, она после войны жила на Украине, умерла в 1990 году. Ефросинья Михайловна – 1912 года, получила высшее образование, в годы войны работала в селе Шатрово в райкоме партии. После войны жила со своей семьей в Волгограде (сведений о дате ее смерти нет). Павла Михайловна – 1914 года, окончила учительские курсы, работала учительницей начальных классов в своем селе, вела общественную работу. С началом Великой Отечественной войны добивалась отправки на фронт. В 1943 году приехала в Москву к брату и матери. Партийными органами была направлена на работу в московскую милицию, имеет боевые награды. О семье Павлы Михайловны и дате ее смерти сведений нет. Известно, что в 1990 году она была жива, жила в Москве и сестры бывали у нее, что отражено в переписке. Анна Михайловна – 1916 года, самая младшая из сестер Павла Михайловича, в 1931 году в возрасте 15 лет уехала в Москву к брату. После окончания средней школы, закончила школу летчиков, была инструктором, вышла замуж. Ее муж был военным летчиком, сведений о его судьбе нет. У Анны Михайловны родилась дочь. После войны они жили в Москве, последние годы возможно вместе с сестрой Павлой. Анна вела активную переписку с родственниками и друзьями, в том числе писала

письма на родину в село Ожогино. После распада СССР в 1991 году уехала в Израиль, где уже жила с семьей и работала ее дочь ученый-биолог. В 2010 году, когда ей было 94 года, в Израиль приезжал внук Павла Михайловича – Андрей Анатольевич Фитин. Он записал на видео ее воспоминания, она передала ему часть семейных фотографий.

Первый сын Павла Михайловича Фитина – Анатолий Павлович, 1932 года рождения, подполковник государственной безопасности, пошел по стопам отца, окончил спецшколу КГБ СССР в городе Свердловске, службу начинал в 1953 году оперуполномоченным Свердловского Управления КГБ, ходил по тем же коридорам, где недавно трудился его отец. Позднее служил начальником отдела в Управлении КГБ Ленинградской области. Жил и работал в Ленинграде, там и женился. В семье родился сын Андрей, внук разведчика.

Внук Павла Михайловича Фитина – Андрей Анатольевич, капитан 2-го ранга военно-морского флота в запасе, ведет активную работу по сохранению памяти своего героического деда. У него трое детей. Два сына – старший, Павел, названный в честь генерал-лейтенанта Внешней разведки, второй сын – Дмитрий и дочь Мария.

Правнук – Павел Андреевич, которому летом 2014 года исполнилось 28 лет, пообещал своих детей и внуков воспитать людьми, достойными памяти легендарного предка.

История села Ожогино и его красоты – это отдельная тема, но некоторые интересные факты заслуживают особого внимания. Например, название села «Ожогино» говорит само за себя. Пожары здесь в старину происходили очень часто, бывало, выгорала значительная часть села. Не избежал этой участи и дом Фитиных. «Ожогинцы» – жители села, называют себя «ожигане», при этом считают оба названия правильными. Село в настоящее время держится на женщинах. Они в Ожогино необычные. Их часто можно увидеть занятыми «неженскими» делами. С детства девочки умеют обращаться и с лошадью, и с лодкой, и с техникой. Эта черта сохранилась со времен Великой Отечественной войны, когда мужчины ушли на фронт и все приходилось делать женщинам.

Сегодня в селе Ожогино и районном центре – селе Шатрово есть жители по фамилии Фитины, наверное, среди них есть и дальние родственники начальника Внешней разведки СССР

в годы Великой Отечественной войны генерал-лейтенанта Павла Михайловича Фитина.

Работая в Свердловске после перевода из Москвы, Павел Михайлович переписывался с односельчанами-фронтовиками: Прохором Залесовым, Аксентием Вологиным – школьным учителем и автором мемуаров о родном селе и Великой Отечественной войне. Многих Фитин помнил с детства и не раз планировал приехать на малую родину после войны, но не позволили обстоятельства.

В 2012 году односельчанами Фитина была выдвинута инициатива о ходатайстве перед президентом Владимиром Путиным, который в своей книге о службе в органах государственной безопасности дал деятельность Павла Михайловича Фитина высокую оценку, присвоить звание Героя России «главному разведчику войны».

10 октября 2014 года по приглашению Совета ветеранов Управления ФСБ в Тюмень из Санкт-Петербурга прибыли внук генерала Фитина – Андрей Фитин и его сын – правнук разведчика Павел Фитин. Гости ознакомились с работой Совета ветеранов, осмотрели экспозиции в музее Управления ФСБ, посвященные землякам-разведчикам Павлу Фитину и Николаю Кузнецovу. В тот же день гости побывали в городе Ялуторовске, где с 1922 по 1926 год учился в школе и получил среднее образование будущий глава Внешней разведки генерал-лейтенант Павел Фитин. Перед зданием школы состоялся митинг, посвященный разведчику Фитину, выступавшие тепло приветствовали его наследников, которые выразили горячую благодарность и признательность сибирякам за то, что они умеют хранить память о героях Великой Отечественной войны. На следующий день, 11 октября, гости посетили малую родину Фитиных – село Ожогино, где состоялись не менее теплые задушевные встречи с жителями села. По возвращению в Санкт-Петербург Андрей и Павел поделились со своими семьями впечатлениями от поездки в Тюмень, Ялуторовск и Ожогино. Самая юная наследница разведчика Фитина – правнучка Мария Фитина загорелась желанием побывать в родных краях своего знаменитого прадеда.

18 марта 2016 года Мария Фитина прибыла в Совет ветеранов Тюменского Управления ФСБ. Вначале ее познакомили с работой музея, а потом в Совете состоялась фотосессия

с тюменскими ветеранами госбезопасности. После этого по просьбе автора Мария согласилась на беседу-интервью.

Хочу сразу отметить, что в этой красивой, смуглолицей девушке легко угадываются фамильные фитинские черты. Мария рассказала, что ее папа Андрей очень волновался, когда ему предложили в документальном фильме исполнить роль генерала Павла Фитина. Но когда он надел генеральский китель, режиссер и оператор были поражены почти стопроцентным сходством Андрея со своим знаменитым дедом. В домашнем архиве автора есть этот фильм, я еще раз пересмотрел его и убедился, что режиссер и оператор были правы. Единственное замечание, которое я озвучил Марии – китель немного великоват для Андрея, генерал Фитин был чуть покрупнее.

О себе Мария рассказала, что в прошлом году окончила Санкт-Петербургский госуниверситет телекоммуникаций, на работу пока не вышла, так как приобретает по согласию родителей еще и специальность юриста. Не исключено, что будет работать в компании отца «Дороги дружбы». Автор, ссылаясь на свой опыт работы в российско-венгерской компании, посоветовал Марии во время учебы на юриста освоить одновременно международные коммерческие и правовые вопросы. Поскольку фирма отца «Дороги дружбы» работает с зарубежными организациями, вклад Марии будет более современным и востребованным.

Дальше разговор зашел о фамилии Марии. Автор высказал предположение, что такая симпатичная девушка долго одна не будет и наверняка выйдет замуж. А как быть с ее фамилией – Фитина, ведь мужья обычно предлагают свою. Мария ответила, что пока не думала об этом. Как вариант я сказал, что может быть стоит после замужества взять двойную фамилию, чтобы там значилось – Фитина. Марии этот вариант понравился.

Дальше я попробовал задать главный вопрос – а что для нее значит Павел Михайлович Фитин. Мария на секунду задумалась, глаза ее заметно повлажнели и, с волнением в голосе, она ответила так: «Павел Михайлович для меня не просто начальник всей внешней разведки Советского Союза, хотя это уже немало. Он очень много сделал для разведки, реанимировал ее. Он не просто герой разведки, а по своему вкладу в Победу скорее великий народный герой». Сказано было откровенно, с гордостью и достоинством.

Дальше разговор перевели на Ожогино – малую родину Павла Михайловича. Мария сказала, что этот вопрос дома уже обсуждался, и ей было бы очень интересно побывать там. Но не сейчас, в Сибири в этом году была снежная зима и в Ожогино сейчас все под снегом. Ехать, разумеется, надо летом, чтобы лучше увидеть и потрогать землю, из которой выросли фитинские корни и по которой в детстве и юности ходил ее прадед. Она очень довольна приемом в Тюмени, увидела и узнала много нового и твердо решила, что летом обязательно побывает снова в Тюмени.

Это был простой и откровенный разговор, Мария в Совете ветеранов держалась так уверенно, будто не раз бывала среди этих людей. И фитинская порода, а сравнивать было с чем, мы уже встречались здесь с ее отцом и старшим братом, чувствовалась и у Марии. На прощание автор подарил Марии Андреевне свой сборник стихов «На ветрах трех поколений».

СЛУЧАЙНОГО ПОД НЕБОМ НЕ БЫВАЕТ

В этом рассказе будут, на первый взгляд, случайные встречи, неожиданные моменты, но все их объединяет одно – кузнецковская тема, в центре которой сияет имя легендарного разведчика Николая Ивановича Кузнецова.

Во времена столыпинской аграрной реформы в начале 20-го столетия, крестьянам из густонаселенных районов центральной России было предложено переселение в малообжитые, с большим количеством свободных земель края Сибири с предоставлением некоторых льгот.

По данным Тобольского филиала государственного архива Тюменской области недалеко от поселка Туртас был образован в 1910 году переселенческий участок Чебунтанский. Начали со строительства грунтовой дороги и в 1913 году появился первый житель поселка Чебунтан – Максим Верзаков. В 1914 году в поселок из западных губерний России прибыло еще 13 семей переселенцев. Сначала они жили в землянках, так как много времени уходило на раскорчевку леса и создание земельных участков для посевов и огородов.

Вторая волна прироста населения случилась в 1930–1932 годах в период начала коллективизации в стране,

в Чебунтан стали прибывать семьи спецпоселенцев, раскулаченных крестьян из Свердловской, Курганской и Челябинской областей.

В поселке создали спецкомендатуру, которая следила за жизнью и перемещением поселенцев. Поселок начинает застраиваться и расти. В 1932 году в Чебунтане открылся медпункт и магазин, в 1933 году – начальная школа, в 1934 году – небольшая поселковая больница. Поблизости от Чебунтана возникли еще более мелкие поселения-спутники: Белый Яр, Быковка, Максимовка и Щучье.

Старшая сестра будущего разведчика Николая Кузнецова – Агафья Ивановна, окончила женскую гимназию, преподавала в школе, в 1926 году в селе Балаир Свердловской области вышла замуж за Петрова Михаила Егоровича. В 1930 году Михаил Егорович, его брат Андрей и две их сестры были раскулачены и высланы в Уватский район тогда еще Омской области. Самой Агафьи Ивановны раскулачивание не коснулось, но власти ее предупредили, что если она поедет и будет жить вместе с мужем, на нее тоже распространятся все правила спецпоселения. Летом 1931 года группу спецпоселенцев перевезли в лес к реке Туртас, где каждая уральская семья построила собственный дом. Поселок назвали Быковка, школы там еще не было и Агафья Ивановна стала работать учительницей начальных классов в соседнем поселке Чебунтан. Грамотных специалистов в то время в поселениях ссыльных не хватало, работу они выполняли не всегда по своему желанию, а чаще по рекомендациям местных властей и спецкомендатуры.

В этом месте пока поставим точку и подождем, когда в Чебунтане появится другая героиня этого рассказа – Александра Тихоновна Старовойтова. Родилась и выросла она в Смоленской области за несколько тысяч километров от Увата, но волею судьбы оказалась у нас в Сибири. И здесь давайте предоставим слово внучке Александры Тихоновны – Клюкиной Анне. Вот ее письмо, переданное автору:

«Бабушка моя родилась 26 июня 1920 года в деревне Христилово Смоленской области. Она училась в начальной школе у себя в деревне, в старшие классы ходила в школу за шесть километров от родного села. Она училась, работала в колхозе. Школу закончила с отличием. В 1940 году поступила в Смоленский медицинский институт.

Перед войной бабушка закончила только первый курс. Студенческое общежитие, где она жила, было построено в виде большого самолета. Немецкие летчики хорошо видели его с высоты и на третий день войны разбомбили при первых же налетах на Смоленск. Уцелевших студентов собрали и послали рыть огромные противотанковые рвы на подступах к городу. А когда враги подошли к Смоленску, студентов распустили по домам. Бабушка вернулась в свою родную деревню.

Деревня Хрипилево располагалась на краю Брянского леса. Вскоре появились немцы. Некоторые жители деревни стали сотрудничать с ними, некоторые ушли в партизаны, а некоторые просто помогали партизанам. Например, бабушкин школьный учитель помогал партизанам, но об этом узнали немцы и расстреляли его.

Бабушкина мама привечала партизан. И потихоньку в их доме образовалась «партизанская столовая». Бабушкина мама принимала и кормила партизан и их связных. А сама бабушка и ее такие же молодые подружки помогали партизанам. Они носили донесения, сообщали о передвижении немцев, и когда в деревне останавливались немецкие машины, прикрепляли к ним магнитные мины, чтобы машины взрывались где-нибудь в пути.

Бабушкина семья помогала партизанам соединения «Бати». Его отряд входил в состав 1-й Клетнянской партизанской бригады, с которой было связано подполье расположенного недалеко от Хрипилева очень крупного Сещинского аэродрома гитлеровцев. Деятельность этих подпольщиков показана в замечательном советском фильме «Вызывают огонь на себя».

Партизаны досаждали немцам все больше и больше, немцы несколько раз посыпали против них карательные экспедиции. Каратели особо жестоко обращались с нашими людьми. Забирали все, убивали. Но бабушкин дом беда миновала. Они, после предупреждения партизан, успевали уходить в лес.

Когда Смоленск освободили и пришла Советская армия, партизаны ушли на фронт, а бабушка как студентка мединститута была направлена работать во фронтовой госпиталь. Она помогала лечить раненых и вместе с госпиталем прошла до конца войны, имеет боевые награды.

В 1948 году она закончила восстановленный Смоленский медицинский институт. Получила распределение к нам

в Сибирь, и первое время работала участковым врачом в Чебунтане. Ее участком были поселки спецпоселенцев – тех, кого мы сейчас называем жертвами сталинских репрессий, заработала себе доброе имя внимательным отношением к этим обездоленным людям. Ее заметили, и при создании Тюменской областной клинической больницы пригласили в нее на работу.

На пенсию бабушка вышла майором медицинской службы, доверенным врачом областной больницы.

Прожила она 93 года и всегда была утешением для всех, с кем сводила ее судьба. У очень многих людей о ней осталась добрая память».

*Клюкина Анна, студентка I курса
Тюменского медицинского университета*

Александра Тихоновна прибыла из Смоленска в Тюмень, получила в Облздраве назначение и в сентябре 1948 года добралась до таежного Чебунтана. Она во время войны прошла с армейским госпиталем фронтовыми дорогами почти пол-Европы и надеялась, что здесь хуже не будет. Опорной точкой для нее стал медпункт в Чебунтане, а в сферу деятельности попали еще и поселки-спутники Быковка и другие, где жили спецпоселенцы. Технология медицинского обслуживания спецпоселенцев была проста. Врач получала на каждый поселок в спецкомендатуре список спецпоселенцев, их адреса и затем проводила подворовый обход каждого поселка, осматривала своих пациентов, выслушивала жалобы и оказывала помощь. Добралась она и до поселка Быковка, где значилась семья Петровых, побывала в их доме и познакомилась с Агафьей Ивановной. Муж ее умер в 1946 году, дочь Валентина уехала в августе 1948 года на учебу в Тобольский учительский институт, поэтому на учет медобслуживания попала одна Агафья Ивановна.

Почти единственными представителями интеллигенции в Чебунтане и других поселках оказались участковый врач Александра Старовойтова и учитель начальных классов Агафья Петрова. Агафья Ивановна после отъезда дочери осталась одна, а молодая врач Старовойтова семьей пока не обзавелась. Когда кругом тайга, а в поселках сплошь спецпоселенцы, сам господь Бог направил этих одиноких

женщин в объятия друг друга. Две грамотные, общительные, образованные женщины вскоре после первого знакомства стали регулярно встречаться.

В Москве в конце этого же 1948 года командир партизанского отряда полковник госбезопасности Дмитрий Николаевич Медведев закончил свою первую книгу о партизанах Великой Отечественной войны и об отряде «Победители», в составе которого действовал смелый разведчик Николай Кузнецов, младший брат Агафьи Ивановны. Медведев, состоявший в переписке с другой сестрой разведчика Брюхановой Лидией Ивановной, проживавшей в городе Уфе, переслал через нее письмо и свою книгу «Этобыло под Ровно» в город Тобольск дочери Агафьи Ивановны – Валентине. В письме он рассказал, как они сражались вместе с Кузнецовым против фашистских оккупантов, как тот погиб и был посмертно награжден Золотой Звездой Героя Советского Союза. На книге сделал такую дарственную надпись: «Славной племяннице героя настоящей книги Н. И. Кузнецова Валюшке в память о достойном дядюшке от автора книги и бывшего командира отряда, 10.04.49 г., Д. Медведев, г. Москва».

Валентина с величайшим интересом и волнением читала письмо Медведева и его книгу о своем дяде Николае Ивановиче, его геройских подвигах в тылу врага. Ничего этого ни она, ни ее мама до сих пор не знали. Она немедленно написала обо всем Агафье Ивановне, а как только их отпустили на летние каникулы, сразу поехала к ней в Быковку. Агафья Ивановна со слезами на глазах читала и снова перечитывала книгу о своем дорогом, родном братце, с которым она рассталась более 20 лет назад, о военных подвигах и гибели которого в семье никто ничего не знал.

Постепенно, когда наговорились с Валентиной, начитались, и страсти немного улеглись, во время встречи с доктором Старовойтовой, которая в очередной раз объезжала все поселки и осматривала своих подопечных, Агафья Ивановна рассказала ей о своем брате и показала книгу Александра Тихоновна постоянно испытывала недостаток хорошей литературы в Чебунтане и потому залпом прочитала повесть Медведева. Партизанская тема была ей близка и хорошо знакома еще со времен смоленских событий во время войны, в которых ей пришлось участвовать. Позднее, после 1945 года она

с удовольствием читала книги о войне, если они были написаны авторами, лично участвовавшими в боевых операциях. При последующей встрече с Агафьей Ивановной она с благодарностью возвратила книгу и охотно поделилась своими впечатлениями. К этому времени Александра Тихоновна уже знала, что Агафья Ивановна не совсем обычная ее пациентка, она не была выслана, а добровольно приехала в эти края со своим мужем и поэтому пользовалась особым расположением участкового врача.

Время – понятие вечное, мы не можем его ни видеть, ни слышать, ни, тем более, остановить. Наступило первое августа 1950 года, когда по решению Уватского районного отдела МВД на основе вышестоящего Постановления через 20 лет после ссылки Агафья Ивановна была снята с учета в комендатуре и освобождена из спецпоселения. Это означало, что она теперь могла свободно выехать в любой район области и страны. Через два года ее дочь Валентина окончила Тобольский учительский институт, получила назначение в Горнослинкино, устроилась там с жильем и перевезла к себе маму. Вскоре рас прощалась со своими спецпоселенцами и Александра Тихоновна. Трудолюбивого, энергичного участкового врача не раз отмечали местные власти и работники комендатуры. Хвалебные характеристики дошли до областного центра. В это время в Тюмени создавали областную клиническую больницу. Старовойтова получила приглашение на новое место работы и с облегчением покинула неуютный таежный Чебунтан.

И опять, наверное, по велению Божьему, когда все должно закончиться памятником разведчику Кузнецovу, Александра Тихоновна в 1953 году, работая врачом Облбольницы, познакомилась с тюменским скульптором Алексеем Клюкиным. Алексей Иванович по договору с руководством больницы работал над памятником академику И.П. Павлову, который затем был установлен и торжественно открыт на территории больницы. Еще до открытия памятника, в период монтажных работ, любопытные молодые врачи подходили к 30-летнему хорошо сложенному, с армейской выпрямкой скульптору Клюкину. Интересовались его работой и творческим процессом. Была среди них активная и обаятельная Старовойтова. Молодые люди понравились друг другу, стали встречаться. И тут выяснилось, что оба фронтовики, хорошо знают, что такое война, какими фронтовыми дорогами

они прошли, и какие испытания каждому пришлось выдержать, чтобы дошагать до победного 1945-го. 13 февраля 1955 года они зарегистрировали свой брак. В 1958 году в Тюменском роддоме появился на свет сын Алексей – первый и единственный.

Семейная жизнь вошла в привычные берега и протекала в основном спокойно, но иногда случались и бурные застолья, которые Алексей-старший объяснял напряженным творческим характером своей работы и необходимостью иногда расслабиться с такими же творческими товарищами.

Где-то в самом начале 1967 года в больнице Александре Тихоновне попала в руки книга полковника Д. Н. Медведева «Сильные духом». С первых страниц она поняла, что это тот же Медведев, которого она читала двадцать лет назад в Чебунтане, и разведчик тот же – Николай Кузнецов, брат учительницы младших классов Агафьи, с которой она, к сожалению, потеряла связь после возвращения в Тюмень.

Александра Тихоновна принесла книгу домой, быстро прочитала и с восторгом рассказала мужу, с какой радостью вновь пообщалась с автором Медведевым и главным героем Николаем Кузнецовым. Но сейчас, в отличие от прочтения первой книги, она лучше поняла, какой замечательный человек был разведчик Кузнецов, сколько ему нужно было выдержки и мужества, чтобы одному в оккупированном городе Ровно жить и бороться в окружении фашистских офицеров и ищеек гестапо.

Алексей Клюкин тоже прочитал книгу не отрываясь. Он, прошагавший четыре года дорогами войны, послуживший в воздушно-десантных войсках, имеющий боевые награды, хорошо знал цену военной доблести и очень высоко оценил боевые подвиги разведчика. Героев Советского Союза так просто тогда не давали. Кроме того, в разговоре с женой выяснилось, что уроженец деревни Зырянка Кузнецов начинал свою самостоятельную жизнь в Тюменском сельскохозяйственном техникуме. Более экспрессивная и энергичная Александра Тихоновна тут же предложила супругу отложить свои текущие работы и немедленно заняться скульптурой Николая Кузнецова и поставить памятник именно около здания сельхозинститута. Алексей Иванович, увлеченный не меньше жены подвигами разведчика, согласился без колебаний.

Надо было срочно собрать необходимый материал. Через своих друзей-десантников он разыскал адрес брата героя –

Кузнецова Виктора Ивановича и немедленно отправился к нему. С Виктором они быстро нашли общий язык, отобрали для работы несколько фотографий, обменялись телефонами и Александр Иванович заверил, что постарается скоро пригласить Виктора в свою мастерскую, чтобы показать первые заготовки. Александра Старовойтова позднее вспоминала, что никогда раньше ее муж не работал так упорно и увлеченно. Прошло не так много времени, и Виктор Иванович приехал к скульптору. Алексей показал ему три различных варианта почти готовых бюстов разведчика. Гость выбрал один, однозначно заявив, что он самый похожий. А вскоре в мастерской появился первый секретарь Тюменского горкома ВЛКСМ Сергей Великопольский со своим другом секретарем Евгением Безруковым, они осмотрели работы Клюкина, обсудили возможности создания памятника герою-разведчику. Итогом активной совместной работы горкома ВЛКСМ и скульптора стало открытие 19 декабря 1967 года возле сельхозинstitута памятника Герою Советского Союза Н.И. Кузнецovу. Заметив интерес своего 9-летнего сына Алеши к разведчику, скульптор взял его с собой на открытие памятника. Шустрый мальчуган попал в первый ряд на общей фотографии, он крайний справа.

Спустя много лет возник неожиданный и весьма интригующий для автора момент. 17 марта 2015 года на ежемесячном областном собрании тюменских литераторов в библиотеке имени Д.И. Менделеева проходила презентация моей книги «Война и разведка», я рассказывал о подвигах наших земляков герояев-разведчиков Николая Кузнецова и Павла Фитина. После собрания, когда народ потянулся к выходу, ко мне подошел мужчина лет семидесяти и без всяких предисловий спросил: «А Вы нашли того человека, который позировал скульптору Клюкину, когда он делал бюст Кузнецова?». Я ответил, что слышал такую версию, но подтверждения пока не получил. Мужчина спокойно заявил, что позировал он. Я попросил его повернуть голову: да, действительно – лоб, нос и подбородок имеют какое-то сходство с бюстом, что стоит у сельхозинstitута. Спросил, а как это все произошло. Незнакомец рассказал, что ему тогда было 22-23 года, летним вечером он играл с товарищами в домино во дворе дома за водонапорной башней на улице Орджоникидзе. К ним подошел мужчина лет сорока, сначала посмотрел на него прямо, потом зашел сбоку. Пояснил, что он скульптор, работа-

ет над портретом одного военного, ищет подходящую натуру. Попросил встать и повернуть голову. Дождался, когда мы доиграем и пригласил к себе в мастерскую, которая располагалась недалеко, в подвалчике соседнего с башней дома.

Там уточнил, что делает бюст разведчика Кузнецова, что собрал несколько его фотографий, но это все плоские изображения, а ему нужен объем. Попросил хотя бы 2-3 раза посидеть и попозировать ему. Тот не очень охотно согласился. Пока мы говорили, участники собрания покинули зал, а к нам подошла несколько возбужденная женщина и сходу заявила: «Мы сидим, ждем в машине, а он тут разговоры разговаривает!». Мужчина извинился передо мной и пошел за женщиной. На мою просьбу дать визитку или номер телефона, он ответил, что придет на следующее собрание и мы обо всем поговорим. Но почему-то не появился, и вот уже год я не могу встретить его.

Созвонился и поговорил об этом с сыном скульптора Алексеем Клюкиным, который ответил, что это могло быть летом 1967 года, ему тогда было девять лет и он мало интересовался делами отца. Но позднее, будучи взрослым, он от кого-то слышал, что отец хотел найти натурщика, но удалось ли ему это сделать, он сказать не может.

В переданных автору Клюкиным-младшим архивных документах отца есть приложение к характеристике о трудовой деятельности скульптора с перечнем всех созданных им произведений. В числе более чем 30-ти работ значатся бюст Кузнецова, установленный у школы № 37 города Тюмени и бюст, переданный в музей лицея № 34. Во время встречи с руководителем музея «Память сердца» Валентиной Петровной Гавриловой она рассказала, что за полувековое существование школы ребята и педагоги активно участвовали в создании и комплектации музея. Поисковый отряд под руководством Гавриловой не раз выезжал на раскопки в места боев Великой Отечественной войны, откуда привозили богатые военные трофеи – мины, снаряды, гильзы патронов, личные вещи солдат и офицеров и многое другое. В городе Тюмени собирали фронтовые письма, фотографии, книги и оформили несколько альбомов о разведчике Кузнецове. 18 мая 1963 года решением бюро городского Совета пионерских организаций пионерской дружине школы № 34 было присвоено имя Героя Советского Союза Николая Кузнецова. Позднее такое же звание получила пионерская организация школы № 37.

В 1967 году, узнав, что скульптор Клюкин готовит бюст Николая Кузнецова для города, пионеры лицея № 34 долго собирали и сдавали макулатуру, чтобы заработать деньги на бюст для своей школы. Однако при личной встрече с Алексеем Ивановичем, когда пионеры рассказали ему об активных делах дружины по созданию музея, сохранению памяти разведчика, о встречах с ветеранами войны, Клюкин безвозмездно передал им бюст героя-разведчика.

Третий бюст, первым я считаю тот, что у сельхозинститута, был установлен во дворе школы № 37 и за ним ухаживали пионеры этой школы. Однако после распада Советского Союза в 1991 году и ликвидации пионерских организаций страны, школьники и педагоги стали все меньше внимания уделять бюсту героя, со временем он обветшал и потерял свой художественный вид, а потом вообще исчез со двора. В сентябре 2015 года я отдыхал в санатории «Жемчужный». Рядом, за забором санатория, две бригады рабочих заканчивали реконструкцию старого здания, делали вокруг него из плитки дорожку, вдоль которой располагали скульптуры Ленина, Сталина, несколько фигур пионеров, футболиста и девушки с веслом, военачальников периода Великой Отечественной войны. Вдоль нашего забора два постамента пустовали. Я поинтересовался, кого на них разместят и неожиданно услышал:

«Юрия Гагарина и разведчика Кузнецова, но их бюсты пока на реставрации».

В апреле 2016 года я снова приехал на лечение в санаторий «Жемчужный» и через пару дней отправился к соседям. Над входом прочитал свежую вывеску: «Гостиничный комплекс-музей Дом Пионеров». Для начала вручил дежурному администратору визитку полковника ФСБ в отставке, подпись-сал музейю свою книгу «Два разведчика с улицы Республики». Взамен заслужил внимание администратора и получил визитную карточку Дома Пионеров с городским телефоном и адресом электронной почты. Поинтересовался, как себя чувствует разведчик Кузнецлов, который был на реставрации. Администратор ответила, что он уже стоит на месте, недалеко от Гагарина. Прошел к Николаю Ивановичу. Да, стоит на месте, новенький, только что с реставрации. Лоб, нос и прическа – почти как у того, что стоит у сельхозинститута, но поворот головы немного другой. А в целом очень узнаваемый Герой Советского

Союза Кузнецов. Таблички на постаменте пока нет, но сказали, что уже заказана. Что я видел внутри дома-музея, рассказывать не буду, чтобы не рекламировать его, он пока в стадии становления: посетители – отдельные туристы и группы по 2-3 человека, но рекламу уже дали и рассчитывают на больший поток.

И чтобы закончить разговор о случайностях, которые чаще всего закономерны, расскажу о разведчике Кузнецова и про шрифт Брайля. В феврале 2016 года я получил от Тюменской областной библиотеки для слепых и слабовидящих приглашение на презентацию моей книги «Два разведчика с улицы Республики», напечатанной шрифтом Брайля. За последние пять лет со времени 100-летия со дня рождения Николая Ивановича перечитал около пятнадцати книг разных авторов о разведчике Кузнецова. Но нигде не встречал даже упоминание о шрифте Брайля и вот – «пожалуйста, приходите на презентацию». Необычное издание этой книги вышло следующим образом. В октябре 2015 года журналист Татьяна Потемкина проводила свою встречу с коллективом библиотеки и по их просьбе передала им книгу о разведчике. Сначала книгу читал вслух методист, а незрячие сидели и слушали. Но постепенно рассказы о подвигах легендарного разведчика Великой Отечественной Николая Кузнецова так увлекли слушателей, что они решили собственными силами издать книгу шрифтом Брайля, чтобы ее мог прочитать любой желающий. Нашлись специалисты-энтузиасты, благодаря усилиям и терпению которых вместо 120-ти страничной книжечки появился толстый увесистый том в 260 страниц. Заместитель заведующей библиотеки Наталья Россомахина рассказала, что в Тюменской библиотеке для слепых полторы тысячи читателей и теперь каждый из них, знающий шрифт Брайля, сможет сам почтать книгу о войне и ее героях, познакомиться с жизнью нашего земляка, замечательного разведчика Николая Кузнецова. Наталья Россомахина считает, что благодаря авторам книг, которые откровенно рассказывают о Великой Отечественной войне, сохраняется историческая справедливость, молодежь узнает правду о войне, получает примеры для подражания, одним из которых, несомненно, является герой-разведчик Кузнецов. Примечательно, что энтузиасты библиотеки вскоре изготовят второй экземпляр книги шрифтом Брайля и он до конца года будет передан в библиотеку для слепых города Кургана.

ЖУРНАЛИСТЫ И РАЗВЕДЧИКИ – РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ

Семнадцать лет я читаю «Тюменскую область сегодня». И не устал, и не надоело. Правда, писать в последнее время в газету стал редко, но есть веская причина. Вот закончу вторую книгу про войну и земляков-разведчиков и развернусь в сторону газеты. Тем более, что впереди у нас в 2016 году две замечательные даты – 71 год со дня Победы в Великой Отечественной войне и 105 лет со дня рождения Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова. А это, все-таки, наша тема, я имею в виду наша с Александром Николаевичем Скорбенко. Это ведь он придумал в 2011-м в год столетия со дня рождения нашего земляка Николая Кузнецова новый проект газеты «Герой. Разведчик. Легенда». А дело было так.

Я принес в редакцию первоначальные, до конца не обработанные заметки о разведчике, рассказал, что материалов таких у нас в музее Управления ФСБ много, их можно было бы продвигать в газету как юбилейные к 100-летию разведчика Кузнецова. Он поколдовал пару дней над моими записками и выдал стройное, красивое название – совместный проект Совета ветеранов Управления ФСБ и редакции газеты «Тюменская область сегодня» – «Герой. Разведчик. Легенда». В Совете ветеранов мне как человеку, склонному к творчеству, поручили взять на себя подготовку и публикацию в газете материалов о Николае Кузнецове. Большинство журналистов газеты дружно поддержали эту работу. И первый среди них – однофамилец разведчика Сергей Кузнецов, весьма оперативный, разносторонне подготовленный и быстро освоивший чекистскую лексику и терминологию журналиста.

Что самое приятное тогда произошло – это изумительная по активности и доброте реакция читателей. В газету понесли прозу, стихи, старые, но очень интересные книги, фотографии и даже песню о разведчике Кузнецове. Посыпались звонки от ветеранов с предложениями встретиться и поговорить о герое. Из далекого города Мурманска за три с лишним тысячи километров пришло письмо-бандероль от журналиста Сергея Шибанова с отличными, ранее нигде не публиковавшимися фотографиями и статьей о боевой соратнице Кузнецова Валентине Довгер.

А потом, это уже была оргработка редакции и главного редактора, пошли круглые столы с тюменскими чекистами-ветеранами,

с приехавшим из Мурманска со своей новой книгой о Валентине Довгер Сергеем Шибановым, с приглашенным из Екатеринбурга автором повести о разведчике, писателем Григорием Каевой.

На исходе лета, но еще по сухой погоде журналисты газеты организовали велопробег по родным местам Николая Кузнецова от Тюмени до Зырянки, поселка Кузнецового и Талицы. Маршрут прокладывал, готовил и возглавлял вечно небритый журналист-энтузиаст и хороший краевед Полищук Владимир, а самой активной и веселой велосипедисткой была, конечно же, Нина Генне из отдела рекламы.

Вдохновленные подвигом пишущих и путешествующих сотрудников газеты «Тюменская область сегодня», организовали свой, но уже автопробег ветераны Тюменского управления госбезопасности во главе с подполковником ФСБ в отставке Александром Павленко. Маршрут вышел подлиннее – Тюмень – Екатеринбург – Пермь – Кудымкары, это места, где жил, работал и готовил себя к подвигу Николай Иванович Кузнецов. Встречи с молодежью, школьниками и ветеранами ФСБ были везде теплыми и запоминающимися.

Очень интересно прокомментировала визит тюменцев жена одного из чекистов города Перми: «Пока наши мужики спали, тюменцы – молодцы, пропахали почти тысячу километров и рассказали нашим, на каком здании в Кудымкаре надо прикрепить мемориальную табличку в честь разведчика Кузнецова».

И еще одна, для меня лично незабываемая встреча с журналистами газеты. Выступая на одной из редакционных планерок, я отметил, что разведчики и журналисты – родственные души, главная задача тех и других добывать важную, интересную информацию, иногда рискуя здоровьем, а то и головой. Привел два примера из истории разведки, когда хороший журналист становился известным разведчиком.

Рихард Зорге перед началом Второй мировой войны, будучи блестящим журналистом-аналитиком, был направлен из Германии в Японию представителем крупного немецкого издания «Франкфуртер цайтунг». В Токио он становится ведущим немецким журналистом, получает широкую популярность в правительственный кругах, входит в роль вначале консультанта, а затем и помощника германского посла в Японии, что дает ему возможность из первых рук получать и переправлять в Москву бесценную разведывательную информацию о готовящейся немцами войне против Советского Союза.

Второй пример. Наш земляк из села Ожогино Ялуторовского уезда Павел Фитин после окончания сельхозакадемии в Москве добился того, что стал вначале журналистом, потом завотделом и далее заместителем главного редактора общесоюзного издательства «Сельхозгиз». Талантливого журналиста заметили московские чекисты и направили в спецшколу НКВД СССР, готовившую кадры для разведки. После окончания школы в 1938 году талантливый журналист Фитин быстро прошел все ступени служебной карьеры и в 1939 году стал начальником Внешней разведки Советского Союза, внесшей большой вклад в победу Красной Армии в Великой Отечественной войне.

На рабочей встрече-семинаре с журналистами, организованной по инициативе главного редактора газеты Скорбенко Александра Николаевича, я рассказал о некоторых, приемлемых для рыцарей пера легальных способах добывания нужной информации, выявления и определения источников ее получения, способов воздействия на них в нужном направлении. Газетчики задавали много интересных, порой острых вопросов, но результатом встречи оказались довольны обе стороны.

Одна журналистка вспомнила очень напряженный эпизод из моей книги о разведчике Кузнецова. После двух удачных покушений на фашистских генералов в Ровно, где Кузнецов был одет в форму немецкого офицера, он в той же форме оберлейтенанта с документами на имя Пауля Зиберта шел по улицам оккупированного города Ровно и три раза подряд его останавливали патрули для проверки документов. На третий раз Зиберт спокойно поинтересовался у начальника патруля: «Господин майор, что происходит? Меня на протяжении каких-то десяти минут остановили уже три раза?». Майор ответил, что не стоит волноваться, просто гестапо разыскивает какого-то обер-лейтенанта. Это был весьма тревожный сигнал опасности, о чем командир партизанского отряда Дмитрий Медведев проинформировал Москву. Вопрос: «А что, наше командование не могло принять какие-то меры, чтобы спасти такого уникального разведчика? Не могли или не сумели?». Ответ автора – хотели, поменяли звание – добавили по звездочке на каждый погон, переделали документы, перекрасили автомобиль и вскоре отправили вместе с водителем Беловым и помощником Каминским в соседний город Львов. Но две конспиративные квартиры Каминского там оказались уже проваленными, группа осталась без пристанища и связи. Развединформацию собирать

было бесполезно, нечем передавать и Кузнецов решает продолжить акции возмездия. 9 февраля 1944 года на улице города он дерзко, в упор расстреливает вицегубернатора Галиции Отто Бауэра и его помощника. По стреляным гильзам, изъятым на месте происшествия, полиция установила, что стреляли из того же пистолета, что использовал оберлейтенант в Ровно, значит «ровенский стрелок» перебрался во Львов. Кто недоглядел, теперь неизвестно, но пистолет при переезде во Львов Кузнецов оставил тот же, поскольку привык к нему и стрелял без промаха. Полиция и все спецслужбы Львова были подняты по тревоге, выезды из города срочно перекрыты. Группа Кузнецова с боем прорывается через один из блокпостов, но колеса машины пробиты, ее приходится бросать и уходить в лес. Несколько дней без карты и компаса, без пищи и воды группа продвигается на восток на встречу наступающей Красной Армии, но на хуторе Боратин попадает в бандеровскую засаду и погибает в скоротечной схватке. Что можно было сделать еще? Автор считает, что переводить надо было подальше, например в один из партизанских отрядов Белоруссии, где Кузнецова никто не знал. Но сложность была в том, что в то время на оккупированных территориях в тылу врага действовало более двух тысяч партизанских отрядов и групп, Центр ежедневно получал от них сотни сообщений, которые тогда обрабатывались вручную и тревожному донесению Медведева возможно кто-то не придал должного значения.

Сотрудничество редакции газеты «Тюменская область сегодня» и Совета ветеранов Управления ФСБ было и сегодня остается взаимно интересным. Но, на мой взгляд, у редакции и главного редактора Александра Скорбенко появился свой, повышенный интерес к вопросам разведки. Так, в конце декабря 2015 года Александру Николаевичу удалось пригласить на круглый стол в редакцию доцента МГИМО, полковника Внешней разведки в отставке, вчерашнего разведчика-нелегала, отработавшего более двух десятков лет в США, Андрея Безрукова. Разговор получился продолжительным, весьма насыщенным и интересным. В числе других гостю был задан автором и такой вопрос: «Что помогло нашему земляку-tüменцу, корреспонденту, а затем заместителю редактора Павлу Фитину стать выдающимся разведчиком и есть ли что-то общее между профессиями разведчика и журналиста?» Полковник Безруков ответил, что это – пример биографии достойного человека, разведчиками не рождаются,

ими становятся. Самое главное – в человеке должно быть желание постоянно совершенствоваться. Желание совершенствовать себя, каждый день становиться лучше, вместе с любовью к Родине привели Павла Фитина к тому, чего он достиг. А далее прямая речь: «Между разведчиком и журналистом на самом деле много общего: это работа с людьми, ограниченная во времени. Кроме того, работа должна быть выполнена во что бы то ни стало, независимо от обстоятельств, желаний или самочувствия, в определенные сроки. Например, газета должна выйти завтра и она выйдет, что бы ни случилось. Также и у разведчика: сообщение должно быть отправлено. Главное в обеих профессиях – передача достоверной информации вовремя».

В конце встречи главный редактор Александр Скорбенко вручил гостю книгу «Война и разведка».

БОГ ЛЮБИТ ТРОИЦУ (ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ АВТОРА)

В судьбу можно верить или не верить. Если она что-то преподносит, к этому нужно, как учили древние греки, относиться спокойно, как к неизбежному. И самое главное – при любых жизненных поворотах сохранять лицо и душу, противостоять любым ударам судьбы. А их у меня было предостаточно.

С давних времен мы говорим – «Бог любит троицу», «три богатыря», «сообразить на троих». Но вряд ли кто-то там наверху думал о дате моего рождения и, вообще, о моей персоне. И, все таки, родился я третьего числа, третьего месяца 1933 года, долго жил в доме 73, квартире 103. В настоящее время имею дачу 73, гараж 33. И лет мне сегодня 83, и, слава Богу, чувствую себя не так уж плохо, даже книжки пописываю. А вот в школе обходился без троек и окончил ее с медалью. Мечтал стать писателем, знал наизусть почти всего «Евгения Онегина» и «Василия Теркина». В 10-м классе написал поэму о молоденькой учительнице литературы, в которую тайно был влюблен. Ей стихи не показал, запечатал в конверт и отправил председателю Союза писателей СССР Александру Твардовскому. К моей великой радости он ответил. Всего несколько строчек: «В ваших стихах что-то есть, но чтобы стать поэтом, нужно очень много учиться. С пожеланиями успехов, Александр Твардовский». Окрыленный, решил

поступать в Литературный институт. Мама спустила с небес на землю, сказав, что в Москве мне просто не на что будет жить, а она ничем не сможет мне помочь.

Пошел в инженеры-железнодорожники, потому что там давали летнюю и зимнюю форму одежды и обеспечивали трехразовым питанием. А паровоз впервые увидел, когда поехал поступать в Новосибирский институт военных инженеров транспорта. До сих пор помню, как машинист на станции Называевская, увидевший, как мы с другом, деревенские ребята, вытаращили глаза и открыли рты при виде чудо-машины, дал хорошего гудка. Мы со страху бросились врассыпную, оставив на перроне свои фанерные чемоданчики.

Мою мечту воплотил брат Владимир, член Союза журналистов России, редактор журнала «Природа Прииртышья» в городе Омске, написавший и издавший более 30-ти книг.

От матери и отца усвоил правило: за что берешься, делай хорошо или не делай вовсе. Следовал ему всегда, в учебе и на работе.

Переломный момент случился в школе. Мама работала уборщицей, а я оставался после уроков, помогал ей мыть полы. Однажды наблюдал за игрой в шахматы сына секретаря райкома партии и подсказал его противнику: «Не ходи конем, ладью двигай». Серега взвился: «Ты не подсказывай, а бери тряпку и мой полы». Я не сдержался и врезал ему по носу, хорошо, до крови. То, что сказал мне потом директор школы Иван Михеевич Чeredов, запомнил на всю жизнь: «Доказывать надо не кулаками, а головой». Это второе правило, которому следую всю жизнь.

Рад, что за всю трудовую карьеру несколько раз поменял профессию: инженер железнодорожного транспорта, контрразведчик, менеджер, коммерсант. Кто сидит на месте, обрастаает мхом. Нужно всегда учиться и идти вперед.

Не люблю фильмы про Джеймса Бонда. Как профессионал вижу много неточностей, ошибок. Мне ближе «Семнадцать мгновений весны». Кстати, при его съемках консультировались с опытными чекистами. Особенно дорога фраза шефа гестапо Мюллера: «Штирлиц, вы мне чем-то симпатизируете». Это лучшая награда, услышать слова признания от врага. Похожую фразу сказал фашистский разведчик майор фон Ортель Пауль Зиберту (его талантливо воплотил в жизни Николай Кузнецов, легендарный разведчик, наш земляк, который в чем-то похож на Штирлица).

О женщинах. До определенного возраста они все просто Лены, Наташи, Кати. Но наступает момент, когда для мужчины она становится Сикстинской Мадонной. И с этого времени она уже не Лена, она – Мадонна. Для меня такой Мадонной была жена Вера Матвеевна.

Юмор – способ общения образованных людей. Люблю элегантные шутки. Собрал коллекцию примерно из 500 приличных анекдотов. КГБ – величайшая школа общения с людьми. Я научился находить общий язык с любыми категориями людей – от государственных преступников до академиков.

Когда ты очень хочешь найти информацию и упорно к этому идешь, она сама на тебя выплывает. В контрразведке есть метод сплошного поиска. Я искал родственников скульптора памятника Николаю Кузнецову, что у сельхозакадемии. Перелопатил все архивы, библиотеки и музеи, расспросил старожилов Тюмени. А потом нечаянно зашел в кафе «Чердак» (кстати, дом номер 33) и разговорился с его исполнительным директором Екатериной Власовой, как оказалось, дальней родственницей жены скульптора. Она вывела меня на сына скульптора – Алексея Клюкина.

Мужчина должен быть готов защитить Отечество и свою семью. А у чекистов и пограничников есть одна привилегия – первыми встать на защиту Родины.

В сегодняшней России люди разделились на два лагеря. Для одних ценность – деньги. Для других – саморазвитие, образование, служение Отечеству. Считаю, что представители второго подхода выигрывают.

Обеспечивать безопасность первых лиц государства – дело нелегкое. В период службы мне трижды довелось встречать в Тюмени Бориса Ельцина и один раз Михаила Горбачева, организовывать их охрану и передвижение. Обычные люди, но судьба возложила на них огромную ответственность.

Моим главным советчиком часто бывала жена Вера Матвеевна. Женская интуиция, справедливость и человечность, которые были ей свойственны, подсказывали верный путь. Любовь должна быть одна на всю жизнь. Ее не выбирают, не планируют, она сама приходит. Ко мне пришла в 9-м классе, я был комсоргом, а она перевелась из соседней школы и не заплатила комсомольские взносы. Вызвал, отчитал, она обиделась. Так началось наше знакомство длиною в 46 лет. Четырнадцать лет ее нет, но лучше женщины я не встретил и не ищу.

Я был заядлый спортсмен, а теперь болельщик. Могу сходу назвать биатлонистов Норвегии, Франции, Германии, России. Любил лыжи, стрельбу, шахматы и волейбол. 15 лет выступал за сборную Управления КГБ по этим видам, получил около 40 грамот и дипломов. Спорт позволяет развивать дисциплину и выносливость, поддерживать хорошую форму, без него никак нельзя. И сегодня у меня каждое утро зарядка 45-50 минут.

Одну мысль для себя понял четко. Нужно делать сегодня то, что хочешь сделать, потому что завтра может и не быть.

Жизнь заставляет крутиться и постоянно учиться. На 79-м году освоил Интернет и теперь пишу книги только за компьютером. Для связи, передачи и получения информации – классная штука.

А еще мне нравится планировать свои дела, видимо, потому, что почти 59 лет прожил при советской плановой экономике. В нынешний тезис, что рынок все урегулирует, не очень-то верится. Уже с вечера знаю, что буду делать завтра, а в конце дня проверю, все ли выполнил. Что-то прикидываю на неделю, на месяц вперед, а иногда и больше. Планы порой довольно неожиданные. Когда в 2002 году хоронили мою супругу Веру Матвеевну, друзья-ветераны попросили смотрителя на Червишевском кладбище определить место получше. Он предложил на солнечном бугорке недалеко от часовни. Я обратил внимание на соседнее захоронение, памятник стоит один, а место огорожено на двоих. На мой вопрос-просьбу, как это делается, смотритель объяснил, что если мне уже есть 60, нужно заплатить деньги и тогда загородят. Оплатил, квитанцию отдал дочери, и теперь моим близким не придется искать, куда меня пристроить, когда это потребуется.

От мамы унаследовал оптимизм, и потому планы, в основном, хорошие. В 2010 году, несмотря на различные болячки, запланировал посмотреть в 2014 году зимнюю Олимпиаду в Сочи. Сегодня думаю непременно побывать на Кубке мира по биатлону в 2017 году у нас в «Жемчужине Сибири». В 2018-м чемпионат мира по футболу будет в России, некоторые игры пройдут в Екатеринбурге, непременно надо съездить. Россия набирает ход и многие международные дела перемещаются к нам. Чего доброго, ООН переедет в Санкт-Петербург из Нью-Йорка, а может сразу за Урал, спокойнее и подальше от американских ракетных баз в Румынии и Польше. Словом, поживем, может еще и не то увидим.

*Правнучка разведчика П.М. Фитина – Мария Фитина
с ветеранами ФСБ В. Ефремовым и Н. Зензиным, г. Тюмень*

*Жена скульптора Клюкина – Старовойтова Александра Тихоновна
на параде Победы 9 мая 2004 года, г. Тюмень*

Фронтовики-молодожены: врач Александра Старовойтова
и скульптор Алексей Клюкин, 1955 год

Сестра разведчика Кузнецова Агафья Ивановна с дочерью Валей,
г. Тобольск, 1955 год

Сын скульптора Клюкина – Алексей Клюкин – младший,
100-летие Николая Ивановича Кузнецова, 2011 год

Евгения Зензина, вдова погибшего
в 1943 году на фронте
В. П. Зензина

Мама Женя с детьми Николаем,
Володей и Аней, село Солдатское,
после войны

Памятник воинам, погибшим в Великую Отечественную войну (в центре)
и памятные знаки разведчику П.М. Фитину
и Герою Советского Союза П.Д. Залесову, с. Ожогино

Н. В. Зензин на презентации своей книги
«Два разведчика с улицы Республики», исполненной шрифтом Брайля

Зензин Николай Васильевич

МЫ ПОМНИМ ВСЕХ, ДАЛЕКИХ НАМ И БЛИЗКИХ

РАССКАЗЫ О ВОЙНЕ И ЗЕМЛЯКАХ-РАЗВЕДЧИКАХ

Оформление и компьютерная верстка В. В. Руссу
Корректор Л. А. Новикова

Подписано в печать 23.05.2016. Формат 143x215.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная.
Тираж 200 экз. Заказ № Э-1287.

ООО «ИПЦ «Экспресс».
625048, г. Тюмень, ул. Минская, 3г, корп. 3.
Тел./факс (3452) 41-99-82.